

*«Придумать можно все,
кроме психологии»
Л.Н.Толстой*

Человеческий фактор

СОЦИАЛЬНЫЙ
ПСИХОЛОГ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году в Ярославле

2015

№1 (29)

ЧФ:

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Свидетельство о регистрации - ПИ № 77-15751
Подписной индекс Агентства "Роспечать" - 36053

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

выпуск №2(28) 2014

журнал
для ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ
НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
"НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
"ИНСТИТУТ ЭРГОНОМИКИ И
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ТЕХНОЛОГИЙ""

ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

Главный редактор журнала
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»

В.В.Козлов

Главный редактор серии
«Социальный психолог»

В.В.Козлов

Главный редактор серии
«Проблемы психологии и эргономики»

В.М.Львов

Главный редактор серии
«Общество и власть»

Д.П.Пискарев

Редакционная коллегия серии
«Социальный психолог»

**А.В.Карпов, В.В.Козлов,
Н.В.Клюева, Е.В.Карпова
В.А.Мазилов, Н.П.Фетискин**

Редакционный совет серии
«Социальный психолог»

**Г.В.Акопов, И.П.Волков,
А.Л.Журавлев, Т.П.Емельянова,
М.М.Кашапов, Ю.А.Клейберг,
В.И.Назаров, Р.С.Немов,
Н.Н.Обозов, Б.Д.Парыгин,
Ю.П.Поваренков, А.Л.Свенцицкий,
Л.Ю.Субботина, В.Е.Семенов,
В.А.Урываев, А.В.Филиппов
В.А.Янчук**

Оригинал-макет: **М.Н.Федоров**

Адрес редакции:

150057, г.Ярославль,
ул.Матросова, дом 9, офис 206
тел.: (4852) 728-394;
факс (4852) 478-666

Адрес издателя и распространителя :

ООО «Международная Академия психологических наук»

150000, г. Ярославль, ул. Первомайская 9-2
тел. 8-4852-728394

Эл.почта kozlov@zi-kozlov.ru

Отпечатано Типография «ТИТУЛЬ» (ИП Маренков А.В.)
150040, г.Ярославль, ул. Угличская 12Б
формат 70x100/16. Тираж 400. Заказ № 1670

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2015 выпуск №1 (29)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Козлов В.В. (Ярославль, Россия) ПАТРИАРХУ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 80 ЛЕТ	5
Альтман Ю.И. (Москва, Россия) МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ДВОЕМЫСЛИЯ: МЕЖДУ ПРИРОДОЙ ПРАВОГО АВТОРИТАРИЗМА И КУЛЬТУРОЙ БАНАЛЬНОСТИ ЗЛА	10
Кривобокков А.С. (Ярославль, Россия) О НЕОБХОДИМОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЗУЕМЫХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА СОВЛАДАНИЯ С ТРУДНОСТЯМИ	25
Левит Л.З. (Минск, Белоруссия) ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ: ИНТЕГРАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	30
Нугер Б., (Астана, Казахстан) СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БРЕНДА	42

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Клюева Н.В., Котина Н.Н. (Ярославль, Россия) ИЗМЕНЕНИЕ САМООТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	49
Козлов В.В. (Ярославль, Россия) СМЕРТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	56
Кукина М.В. (Иркутск, Россия) МОБИНГ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ	69
Ободкова Е. А. (Ярославль, Россия) ИМИДЖЕВАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНИЗАЦИЙ: КАРЬЕРНЫЙ АСПЕКТ	76
Петренко В.Ф. (Москва, Россия) ПРОБЛЕМА КОНТАКТА С ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ	80

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Аялбергенова Г.Б. (Шымкент, Казахстан) ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КРЕДИТНОЙ И ЛИНЕЙНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ	93
---	----

Бовин Б.Г., Федорова Е.М. (Москва, Россия) НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УИС.....	97
Колодин В.В., Усатаева Г.М., Калматаева Ж.А. (Алматы, Казахстан) СКРИНИНГ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РИСКА У ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ НЕИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПМСП.....	106
Метельская Ю.С. (Ярославль, Россия) РОЛЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ УЧАЩИХСЯ ОТКРЫТЫХ СМЕННЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ.....	113
Мухамедова Д. Г. (Бухара, Узбекистан) СТРУКТУРА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА ОБРАЗОВАНИЯ.....	124
Сандомирский М.Е. (Москва, Россия), Николаева Е.Ю. (Екатеринбург, Россия) ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОВЕГЕТАТИВНЫХ СООТНОШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	129
Старцева К.Н. (Ярославль, Россия) ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ И СИТУАЦИИ БЕРЕМЕННОСТИ НА ИНТЕНСИВНОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО КРИЗИСА.....	133
Стёганцев А.В. (Москва, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВЫБОРА В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ.....	140
ХелдеА. (Рига, Латвия) РЕКЛАМА СОЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА, КАК МЕТОД ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ БРЕНДА: ОБЗОР ССЫЛКОЙ НА ЛАТВИЙСКИХ СМИ.....	149
Чернопятова А.В. (Ярославль, Россия) СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ.....	160
Львов В.М. Lvov V.M. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СЕРТИФИКАЦИИ ЭРГОНОМИСТОВ BASIC CONCEPT OF CERTIFICATION ERGONOMISTS.....	164
Сведения об авторах.....	182

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Козлов В.В. (Ярославль, Россия)

ПАТРИАРХУ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 80 ЛЕТ

18 мая 2015 года исполняется восьмидесятилет Виктору Васильевичу Новикову – доктору психологических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ, основателю и первому декану факультета психологии ЯрГУ, организатору и Президенту Международной Академии психологических наук, основателю кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Виктор Васильевич Новиков - известный в нашей стране и за рубежом специалист в области социальной психологии, промышленной психологии и психологии

коллектива, он внес своими исследованиями крупный вклад в психологическую науку и практику, активно участвуя в разработке научных проблем социальной и промышленной психологии.

Виктор Васильевич Новиков – личность, бесспорно, незаурядная: видный ученый и организатор науки. Им созданы уникальные образовательные и научные школы. Под его руководством в течение более 20 лет работали Международная Академия Психологических Наук, Высшая школа практической психологии и менеджмента, два докторских диссертационных Совета, с 90-ых годов единственная в стране кафедра социальной и политической психологии, аспирантура и докторантура по организационной и социальной психологии.

Он – Действительный и Почетный член многих российских и международных академий, университетов, ассоциаций и обществ, член редколлегий нескольких научных журналов и других изданий. Им написаны и отредактированы сотни книг, Профессор Новиков — неперенный участник и организатор множества самых крупных научных конгрессов, съездов, симпозиумов и конференций, постоянный руководитель, консультант, рецензент и оппонент докторских и кандидатских диссертаций.

Кандидатская диссертация Виктора Васильевича «Основные факторы формирования коллективизма у колхозного

крестьянства» готовилась в секторе Е.В. Шороховой по философским наукам. Но в конце 1966 года речь пошла о введении в номенклатуру специальностей ВАК СССР психологических наук. Диссертация под прежним названием была переориентирована и оформлена на соискание ученой степени кандидата психологических наук с расчетом ее защиты на специализированном Ученом совете по психологии при Ярославском государственном педагогическом институте. Датой защиты наметили 17 марта 1967 года. Официальными оппонентами были назначены доктор философских наук, профессор Е.В. Шорохова и доктор педагогических наук, профессор Добрынин Николай Федорович. Защита состоялась в намеченный срок, прошла блестяще, но по «педагогическим наукам», ибо номенклатуру специальностей с психологическими науками Президиум ВАК СССР к тому дню официально еще не утвердил.

Так за семь месяцев до официального окончания очной аспирантуры Виктор Васильевич Новиков стал кандидатом педагогических наук в скобках (по психологии). День защиты диссертации официально считался днем окончания аспирантуры и очный аспирант подлежал государственному распределению. Министерское назначение оказалось весьма оригинальным – направить на курсы иностранных языков ЮНЕСКО для последующей работы за границей.

Вместе с другими психологами ЯГПИ Виктор Васильевич участвовал во многих хозяйственных работах на предприятиях Ярославля и других городов. Молодой, мобильный, хорошо знакомый с зарубежным опытом психолог стал весьма популярным специалистом, получав-

шим заманчивые предложения из многих городов и республик Союза. Он часто и охотно ездил в различные регионы СССР, но всегда возвращался в родной город.

В 1970 году группа преподавателей кафедры психологии ЯГПИ во главе с профессором В.С. Филатовым приглашается в возрождающийся Ярославский государственный университет, в котором предполагалось открытие третьего в стране факультета психологии. Ректор пединститута Л.В. Сретенский (кстати, бывший председатель ученого Совета по психологическим наукам) переводится на должность ректора нового вуза. Зная организаторские и профессиональные способности Виктора Васильевича, он назначает его сначала ответственным секретарем приемной комиссии университета, а с началом учебного года – деканом факультета психологии, истории и права (как в Сорбонне!), где на каждое отделение было принято по 50 студентов.

Декану третьего в стране факультета, готовящего профессиональных психологов с университетским образованием, пришлось тесно общаться со «старшими» по стажу и научным званиям деканами: А.Н. Леонтьевым (МГУ) и Б.Г. Ананьевым (ЛГУ). Б.Г. Ананьев, очень заинтересовался свершившимся фактом. Более того, он сразу же вызвался помогать становлению нового факультета и по-деловому сотрудничать с ним. Юный (по сравнению с давно перешагнувшими шестидесятилетний рубеж коллегами) декан уехал из Ленинграда окрыленный, привез с собой программы обучения, образцы учебных пособий, предложения на участие в различных конференциях и семинарах. С той поры факультет психологии ЛГУ стал для ярославских психоло-

гов не только ярким ориентиром в работе, но и поставщиком кадров, заказчиком новых исследований и публикаций. Так в Ярославле появился выпускник ЛГУ Анатолий Журавлев. Его Виктор Васильевич выбрал одного из многих студентов. Тогда же зародилась дружба с ассистентами ЛГУ – будущими профессорами: И.П. Волковым, Н.Н.Обозовым, А.Л.Свенцицким, Э.А.Чугуновой и многими другими ныне известными учеными. Тем не менее, В.В. Новиков и его коллеги понимали, что Ярославский психологический факультет не может и не должен повторять даже лучший образец. У него было другое предназначение: с самого начала факультет призван был готовить специалистов в области индустриальной психологии, потребность в которых в те годы была велика, а у ярославских психологов имелись достаточные основания для того, чтобы обеспечить их подготовку. Под руководством Виктора Васильевича на факультете сразу же была создана хозрасчетная лаборатория психологии организации труда и управления, через посредство которой прежние ученики В.С. Филатова и новые студенты могли реализовать свой потенциал на предприятиях не только Ярославля, но и всей страны. Сразу же были заключены договоры с предприятиями нефтехимии, автомобильной и текстильной промышленности. Сам Виктор Васильевич ездит по городам и предприятиям Советского Союза, выступает перед руководителями организаций предприятий. Его лекции становятся откровением для руководителей, записываются на редкие еще магнитофоны, пленки передаются из рук в руки. Бывали случаи коллективного прослушивания этих записей. Психоло-

гия становится популярной, в исследованиях и практической работе на заводах начинают участвовать студенты...

Почти полтора года вел за собой факультет энергичный и популярный декан. И вдруг 2 декабря 1971 года, по нелепому поводу, его увольняют с работы.

В декабре В.В. Новикова принимают на должность заведующего сектором социально-психологических исследований Центра НОТ Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР, где его разработки внедрились еще с 1967 года.

Долгих шестнадцать лет провел он в этой многопрофильной, многолюдной и высокотребовательной отрасли, практически ежедневно решая сложные проблемы управления, организации и охраны труда в условиях повышенной взрыво- и пожароопасности, повышенной экологической вредности и т.п. Вскоре он организует первую в стране отраслевую психологическую службу и является одним из основателей Советской промышленной психологии, социальной психологии труда, психологии управления.

В годы работы В.В. Новикова в Центре НОТ многие выпускники его родного факультета прошли его школу. Далеко не всем она оказалась по плечу, но даже те, кто не выдержал испытательных сроков, теперь с благодарностью вспоминают годы работы с ним и всячески демонстрируют свое уважение к нему. Кстати, из тех, кто тесно сотрудничал со службой Виктора Васильевича, вышло два министра, три их заместителя, несколько начальников главков, десятки генеральных директоров различных фирм, сотни начальников цехов, установок и других

первичных производственных коллективов.

Авторитет службы был настолько высок, что почти ни одно крупное мероприятие в отрасли не проходило без участия ее руководителя. До 250 дней в году он проводил в командировках на предприятиях, располагавшихся буквально во всех регионах Союза... О работе службы писали центральные и республиканские газеты и журналы, снимались кинофильмы, устраивались теле- и радиопередачи. За научные и трудовые успехи Новикова В.В. признавали ударником трех пятилеток, награждали медалями различных выставок, избирали народным депутатом, наконец, он был удостоен ордена. Все эти годы психолог-практик вел собственные глубокие научные исследования и регулярно публиковал их в открытой (и, конечно же, в закрытой) печати.

8 февраля 1981 года В.В. Новиков блестяще защитил докторскую диссертацию на самом авторитетном для психологов Диссертационном Совете в Институте психологии АН СССР под председательством его знаменитого директора Б.Ф. Ломова. Труд опального ученого под названием «Социально-психологические проблемы управления (на материалах отраслевой службы Миннефтехимпрома СССР)» официальными оппонентами В.Д. Шадриковым, А.И. Китовым и Е.С. Кузьминым был признан новаторским, имеющим теоретическую и практическую значимость, открывавшим новое направление в науке. Неофициальные оппоненты: Ю.М. Забродин, А.Д. Глоточкин, К.К. Платонов, А.В. Филиппов, Е.В. Шорохова и другие назвали «психологическое управление», разработанное и внедряемое диссертан-

том, открытием отечественной науки. Самую защиту Е.С. Кузьмин охарактеризовал как «настоящий праздник советской психологии».

Совет, состоявший из 18 наиболее известных советских ученых, единогласно принял ходатайство перед ВАК СССР о присуждении В.В. Новикову ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.05 — социальная психология.

Впервые в стране, как отмечали рецензенты, практически психологом, обеспечившим собственными теоретическими разработками высокую действенность реализуемых на предприятиях огромной отрасли мероприятий, была достигнута высокая экономическая эффективность работы. Об этом свидетельствовали многочисленные акты внедрения научно-практических проектов В.В. Новикова. Все подобные «акты» неоднократно ревизовались финансовыми, экономическими инспекциями и даже компетентными органами.

Итак, основатель третьего в стране факультета психологии, первой отраслевой психологической службы, автор социально-психологического проектирования, психологического управления и концепции социальной психологии производственного коллектива, изобретатель «социального паспорта» и «социально-психологического портрета» коллектива, родоначальник «проектов социального управления трудовым коллективом» и некоторых других методик, получил, наконец, полное профессиональное признание не только за рубежом, но и в своей стране. Появилось удовлетворение от самодостаточности и отсутствие необходимости доказывать другим и самому себе,

в первую очередь, что жизнь состоялась во всех ее проявлениях...

2 декабря 1987 года, ровно через 16 лет после увольнения, подал заявление о возвращении на созданный когда-то факультет.

Несколько лет В.В. Новиков честно исполнял роль рядового профессора кафедры общей психологии, был признан сначала лучшим ученым, а затем и лучшим методистом университета. В одной из областных газет даже появилась ироничная заметка «Новиков и Ленин — близнецы-братья: обоих выгоняли из университета». Вел курсовиков, дипломников, аспирантов, успешно «защищал» их, руководил стажерами из разных стран.

В 1992 году создается Международная Академия Психологических Наук (МАПН), где его избирают президентом-организатором. Сначала в МАПН, призванную объединить разрозненные силы психологов стран СНГ и желающих работать в содружестве специалистов дальнего зарубежья, вступают представители 13 государств. С годами эта необычная научно-общественная организация привлекает внимание ученых более 40 стран. Появилась возможность прямых контактов с психологами всех частей света.

В родном университете Виктор Васильевич Новиков постепенно образовал первую уже в России кафедру социальной и политической психологии. В 1994 году под его председательством начинает работать кандидатский, а в 1999 году и докторский диссертационные советы под эгидой ВАК России.

В 1996 защитил ученую степень доктора философии международного бизнеса и коммерции, г. Сан-Франциско, США.

В декабре 1998 года он возглавляет Диссертационный Совет Международного Межакадемического Союза по поддержке образования и подготовке научных кадров при ООН и ЮНЕСКО. Этот совет рассматривает диссертации и присуждает ученые звания доктора и кандидата наук, а также профессора и доцента по истории психологии и управлению народным хозяйством (экономика).

В 1999г. В.В.Новиков защитил ученую степень доктора экономических наук ВМАК России и Международного межакадемического Союза при ЮНЕСКО, г. Москва.

Известный в нашей стране и за рубежом специалист в области социальной психологии, промышленной психологии и психологии коллектива, он внес своими исследованиями крупный вклад в психологическую науку и практику, активно участвуя в разработке научных проблем социальной и промышленной психологии. За выдающиеся заслуги в теории и практике психологической науки награжден медалями СССР и России, а также орденом «Знак почета», орденом «Звезда Вернадского первой степени за заслуги в науке» Международного Межакадемического Союза при ЮНЕСКО, орденом «За заслуги перед отечеством» 2 степени, Почетным Знаком Губернатора Ярославской области «За заслуги в образовании. Высшая Школа». В.В. Новиков первым из Ярославских психологов удостоен звания «Заслуженный деятель науки России». Лауреат Национального профессионального психологического конкурса «Золотая Психея» по итогам 2005 года в номинации «Патриарх российской психологии» (октябрь 2006). В 2009-ом году он стал победителем в конкурсе «Золотая

Психея» на звание «Патриарх российской психологии».

В.В.Новиков - автор более 900 научных работ, в том числе 40 монографий. В 2002-2005 годах изданы избранные произведения профессора Новикова В.В. («Социальная психология и экономика» в 11 томах). Труды В.В. Новикова получили широкое признание как в России, так и во многих странах "дальнего" (Австралия, Англия, Бельгия, Болгария, Германия, Голландия, Канада, США, Польша, Румынии, Франция, Япония и др.) и "ближнего" зарубежья (Украина, Беларусь, Литва, Латвия, Грузия, Армения, Казахстан, Эстония, Узбекистан, Таджикистан). Его произведения изданы на 43 языках мира.

В.В.Новиков проявил себя умелым организатором науки, руководителем ряда перспективных направлений исследований. Под его руководством подготовлено и защищено 85 кандидатских и 35 докторских диссертаций. Он является учре-

дителем и главным редактором журнала «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР», включающего специализированные серии «Проблемы психологии и эргономики», «Социальный психолог», «Общество и власть», является руководителем исследовательского проекта по кризисологии, номинированного на Государственную Премию РФ (2002 г.) и др.

Профессор В.В.Новиков является эталоном научного руководителя, Учителя, психолога-профессионала и организатора науки для огромной массы его учеников и соратников.

Виктор Васильевич прошел долгий и часто трудный путь, но всегда справлялся с любыми вызовами жизни, ибо его энтузиазм всегда был неистощимым.

К восьмидесятилетию Патриарха Российской психологии выпускается 12 томов его избранных научных трудов. Вне сомнения, Виктор Васильевич оставил огромное научное наследие, которое ждет дальнейшего использования и развития.

Альтман Ю.И. (Москва, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ДВОЕМЫСЛИЯ: МЕЖДУ ПРИРОДОЙ ПРАВОГО АВТОРИТАРИЗМА И КУЛЬТУРОЙ БАНАЛЬНОСТИ ЗЛА

В статье рассматриваются результаты кросс-культурного исследования российских и немецких респондентов с целью выявления сходств и особенностей в динамическом развитии ценностно-мотивационных ориентаций у лиц с уровнем авторитаризма выше среднего. Исследуются вопросы трансформации декларируемых ценностей в ценности, реализуемые личностью в процессе адаптации и социализации. Уделяется внимание теоретическому анализу проявлений действия социально-психологического феномена двоемыслия в ходе преодоления когнитивного диссонанса и достижения личностью состояния когнитивного консонанса. Подчеркивается необходимость социально-философского и социально-психологического осмысления феномена двоемыслия в контексте кросс-культурного анализа.

In the article the results of cross-cultural research of the Russian and German respondents to identify similarities and peculiarities in the dynamic development of

motivational orientations in individuals with a level of authoritarianism is above average. Explores the issues of transformation of the declared values in the values implemented by the personality in the process of adaptation and socialization. Attention is paid to the theoretical analysis of the manifestations of the action of the socio-psychological phenomenon of doublethink in the course of overcoming cognitive dissonance and achieve the personality of the assessment of cognitive consonance. Stresses the need for socio-philosophical and socio-psychological understanding of the phenomenon of doublethink in the context of cross-cultural analysis.

Ключевые слова: anomie, двоемыслие, девиантность, правый авторитаризм, правовой нигилизм, ценностные ориентации, поведенческие приоритеты, адаптация, социализация, рассогласование, когнитивный диссонанс, закрытые группы и ситуации, тоталитаризм, банальность зла.

Keywords: Anomie, doublethink, Deviance, Right-wing authoritarianism, Legal nihilism, value orientations, behavioral priorities, adaptation, socialization, misalignment, cognitive dissonance, closed groups and situations, totalitarianism, the banality of Evil.

Настоящая статья имеет характер теоретического предположения, основанного на эмпирических результатах кросс-культурного исследования российских и немецких респондентов [1, с.86-91]. Объектом исследования являлись группы людей, имеющие уровень правого авторитаризма выше среднего, для которых характерны взаимоисключающие противоречия между декларативными и инструментальными поведенческими ценностями индивида, присутствующие одновременно и проявляющиеся как состояние в сознании и как процесс в реализации поведения человека, а также в процессе конструирования и формирования человеком социальной реальности. Предметом – особенности рассогласования в немецкой и российской выборках респондентов между терминальными ценностями, с одной стороны, и инструментальными ценностями и индивидуальными предпочтениями индивида, которые он использует в процессе реализации своего повседневного адаптивного и социализирующего поведения, с другой.

Целью настоящей работы является теоретическое осмысление и обоснование социально-психологического феномена двоемыслия как самостоятельного конструкта. Задачами являются нахождение общих и отличительных черт указанных рассогласований по результатам кросс-культурного анализа на материалах немецкой и российской выборок у лиц с уровнем авторитаризма выше среднего, а также у лиц, не склонных к правому авторитаризму. Кроме того, ставится теоретическая задача по выявлению специфики состояния двоемыслия по отношению к состоянию когнитивного диссонанса. Такое теоретическое обоснование, по нашему глубокому убеждению, может быть наиболее плодотворным на стыке социально-философской, экзистенциально-психологической и социально-психологической рефлексии путем использования результатов анализа этнической и кросс-культурной психологии.

До настоящего времени в отечественной и зарубежной литературе конструкту двоемыслия как социально-философскому и социально-психологическому фе-

номену не уделено должного внимания и места в свете его актуальности и системности. Среди работ отечественных исследователей можно назвать статьи С.А.Шаповал [25, С.18, 87], где идет речь не о разработке двоемыслия как психологического конструкта, а о цитировании понятия двоемыслия из первоисточника – романа Дж.Оруэлла «1984», и статью Ю.А.Левады «HomoPost-Soveticus» [15, С.6-12]. Американско-канадский социальный психолог Р.Альтмайер [31, р.112-116;32, р.37] считает, что разработанная им методика правого авторитаризма (RWA – right-wing Authoritarianism) позволяет обнаруживать, в том числе, и двоемыслие.

Научная новизна и теоретическая значимость заключаются в том, что впервые предметом социально-психологического исследования становятся такие характеристики авторитарной личности, как расхождение ценностных ориентаций в разных культурах в условиях социальной и психологической аномии.

Таким образом, основной теоретической гипотезой в настоящей работе являются предположения о наличии системного явления/ социально-философского и социально-психологического феномена двоемыслия, присущего различным социально-политическим режимам. Мы также предполагаем наличие связи между состоянием когнитивного диссонанса и состоянием двоемыслия, о существовании общего и различного в этих состояниях. Состояние двоемыслия более присуще правоавторитарным личностям, т.е. не самим авторитарным лидерам, а их сторонникам и последователям, чем людям, не склонным разделять правоавторитарные ценностные ориентации. Мы

также предполагаем наличие позитивной корреляции двоемыслия и процесса институционализации исходя из описания И.Гоффманом введения людей в роль послушного пациента в ходе указанного процесса [38, Р.125-131]. Одной из теоретических гипотез, основанной на концепции Г.Бейтсона [6, с.18,37], является наше предположение, что двоемыслие как состояние и процесс формируется в ходе постоянно повторяющегося опыта интроекции человеком двойных посланий (double bind) в процессе адаптации как повседневно противоречивом коммуникативном процессе между обществом/группой и человеком в условиях невозможности метакоммуникации как различения между нормой и анти-нормой. Феномен двоемыслия возникает в любом обществе/группе в процессе затрудненной/вынужденной адаптации как в условиях, когда все проявления жизни тотально урегулированы нормами права, так и в условиях законодательных пробелов. В обоих случаях возникает объективная и субъективная необходимость подмены официальной морально-нравственной инструментальной поведенческо-процессуальной нормы новой неписаной имплицитной инструментальной адаптивной нормой (в терминологии Дж.Оруэлла «извращенной» нормой), которая определяет выбор сценариев решения в условиях неопределенности и риска окружающей социальной реальности и стили человеческого поведения. Можно также предполагать, что состояние двоемыслия необходимо и естественно возникает в процессе социальной и психологической аномии, в условиях несогласования декларативных базисных ценностей и официальных норм и правил

поведения. Уровень как позитивной, так и негативной девиантности общества/ группы положительно коррелирует с уровнем распространения двоемыслия.

По результатам проведенного нами кросс-культурного исследования на материалах немецкой и российской выборок по методикам правового авторитаризма Р.Альтмайера в адаптации Н.А.Дьяконовой [32, р.37; 11, с.71-77] и шкалы ценностей Ш.Шварца в адаптации В.Н.Карандашева [42, р.878-891; 43, р.19-45; 13, с.26-34,35-45,57-70] были эмпирически зафиксированы рассогласования между терминальными нормативными ценностными установками и инструментальными поведенческими индивидуально-личностными приоритетами, которые индивид использует в процессе своего адаптивного и социализирующего поведения. Причем такие рассогласования характерны для лиц с уровнем правового авторитаризма выше среднего в обеих выборках: лица, отдающие предпочтение традициям, одновременно проявляют противоположную тенденцию к констелляции ценностей самотрансцендентности и открытости изменениям. Лица, высоко ранжирующие ценность самотрансцендентности, манифестируют при этом диаметрально противоположные тенденции к консерватизму и самовозвышению.

Для лиц, не обнаруживших значимого уровня правового авторитаризма, избежать рассогласований не удалось. Однако для этой группы респондентов рассогласования имеют качественно иной характер: здесь одновременно противоречат друг другу только нормативные ценности терминального декларативного характера. Противоречий между нормативными

терминальными ценностями и ценностными ориентациями и предпочтениями конативного порядка не установлено.

Мы интерпретировали это следующим образом: для лиц с низким уровнем авторитаризма и/или не манифестирующих значимый уровень последнего в обеих выборках характерно состояние когнитивного диссонанса, при котором человек страдает от напряжения невозможности найти примирение между противоположными ценностными установками, и на этом основании не способен найти конативный выход, который бы уравнивал существование нормативно-ценностных противоречий. По Л.Фестингеру, напряжение состояния когнитивного диссонанса преодолевается таким конативным выходом, который приносит человеку состояние когнитивного консонанса [27, с.14-21].

Такая модель, по нашему представлению, страдает не только механицизмом, но и редко имеет место в практической жизни.

С другой стороны, лица с уровнем правового авторитаризма выше среднего в обеих выборках показывают такие рассогласования, где декларативным терминальным нормативным ценностям на уровне адаптивного и социализирующего поведения противопоставляются в качестве эффективных и прагматичных такие конативные выходы, которые имеют в своем основании «извращенную норму» (в терминологии Дж.Оруэлла).

Для индивида это новое состояние уже не может быть отнесено к предыдущему состоянию когнитивного диссонанса, но это еще и не состояние когнитивного консонанса, при котором конативные решения должны, по наше-

му убеждению, происходить в рамках общественно одобряемой моральной и/или писаной легальной нормы. Если же морально-нравственные и законодательные поведенческие нормы «тормозят»/«не срабатывают»/ дают обратный по сравнению с целями адаптации и социализации результат, то человек конструирует и строит на основании имеющегося кристаллизованного социального опыта такую социальную реальность, для которой единственным эффективным выходом является использование «извращенной нормы».

Нам представляется в дальнейших исследованиях уместным и необходимым, проверить предположения о нахождении лиц с низким уровнем правого авторитаризма в состоянии когнитивного диссонанса, а лиц с высоким уровнем правого авторитаризма в состоянии двоемыслия, на уровне поведения значительно снижающем напряжение состояния когнитивного диссонанса, - соответствующими методиками измерения удовлетворенности жизни, ее экзистенциальной наполненности-исполненности.

По нашему мнению, системным механизмом, позволяющим сбалансировать расхождения и рассогласованность возникающего в когнитивном диссонансе напряжения в динамических отношениях между ценностными типами на уровне декларируемых нормативов (на уровне декларативно предписываемой модальности) и на уровне реализуемых ценностей (на уровне реальности) является социально-психологический феномен двоемыслия, служащий в ситуации когнитивного диссонанса психологической защитой.

Нужно иметь в виду, что классическая теория ценностей, разработанная

Ш.Шварцем (42,pp.1-65; 43,pp.19-45,50) постулирует определенный порядок расположения ценностей на круге («круге Шварца»), предполагающий отношения конфликта или совместимости ценностей при трансформации этих ценностей в процессе реализации поведения. При Ш.Шварц разработал функциональные критерии для характеристики базовых ценностей [42,pp.1-65; 45,pp.249-288], которые можно свести к следующим:

- 1) стремление к личной или социальной выгоде от результата;
- 2) стремление к росту и саморазвитию или к избеганию тревожности и защите;
- 3) стремление к открытости к изменениям или к сохранению статус-кво;
- 4) ориентация на собственное благо или благо других.

В ходе последующих многочисленных кросс-культурных исследований в более чем 80-ти странах Шварц предложил дополнить основания определения порядка расположения ценностей более дробными уточненными основаниями [45,pp.249-288; 46,pp.127-149]: что является целью при стремлении к определенной ценности: избегание тревоги (напр., Безопасность) или относительная свобода от тревоги (Универсализм); является ли стремление к той или иной ценности способом защиты, помогающим преодолеть внешние угрозы/вызовы (напр., Власть) или помогает саморазвитию и росту (Благожелательность). Эти основания отмечены также в последних работах Шварца с российскими соавторами [26, с. 49-51].

Нам представляется уместным следующее методологическое замечание по аналогии с юриспруденцией. Нетрудно

видеть, что в классической и уточненной теории ценностей Ш.Шварца ценности, предполагающие отношения конфликта, всегда разделены союзом «или». По нашему мнению, методологически и семантически более точным было бы употребление союза «и», а также сложного союза «и/или», как это имеет место в нормативно-правовых источниках для расширения понимания нормы и более детального и строгого подхода к правоприменению. При такой редакции изложенных функциональных критериев базовых ценностей и при таком понимании порядка определения расположения ценностей на круге не происходило бы автоматического исключения из рассмотрения и оставления без исследовательского внимания ситуаций, когда человек при реализации своего адаптивного поведения способен одновременно обладать стремлениями к конфликтующим прямо противоположным ценностям, что одновременно удовлетворяет потребности в защите и росте, саморазвитии и в избегании тревожности. В своем ощущении внешнего мира как вселенной императивных угроз и вызовов своему одинокому существованию и при обратном конструировании и построении социальной реальности человек подспудно и невольно исходит из двух постулатов:

- себе самому он разрешает, отводит все возможные способы поведения и защиты в целях выживания, адаптации и социализации, т.е. действует по принципу «и это, и это, и это... - все хорошо для меня...». Это отношение к себе с позиций определено более эмпатийных, с позиций самопонимания и самопринятия, с позиций более адвокатских, чем судебно-прокурорских;

- в отношении окружающей социальной действительности и в межличностных отношениях человеку более защитным и прагматичным представляется принцип «или я, или он/она/они», «или друг, или враг», «кто не с нами, тот против нас», «или так, или иначе», то есть зачастую это отношения конкуренции, оппозиции, даже если речь идет о слиянии с групповыми или лидерскими интересами. По аналогии, здесь приоритет имеет судебно-прокурорское, а не адвокатско-оправдательное отношение.

Д.А.Леонтьев считает, что «понимание мира, в котором обнаруживает себя человек, как заранее неопределенного, - это экзистенциальное миропонимание» [17, с.87]. Поэтому в базовых и поведенческих индивидуальных ценностях имеют место случаи рассогласований, только на первый взгляд кажущиеся отклонениями от классической теории ценностей, предполагающей расположение оппонентных ценностей по принципу «или». В реальной жизни человек довольно часто, если не всегда, находится в состоянии когнитивного диссонанса и/или двоемыслия. Союз «или» выдает, проявляет присутствие исследователя, наблюдателя, с точки зрения которого является естественным, что ценности, расположенные на отношениях конфликта, противопоставляются друг другу по принципу «или». В терминологии психоанализа, это «или» является переносом позиции исследователя-аналитика на позицию анализанта. В терминологии И.Гоффмана, такой перенос можно считать фрейм-транспонированием самого исследователя [37, р. 39-41]. Сам респондент зачастую таких противопоставлений не ощущает и уравнивает в себе

диаметрально противоположные ценности, если их сочетание, даже являясь для других несочетаемым, является прагматичным, эффективным и потому необходимым, возможным и естественным для его носителя сочетанием расогласованных. Нам представляется, что это не схоластическая рефлексия, а весьма важное методологическое уточнение в рамках как теории ценностей, так и методологии социально-психологического исследования в целом.

Кроме того, отдельной плодотворной исследовательской задачей было бы сопоставление результатов по уточненной теории индивидуальных ценностей Ш.Шварца с данными по измерению уровней коллективной (нормативной) и индивидуальной культуры, предложенному в работах американского психолога Яана Вальсинера [48, pp.273-287]. К сожалению, методики Я.Вальсинера до сих пор не апробированы в России.

Таким образом, двоемыслие понимается нами с позиций социального конструктивизма как самостоятельный системный социально-психологический феномен, характеризующийся способностью индивида к одновременному обладанию взаимоисключающими и взаимно противоречащими друг другу базовыми терминальными ценностными ориентациями и нормативными ценностями, полученными и интроецированными индивидом в форме двойных посланий, с одной стороны, и инструментальными ценностями и индивидуально-личностными приоритетами, которые индивид использует при реализации своего повседневного адаптивного и социализирующего поведения, с другой.

По нашему мнению, именно здесь «происходит трансформация: возможное

– ценное (бессмысленное) – должное – цель – действие» [47, С.13-14].

Одно из отличий от состояния когнитивного диссонанса Л.Фестингера проявляется в отсутствии для индивида, обладающего способностью к двоемыслию, сильнейших напряжений, связанных с противоречивостью состояния когнитивного диссонанса. При двоемыслии напряжение от неразрешимости конфликта между взаимоисключающими ценностями остается, но уровень его несоизмеримо ниже, чем при конфликте противоречивых ценностей в состоянии когнитивного диссонанса. Эта спасительность, эффективность и прагматизм двоемыслия составляют его системную функцию в качестве комплексной психологической защиты.

В свою очередь, эти качества двоемыслия способствуют психологической привлекательности тоталитаризма [9, с.7-21; 8, с.101-116]. Внешнее давление систематически навязчиво производится тоталитарным режимом / «закрытым» обществом/ «закрытой» группой на индивида, будь то посредством морально-нравственных правил, норм или законов. Результатом этого внешнего давления является то, что люди не способны самостоятельно создавать стратегии сопротивления насилию в рамках этого общества/ группы, т.к. они зачастую сами чувствуют свою ответственность за произведенное насилие. В итоге это ведет к тому, что без внешнего давления не могут приниматься никакие важные социально-политические и социально-экономические решения и преобразования: люди становятся пассивны, виктимны и формируют в процессе конструирования и построения социальной реальности запрос на

внешнее насилие и давление. Однако их внешне демонстрируемые пассивность и конформизм имеют и противоположную ценностно-ориентационную направленность к ценности Самостоятельности в форме автономии мысли и автономии поступков, которые человек старается скрывать в рамках окружающего его социума/группы и реализовать за их пределами и/или в пределах созданного им мира единомышленников, будь то семья, дружеское окружение, бизнес-корпорация, общественная организация. Важно учитывать, по мысли Д.А.Леонтьева, что «смыслы», «ценности» и «истины» в человеческой жизни не являются автоматическими, самостоятельно срабатывающими механизмами; они влияют на жизнь человека только через его самоопределение по отношению к ним как субъекта» [18, С.12].

По этому же поводу Ю.А.Левада считает, что «самая устойчивая адаптация не означает полной ассимиляции человека с системой социальных требований... На уровне отдельного человека вся присутствующая советскому строю система сделок с государством неизбежно оборачивалась нравственной коррумпированностью, принятием показухи, приписок, блата, взяточничества, двоемыслия в качестве необходимых условий функционирования хозяйства и общества» [15, с.6]. Доказательством и проявлением такой автономии является, в частности, характерный и для ФРГ, и для постсоветской РФ процесс бегства капиталов. При этом и в Германии, и в России бегство капиталов за рубеж вызвано высокой налоговой нагрузкой и отчислениями в социальные фонды. Кроме того, в России бизнесмены больше опасаются рейдерских захватов

и других проявлений незащищенности частной собственности.

Вывод Ю.А.Левады, что «вынужденная адаптация отнюдь не означает примирения, согласия, одобрения» [15, С.6] подтверждается данными о все большей ориентации к ценности Самостоятельности как автономии мысли и автономии поступков [26, С. 49-51]. То есть это ситуация, когда человек еще в состоянии когнитивного диссонанса, но постоянно-лихорадочно ищет пути-возможности разрешения дискомфорта когнитивного диссонанса в направлении реализации такого поведения, которое могло бы сделать возможным такое преодоление когнитивного диссонанса, чтобы повседневное поведение было и адаптивным, и социализирующим, и защитно-психологическим, с одной стороны, и сохраняющим декларативные (морально-принципиальные) ценности, с другой стороны, и по возможности, максимально снимающим напряжение когнитивного диссонанса, с третьей стороны.

Как пронизательно отмечал К.Поппер [23,с.8-11], самым тоталитарным по своей сути является общество потребления, и в этом смысле нам еще долго не расстаться с двоемыслием как состоянием и процессом. Вследствие значимости и сложности социально-психологического феномена двоемыслия актуальность его исследования и осмысления переоценить невозможно. Нам представляется наиболее плодотворным изучение социально-психологического феномена двоемыслия на путях пересечения социальной философии и кросс-культурной психологии путем сравнительного анализа действия этого феномена в разных культурах.

При интерпретации результатов по немецкой выборке нельзя было не учитывать следующих факторов. В условиях фашистской Германии изменение законодательной базы, принятие Нюрнбергских законов о дискриминации евреев, Ванзейские директивы января 1942 г. об окончательном решении еврейского вопроса, навязчивая пропаганда научно-образных этнографических и генетических «исследований» на почве доверия научным результатам со стороны малообразованного среднего класса очень можно было переходить к плановому повседневному строительству третьего рейха. Нужно только при этом последовательно соблюдать букву и дух новой законодательной базы. Ты снимаешь при этом ответственность с себя за выбор сценария поведения. Сценарий поведения уже предопределен нормами закона, и ты всего лишь следуешь их последовательному и пунктуальному повседневному применению. Поэтому, если даже мои действия и назовут преступлениями, то совершал я их не по своей воле, но – исполняя действующий в то время закон. Здесь роль психологической защиты выполнили обман и самообман населения, и именно в этом нам видится банальность зла как социально-психологическое явление.

О декларируемом для внешнего мира раскаянии немцев Х.Арендт тонко замечает: «Отношение немецкого народа к собственному прошлому, которое ...ставило в тупик экспертов, теперь было продемонстрировано со всей очевидностью: сам народ оно не очень-то заботит, народ не имеет ничего против присутствия в стране убийц, поскольку все эти убийцы совершали преступления не по своей воле; однако, если мнение всего осталь-

ного мира – или, как говорят сами немцы, das Ausland, собирая под одним определением все зарубежные страны, - упрямо требует, чтобы эти люди были наказаны, что ж, требование будет неукоснительно выполнено, по крайней мере, в отношении тех, на кого это требование указывает напрямую» [4, с.6]. Это наблюдение Х.Арендт выявляет законченную картину манифестации двоемыслия при официально декларируемых денацификации и раскаянии. Преступники, как правило, ранимы, и психологическую защиту в виде самообмана и банальности зла подкрепляют амнезией/ незнанием («от нас все скрывали») и/или истечением сроков давности.

Нас при формировании немецкой выборки по социальным и демографическим критериям спустя почти 70 лет после войны интересовали сегодняшние манифестации сознания и поведения немцев: сохраняются ли подмеченные Х.Арендт рассогласования или в результате денацификации и покаяния произошел переход к такому уровню удовлетворенностью жизнью, который характерен для состояния когнитивного консонанса?

Банальность зла как выражение психологической аномии ведет, с одной стороны, к обществу массовой атомизации атомизированных индивидов, описанной Р.Мертонем [21, с.299-313] к общественному двоемыслию как состоянию коллективного разума, а с другой стороны, сплачивает круговой порукой казалось бы разобщенных атомизацией членов такого общества.

Нельзя не упомянуть, что первым Э.Дюркгейм (12, С.5-39) и позднее Р.Мертон (20, С.118-124) говорили о непосредственной связи социальной ано-

мии и девиантности как общественного и индивидуального явления. В этом контексте и в целях настоящей статьи очень важным методологическим вопросом является описание феномена двоемыслия как изначально аномического девиантного феномена, опирающегося на «извращенную норму».

Модель Канта применительно к России работает прямо противоположно, но порождает один и тот же результат – двоемыслие как состояние, процессуально уравниваемое страхом, самообманом и банальностью зла в качестве эффективных психологических защит. В России в условиях традиционно-исторического правового нигилизма, порожденного изначально противоречием между декларируемыми официальными морально-правовыми нормами и официальными нормами повседневного адаптивного социализирующего поведения, человек также, если не в большей степени, становится законодателем, используя свой «практический разум», - и находил абсолютно противоположные официально декларируемым апробированные и потому эффективные и прагматичные конативные нормы. Такое негативное отношение к нормам закона писанного, официального имеет своей оборотной стороной появление и распространение законов неписанных: как не платить налоги и оставаться успешным предпринимателем; как «откосить» от службы в армии и оставаться патриотом; как разбогатеть на государственной службе за счет непосильного труда чиновника; как одновременно быть депутатом и бизнесменом и т.д. и т.п.

Самое признание феномена правового нигилизма свидетельствует о признании

противоречия между декларируемыми морально-правовыми нормами и официально-государственными нормами, регулирующими реализацию успешного адаптивного социализирующего поведения. Иначе говоря, декларируемые обществом морально-правовые нормы, формализованные в букву закона, на практике не работают в целях достижения успеха или хотя бы выживания. Иначе говоря, такие декларативные нормы принимают форму двойных посланий. По нашему мнению, здесь уместна аналогия терминальных базисных ценностей с терминологией Д.А.Леонтьева «мировоззрение как миф», а инструментальных поведенческих ценностей – с «мировоззрением как деятельностью» (19, С.11-29).

Отсюда – карамзинская характеристика России: «Воруют...». Если все легальные способы выживания не работают, а являются двойными посланиями, - возникает выход в воровстве, мошенничестве, бегстве в другую юрисдикцию. Особенно яркое и масштабное возникновение и распространение таких «извращенных» конативных норм характерно для длительных периодов социальной и психологической аномии в условиях «превращения обычного выживания в предмет мечтаний» (24, С.52-62). Здесь следует обратиться к самому определению ценности, данной М.Рокичем: ценность – это «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения и существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения и существования» (40, Р.8).

В этом смысле особую актуальность получает исследование и осмысление феномена двоемыслия в контексте из-

учения экономического поведения и экономической психологии, определяющей такое поведение. Бизнес и возможность инвестиций всегда основаны на двойных посланиях государства-регулятора и психологии двоемыслия, усиленной автономией мысли и автономией поступков в условиях законодательной зарегулированности («закрытости»)/неурегулированности, подразумевающей сочетание легальных возможностей и необходимости нарушения законов/ поиска законодательных пробелов и создания собственных нормативных схем, подменяющих закон, но не противоречащих ему. То есть в бизнесе наиболее ярко проявляется кантианская законотворческая функция человека-предпринимателя. А законодательная зарегулированность каждого бизнес-поступка и решения, как и их неурегулированность воспринимаются бизнес-сообществом как окружающая природа банальности зла, направленного против любых проявлений свободы ведения бизнеса. Поведение потребителей также предполагает возможность вынужденно-адаптивной конфликтной мотивации состояния двоемыслия: приобретать, не имея достаточных средств, одновременно находясь на кредитной игле при отсутствии гарантий стабильности дохода.

В соответствии с классической теорией ценностей Ш.Шварца такой выход в нелегальную активность можно определить как ценность Самостоятельности, причем в обеих ее аспектах – автономии мыслей и автономии поступков (26, С.49-55)

Для России, в отличие от Германии, характерна экономическая, правовая и психологическая почва для индивидуального и общественного двоемыслия,

опирающегося не на немецкое всеобщее следование закону, но – на всеобщее нарушение закона. Различная историческая, политико-экономическая идеологическая и психологическая почва: в Германии – всеобщее беспрекословное следование закону, в России – правовой нигилизм и всеобщее попираание закона - использует одни и те же удобрения – страх, нетерпимость, агрессивность, обман, самообман и банальность зла – и дает один и тот же урожай – двоемыслие.

В российских условиях именно поиск человеком путей самообмана при многовековой (а не двенадцатилетней, как в Германии) традиции восприятия самого ужасающего зла как банального делают самообман и банальность зла идеальной психологической защитой при решении повседневных задач неопределенности и риска выработки, нахождения и формулирования собственного законотворчества для принятия собственных «процессуальных» норм поведения, изначально противоречащих официально декларированным морально-правовым нормам. Цель всегда одна – адаптация, социализация, выживание в условиях не работающих вовсе или не действенных морально-правовых норм. Указанная психологическая защита позволяет эффективно, прагматично и успешно «примирить» принципиальную противоположность соответствующих официальных и самостоятельно выработанных норм поведения, выстраданных и/или подсказанных опытом выживания себе подобных (а не власть имущих!). Индивид осознает, что нарушение им официально декларированных норм является очевидным злом. Но, как в Германии самооправдание (самообман) идет по пути

«Я вынужден так поступать, исполняя закон», так в России самооправдание (самообман) сворачивает на путь «Я вынужден так поступать, нарушая закон, ибо иначе не смогу выжить/добиться успеха и т.п.» Индивид считает это зло неизбежным при реализации самообмана. С другой стороны, вследствие такой неопровержимости, - крепкой психологической защитой поведения в условиях, законодательно, последовательно и систематично направленных против его физического и социального выживания. Практически, двоемыслие является вынужденной психологической защитой в условиях непрерывности и повторяемости опыта интроекции двойных посланий, когда человек отчужден от возможности метакоммуникации. Он остается один на один сам с собой, и трансформирует двойные послания в двоемыслие. Отсутствие метакоммуникации замещает двоемыслие.

В обеих культурах индивид апеллирует к вынужденности зла. Вынужденность осуществления сценария зла может быть достигнута в массовом случае только при предварительной интроекции индивидом зла и самообмана как естественного состояния, т.е. интроекции самообмана и банальности зла. Прагматичность и эффективность нарушения закона и /или реализация любых успешных конативных девиаций в целях адаптации и социализации являются для человека убедительным и неопровержимым доводом для самооправдания и последующего применения и закрепления в качестве кристаллизованного опыта.

Такое сочетание психологических защит, предоставляемых самообманом и банальностью зла, такое самовосприятие собственных расхождений с моральным

и правовым законом как вынужденных компромиссов и разграничений в условиях двойных посланий уравнивает любые, самые принципиальные, противоречия и делает человека способным обладать одновременно двумя противоположными ценностными установками, не испытывая при этом напряжений когнитивного диссонанса.

Уместно заметить, что в процессе и состоянии двоемыслия человек испытывает действие не только указанных психологических защит, а всей их палитры. Для проблематики данной статьи важно, что страх, самообман и банальность зла преобладают в процессе двоемыслия и пребывания человека в состоянии двоемыслия.

То есть, человек все время договаривается сам с собой, согласовывая противоположные ценностные ориентации и смыслы в ходе получения и интроекции требований, относящихся к различным уровням коммуникации. Для чего договаривается? - Для выбора и реализации такой линии/модели поведения, которая делает возможным удовлетворение обеих противоположных ценностных ориентаций/смыслов в качестве средства снятия напряжения когнитивного диссонанса. Идет "постоянная погоня за двумя зайцами", постоянное "сидение на двух стульях". В этой связи человек сам себе не только законодатель, по Канту, но и медиатор: перед ним две противоположные позиции, которые надо согласовать и найти приемлемое для обеих позиций поведение во внесудебном порядке. При судебном разрешении любого спора как противоречивой коммуникации одна сторона выигрывает за счет другой. Метакоммуникатором становится сам

человек, обладающий способностью к двоемыслию. Здесь при двоемыслии как медиативном процессе действует принцип "WIN-WIN". Как добиться того, чтобы не было эффекта бумеранга? - Только путем согласования несогласуемого: морально-принципиальной ценности с конативной нормативно-процессуальной ценностью, дающей эффективный и прагматичный выход в процессе адаптации и социализации человека, в отличие от навязываемых/предлагаемых государством/ группой легальных официальных поведенческих сценариев. Такое возможно только при следовании адаптации, социализации и поиску надежных психологических защит в реализации поведения. Человек делает выбор в пользу действенных, эффективных, прагматичных решений, а официально навязываемые/предлагаемые поведенческие сценарии – отклоняет как действующие/бездействующие против него самого, или, по крайней мере, как малоэффективные. Таким образом, «извращение» нормы со временем становится нормальным и привычным, как порок становится со временем добродетелью.

Притяжение и отторжение – прямо противоположные понятия. Ощущение одновременно взаимного притяжения и не менее взаимного отторжения характеризует классическое состояние двоемыслия, и, возможно, этим своеобразием одного социально-философского и социально-психологического феномена двоемыслия объясняется столь много вынужденно общего в истории взаимоотношений национальных самообманов и банальностей зла российской и германской культур.

Таким образом, нам представляется, что двоемыслие является самостоятель-

ным системным социально-философским и социально-психологическим феноменом, проявляющимся в способности одновременно разделять социально признанные декларативные ценности, относящиеся к морально-нравственным и правовым законам, имеющим характер двойных посланий, и при этом следовать в процессе реализации своего повседневного адаптивного и социализирующего поведения таким конативным «извращенным» нормам, которые прямо противоречат указанным морально-правовым ценностям или вовсе отрицают эти ценности. В процессе двоемыслия возникают и утверждаются новые смыслы поведения по правилам таких «извращенных норм». способствующие повышению ценностей Самостоятельности и Самоуважения за достигнутые благодаря себе самому успехи в условиях официальной их недостижимости.

Список использованной литературы

1. Альтман Ю.И., Трифонова С.А. Ценностные ориентации индивидов с правым авторитаризмом//Вестник Ярославского государственного университета им.П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. № 3, 2015, С.86-91).
2. Андреева, Г.М., Богомолова, Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. Учеб. пособие для вузов.- М., АспектПресс, 2002.
3. Аптер М., За пределами черт личности. Реверсивная теория мотивации. М., Медиа, 2004.
4. Арендт, Х. «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме»-<http://litmir.me>
5. Арендт, Х. «Истоки тоталитаризма»/ Пер. с англ. Борисовой И. В. и др.; послесл. Давыдова Ю. Н.; под ред. Ковалевой М. С., Носова Д. М. — М.: ЦенХтрКом, 1996

6. Бейтсон, Г. Шаги в направлении экологии разума / Пер. Д. Я. Федотова. М., 2005. - С. 18, 37
7. Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр. — М.: Канон, 1994.
8. Беттельгейм, Б. «Индивидуальное и массовое поведение в крайних ситуациях» [1943] // Дружба народов, 1992, № 11/12
9. Беттельгейм, Б., «О психологической привлекательности тоталитаризма» [1952] // «Знание-Сила», № 8, 1997.
10. Дружинин, В. Н. Экспериментальная психология, СПб., 2000. - С. 12, 14, 26, 198, 234, 237
11. Дьяконова, Н. А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американских студентов: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 2001. - С. 71-77
12. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — 352 с. — (История социологии в памятниках) - С. 5-39.
13. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. М., Речь, 2004. - С. 26-34, 35-45, 57-70
14. Келли, Дж. А. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб, Речь, 2000. - С. 12, 31-37, 59.
15. Левада, Ю. А., «Homo Post-Soveticus» // «Общественные науки и современность», № 6, 2000. - С. 6-13
16. Левинсон, А. Г. «К изучению феномена «закрытости» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009, № 2 (100), с. 127-128.
17. Леонтьев, Д. А. Личный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова / Под ред. Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. - М.: Смысл, 2006, С. 87.
18. Леонтьев, Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии, 2011, № 1 — С. 12-14).
19. Леонтьев, Д. А. Мироззрение как миф и мироззрение как деятельность // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В. И. Кабина и О. И. Муравьевой. - Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 11-29.
20. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. — 1992. — № 2—4. — С. 118—124.
21. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). — М.: Прогресс, 1966. — С. 299—313.
22. Оруэлл, Дж. «1984»
23. Поппер, К. Открытое общество и его враги: В 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. - С. 8-11
24. Тихонова, Н. Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте // Общественные науки и современность, № 1-С. 52-62
25. Шаповал, С. А. Двоемыслие. Новояз // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / М.: 2006. - С. 18, 87
26. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. «Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России» // Психология. Журнал ВШЭ, Т. 9, № 2 - С. 49-51).
27. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса = A theory of cognitive dissonance / Пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. — СПб.: Ювента, 1999.
28. Фрейд, З. Бред и сны в «Градиве» Йенсена — <http://www.gumer.info/bibliotek.Buks/Psihol/Freid/br - c.1> (в книге «Градива: Вильгельм Йенсен, Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг, Андре Бретон, Ролан Барт, Жак Деррида. Послесл. И. Соболевой — Б. м.: Salamandra P. V. V., 2012, С-18 // <http://www.gumer.info/>

bibliotek.Buks/Psihol/Freid/brC.1).

29. Abbey, E & Valsiner, J. Emergence of Meaning Through Ambivalence// <http://www.qualitative-research.net>, Volume 6, N 1, Art.23-January 2005, P.59-63.

30. Abbey, E. Ambivalence and its transformation. In J. Valsiner (Ed.), *The Oxford handbook of culture and psychology* New York: Oxford, 2012, P.989-997

31. Altemeyer, Bob. *The Authoritarian Specter*. Harvard University Press, 1996, P.112-116.

32. Altemeyer, Bob. *The Authoritarians*. Lulu, 2006, P.37.

33. Dean, John W. *Conservatives without Conscience*. Viking Adult, 2006, P.43.

34. Janis I. „Groupthink“, 1977. C.17-39

35. Goffman, E. „Relations in Public: Microstudies of the Public Order.“ New York: Basic Books, 1971. P.21-25.

36. Goffman, E. *Behavior in Public Places. Notes on the Social Organization of Gatherings*, The Free Press, 1971. P.39-41

37. Goffman, E. „Frame analysis: An essay on the organization of experience.“ London: Harper and Row, 1974. P.5-12

38. Goffman, E. *Asylums: Essay on the social situation of mental patients and other inmates.*- Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1961-P.125-131

39. Petty, R. E., & Cacioppo, J. T. *Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change*. New York: Springer-Verlag, 1986. P.3-11

40. Rokeach, M. *The Nature of Human Values*, 1973. P.8

41. Schwartz, S. H. and Bilsky, W. .

Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology* 1990, 58, 878-891.

42. Schwartz, S. H.. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25). New York: Academic Press. 1992. PP1-65

43. Schwartz, S. H.. Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*, 1994. P. 50, 19-45.

44. Schwartz, S. H.. Value priorities and behavior: Applying of theory of integrated value systems. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna (Eds.), *The Psychology of Values: The Ontario Symposium*, Vol. 8. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1996-pp.1-24

45. Schwartz, S. H. and Bardi, A., ‘Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe’, *Political Psychology*, 18, 1997 pp. 385–410.

46. Schwartz, S.H. Les valeurs de base de la personne: Theorie, mesures et applications// *Revue Française de Sociologie*. 2006..p.249-288.

47. Schwartz, S.H. *Culture matters: National value cultures, sources and consequences* // C.-Y.-Chiu, Y.Y.Hong, S.Shavitt, R.S.Wyer (eds). *Understanding culture: Theory, research and application*. N.Y.: Psychology Press, 2009. P.13-14, 127-149

48. Valsiner, J.. *The social and the cultural: Where do they meet? Meaning in action: Constructions, narratives, and representations* (pp. 273-287). Tokyo: Springer. 2008. P.273-287

Кривобоков А.С. (Ярославль, Россия)

О НЕОБХОДИМОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА СОВЛАДАНИЯ С ТРУДНОСТЯМИ

Рассматриваются понятия копинга, копинг-поведения, копинг-стратегий, копинг-стилей, копинг-механизмов, копинг-процессов. Предпринимается попытка классификации этих понятий на основании уровней обобщенности. Представлен обзор определений данных понятий в зарубежной и отечественной психологии, отмечена их неоднозначность трактовок. Приводится сопоставление понятий психологии совладания с аналогичными определениями деятельности, поведения, стратегии, механизма, процесса в энциклопедических словарях.

Ключевые слова: копинг, копинг-поведение, копинг-стратегия, копинг-стиль, копинг-механизм, копинг-процесс, уровни обобщения.

The need of systematization of terms used in the study of the phenomenon of coping with the difficulties

Krivobokov, A. S., graduate student, Department of counseling psychology Yaroslavl state University named after P. G. Demidov

Discusses the concepts of coping, coping behavior, coping strategies, coping style, coping mechanisms, coping processes. Attempts to classify these concepts on the basis of levels of generality. Presents an overview of definitions of these terms in foreign and domestic psychology, noted the ambiguity of interpretations. Provides a comparison of the concepts of the psychology of coping with similar definitions of activities, behaviors, strategies, mechanism, process in encyclopaedic dictionaries.

Keywords: coping, coping behavior, coping strategy, coping style, coping mechanism, coping process, levels of generalization.

Феномены поведения, направленно-го на совладание с трудностями, в зарубежной психологии называются «coping» или «coping behavior». Нередко термины копинг-механизмы и копинг-стратегии используются как синонимы, а копинговые стили относят к стратегиям. Другие встречаемые в литературе термины – это копинговые тактики и копинговые ресурсы. Еще реже встречается понятие «копинговые реакции». Здесь уместно вспомнить и о психологических защитах, которые сравниваются с неконструктивными, дисфункциональными копингами.

Анализируя понятие «coping», С.К. Нартова-Бочавер выделяет три подхода

к их толкованию. "...Первый, развиваемый в работах Н. Наан, трактует его в терминах динамики Эго как один из способов психологической защиты, используемой для ослабления напряжения. ... Второй подход, отраженный в работах Р. Н. Моос, определит coping в терминах черт личности — как относительно постоянную предрасположенность отвечать на стрессовые события определенным образом. ...согласно третьему подходу, признанному авторами понятия Lazarus и Foklman, coping должен пониматься как динамический процесс, специфика которого определяется не только ситуацией, но и стадией развития конфликта, стол-

кновения субъекта с внешним миром" [6, с.22]. Сама автор считает, что "В широком смысле слова coping включает все виды взаимодействия субъекта с задачами внешнего или внутреннего характера — попытки овладеть или смягчить, привыкнуть или уклониться от требований проблемной ситуации. Дополнительные условия — как внешние, ...так и внутренние — заостряют содержание coping, отличая его от простого приспособления" [6, с.21].

Приведем некоторые определения копинга (преодоления). L. Murphy понимает его как попытку «справиться с давлением среды, с направленностью на цель» [1, с.160]. R. Lazarus и S. Folkman определили его как «... постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, прилагаемые человеком для того, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека» [1, с.118]. N. Наап сформулировала как «усилия в поиске сохранения реальности» [1, с.118]. Она описала преодоление как вид действий «сознательный, гибкий и целенаправленный, допускающий проявления эмоций средней силы» [1, с.155]. J. Suls и В. Fletcher рассматривают копинг как поиск путей преодоления, на когнитивном, эмоциональном или поведенческом уровнях, считают, что его «проявления лежат в основе различных стратегий преодоления стресса». [1, с.118]. Т.Л. Крюкова и В.Д. Сапоровская под «coping» понимают сознательный способ справиться со стрессом, который адекватен особенностям личности и ситуации. [1, с.118]. Бодров В. А. считает, что «процесс «совладающего поведения», «поведения

преодоления» является проявлением индивидуальных способов взаимодействия с окружающим миром (социальной, профессиональной и т. п. ситуацией), в котором проявляются особенности (возможности) субъекта и характеристики ситуации, отраженные в его сознании в категориях ценности, значимости, сложности и последствий конкретного события» [1, с.119].

В данном перечне можно обнаружить несколько оснований для определения копинга: как усилия личности, целенаправленная реакция, как вид действий, как стратегический поиск, как личностно-ситуационный способ справиться с трудностью, как особый процесс взаимодействия с окружающим миром.

Отечественные психологи, используя категории копинга, говорят о «защите» (Н.А. Русина, Э.Г. Эйдемиллер и др.), «купировании стресса» (Л.А. Китаев-Смык), «преодолении» (В.А. Бодров) и «совладании» (Л.И. Анцыферова, А.А. Либин и Е.А. Либина, Т.Л. Крюкова). Л.Ю. Субботина определяет копинг-стратегии как осознанные варианты психологических защит [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Существуют попытки систематизировать терминологию, имеющую отношение к копингу: «совладающее поведение имеет иерархическую структуру и состоит из: 1) простых единичных копинг-действий, детерминированных спецификой ситуации; 2) копинг-стратегий (конкретных образов действий, например, дистанцирование или поиск социальной поддержки); 3) копинг-стилей (групп стратегий, близких по смыслу, например, приближение-удаление от стрессовой ситуации)» [1, с.117]. Но, тем не менее,

на данный момент при описании понятий «coping stress», «coping behavior» отсутствует достаточная определенность и четкость в определениях. Многие авторы, описывая одни и те же категории совладающего поведения, зачастую, именуют его разными терминами. Одинаковые копинговые понятия подразумевают многообразные формы поведения личности, охватывают сразу несколько уровней обобщенности категорий.

Смешанное употребление терминов «копинг-поведение», «копинг-действия», «копинг-механизмы», «копинг-стратегии», просто «копинг», а так же категории «копинг-стиль», приводит к методологическим и методическим трудностям (в частности, при организации и проведении эмпирического исследования). Мы считаем необходимым прийти к общему пониманию терминов, используемых в психологии совладающего поведения. В данной статье предпринята попытка уточнить термины с опорой на энциклопедическое толкование понятий и опираясь на различия в уровнях обобщенности.

Рассмотрим термин «копинг» (от английского «coping», «соре» - справиться, выдержать, совладать). В российской психологической литературе его переводят как «совладание» или «психологическое преодоление». По нашему мнению, его следует применять, когда описывается самая общая категория совладания, включающая в себя поведение и личностные особенности человека, специфику его жизненного пути, отношение к ситуации, в которой он находится. Это самая общая категория, при использовании которой, мы говорим о совладании в целом, преодолении, как о психическом явлении, включающем в себя все частные

переменные (поведение, процесс, механизм, особенности ситуации и пр.).

В такой трактовке уместно сравнить копинг с особым видом деятельности. В «Словаре практического психолога» С.Ю. Головин определил деятельность, как динамическую систему, где субъект взаимодействует с внешним миром и целенаправленно воздействует на объект, этим он удовлетворяет свои потребности [2]. В «Азбуке социального психолога-практика», под деятельностью подразумевается система многоаспектных и многоплановых предметных взаимодействий индивида с действительностью, с окружающим миром, которое приводит к производству материальных и духовных ценностей [5].

Копинг-поведение представляет более узкую категорию и включает в себя последовательные действия личности, причем эти попытки справиться со сложной ситуацией бывают не только успешные и целенаправленные. Поведение может описываться вне связи с ситуацией и включает в себя внешне и внутренне регистрируемые ответы индивида. С.Ю. Головин считает, что поведение свойственное живым существам взаимодействие со средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью. Он добавляет, что поведение есть целеориентированная активность живого организма [2]. Мы же считаем, что поведение может быть и не целенаправленным, а поисковым, а так же беспорядочным. Оно может быть направленным не на цель как достижение (целеустремленность), а на избегание, например, дисфункциональный копинг-стиль, который лучше было бы назвать защитным поведением. Деадаптивное

поведение может преследовать ложные цели. В его описание не входят ситуационные данные, внешний контекст. Поведение можно описывать как уход, молчание, попытку разжалобить другого и т. д. Классифицировать поведение можно по тем типичным паттернам, которые используются личностью. Здесь придется избегать описания целенаправленности поведения, так как это выводит нас на более высокий уровень обобщения и называется стратегией поведения.

На конкретном уровне копинг-поведение проявляется следующими единицами: копинг-реакции (копинг-ответы), копинг-операции (как внешние копинг-процессы), копинг-механизмы (как внутренние копинг-процессы), копинг-действия (процессы как внешние, так и внутренние).

В Оксфордском толковом словаре по психологии действие описывается: как само осуществление определенной функции или протекание процесса, как итог этого осуществления или процесса. Оно может быть явным, очевидным, осознанным, а может быть скрытым, внутренним [7]. Т.е. копинг-действия могут быть как единичные движения, так и некая последовательность внутренних или внешних движений, изменений, происходящих у индивида. Например, вышел из комнаты, не сказал ни слова, подумал о последствиях, привел несколько конкретных примеров своей правоты и т.д.

Процесс С.Ю. Головин определяет либо, как ход некоего явления, последовательность состояний, стадий и пр., либо, как совокупность последовательных действий для достижения некоего результата [2]. Возникает аналогия копинг-процесса с течением преодолевающих последо-

вательных реакций, как во внутреннем плане личности, так и внешне регистрируемых. Такое описание является операционализацией поведения. Например, молча встал, вышел из комнаты, затем вернулся и стал убеждать; молчал несколько минут, обдумывал ситуацию, перебрал несколько способов действий, затем пришел к решению действовать именно так...

В.П. Дудьев, в своей работе «Психомоторика: Словарь-Справочник», определяет механизм как внутреннее устройство, как совокупность процессов, из которых складывается какое-либо явление (например, механизмы речи, механизмы мышления, механизмы защиты) [4]. По схожести с защитными механизмами предполагается некая скрытость этого процесса, его внутренняя подвижность, а значит, копинг-механизмы должны описывать внутренние психологические события, а не внешние действия. Пример описания: думал, что его неправильно поймут и поэтому промолчал; считал, что собеседник лоялен к нему и стремился его убедить.

«Копинг-стратегии» (англ. Coping strategy). Стратегия, как определяет её «Оксфордский толковый словарь по психологии», является планом поведения или действия, т. е. сознательным составлением операций, направленных на достижение цели [7]. В.А. Жмуров считает стратегию искусством планирования, основанном на далеко идущих прогнозах с целью достижения определенных практических результатов [3]. В применении к нашему вопросу, мы можем утверждать, что копинг-стратегия – это особый уровень деятельности, ориентированный на выработку цели и планирование поведения, обеспечивающего преодоление

трудных ситуаций. Например, молчать, с целью не выдать своих чувств, стремление сбить с толку собеседника; постараться склонить на свою сторону, чтобы усилить поддержку; избежать неприятного разговора, с целью загладить конфликт.

В своем словаре термин стиль В.А. Жмуров определяет как совокупность признаков, черт, приемов, отличающих предмет на фоне аналогичных, как индивидуальное своеобразие, как способ осуществления чего-либо в отличительных признаках [3]. «Оксфордский толковый словарь по психологии» напоминает, что этот термин Альфред Адлер использовал для обозначения особенного, устойчивого способа действия человека, который состоит из множества мотивов, ценностей, других черт и проявляется во всем поведении [7]. Копинг-стиль – форма жизни и деятельности, характеризующая особенности общения, поведения и склада мышления, черт, интересов и ценностей человека, проявляется в копинг-поведении, копинг-механизмах. К сожалению, в психологии совладания определение типа «стили рассматривались как... способы разрешения проблемы» является неудовлетворительным, так как характеристика «способа» может относиться и к механизмам, и к действиям, и к поведению, и даже к стратегиям. Копинг-стили не могут быть способами разрешения проблемы, а только как индивидуально-личностные способы действий. Уместнее было бы говорить о стиле истерического совладающего поведения, или эксплозивном копинг-поведении. Если учесть классическое определение, говорящее о личностных чертах, особенностях поведения, то копинг-стили нельзя сводить к понятию успешности, конструктивности/

деструктивности, функциональности/дисфункциональности. Трудно представить успешную или деструктивную по стилю личность. А вот неадаптивное применение определенного стиля поведения, неуместного в данной ситуации, вполне представимо.

По определенным поступкам (действиям, приемам) мы не можем понять, что думал и чего хотел человек, тем более, они могли противоречить его оценке ситуации и намерениям (встал, ухмыльнулся, закричал, хотя надо было просто извиниться). Здесь применимы методы внешней регистрации и классификации действий человека. Это первый уровень обобщения явных признаков поведения. На следующем уровне обобщения мы изучаем механизмы, т. е. то, как человек воспринимает ситуацию, как оценивает, что думает о ее преодолении (показалось, что над ним смеются, посчитал это неприемлемым, решил дать им отпор). На более высоком категориальном уровне, изучая поведение в ситуациях совладания с трудностью, мы видим не только отдельные поступки, но и образ мыслей, образ действий в целом (устроил скандал, но подумав что это не поможет, стал терпеливо объяснять, затем стал вести себя не вмешиваясь в происходящее). Исследуя копинг-стили, мы обращаем внимание на чаще принимаемые способы реагирования, особенности поведения, которые характерны для данной личности (всегда возбуждается когда касаются этой темы, предпочитает молчать, выбирает способы понравиться собеседнику). Это уровень категориальных типологий поведения личности. Относительно стратегий преодоления, мы изучаем, чего именно человек хотел добиться, какие

цели ставил перед собой, какого результата усилий предвидел (хотя желаемый результат здесь часто может расходиться с конкретными поступками, представлениями и собственно желаниями, образом действий и стилем поведения человека). Здесь выделяется категория направленности поведения, а именно само планирование последствий.

Итак, совладание как категория современной психологии, может рассматриваться на различных уровнях обобщения: 1) простых единичных копинг-операций, внешних действий (что конкретно делает человек); 2) копинг-механизмов, как внутриличностных процессов (как именно воспринимает, оценивает, думает о ситуации); 3) копинг-поведения (образ действий, или что именно представляет последовательность его действий); 4) копинг-стилей (группы паттернов поведения, объединенных по ценностным ориентациям, способам восприятия, мышления и другим личностным характеристикам); 5) копинг-стратегий (целенаправленных, спланированных, предполагаемых во времени действий, предполагаемому стремлению к определенному изменению ситуации); и 6)

собственно копинга, совладания, как деятельности по преодолению трудной ситуации (как категории объединяющей все выше перечисленное и включающее описание ситуации, как внешнего контекста).

Список литературы.

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. — М.: ПЕР СЭ, 2006. - 528 с.
2. Головин С.Ю. Словарь практического психолога, Минск.: Харвест, 1998 г.
3. Жмуров В.А. Большой толковый словарь терминов по психиатрии. <http://www.zhmurov.com/word/7462/>
4. Дудьев В.П. Психомоторика: Словарь-Справочник, 2008 г.
5. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. — М.: ПЕР СЭ, 2007. — 464 с.
6. Нартова-Бочавер С.К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности. //Психологический журнал, 1997 , т. 18, № 5.
7. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А.Ребера, 2002 г.
8. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N

Левит Л.З. (Минск, Белоруссия)

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ: ИНТЕГРАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. Автор статьи представляет «Личностно-ориентированную концепцию счастья» (ЛОКС) – двусистемную многоуровневую модель, описывающую индивидуальный потенциал и его реализацию. Демонстрируются интеграционные возможности ЛОКС относительно ряда направлений философии и психологии.

Ключевые слова: счастье, эгоизм, альтруизм, системный подход, смысл, самореализация.

Summary. The author of the paper represents his «Person-oriented conception of happiness» (POCH) – the multilevel, dual-system model which describes an individual potential and its realization. The article demonstrates integrative opportunities of POCH in

relation to a number of modern theories in philosophy and psychology.

Key words: happiness, egoism, altruism, systemic approach, meaning, self-realization.

Введение. В психологии давно назрела потребность в создании концепций и метафор, объединяющих разные научные направления [39, с. 846]. Как отмечает, в частности, В.А. Барабанщиков, необходимо объединение разнородного психологического знания на основе «концептуальных синтезов более высокого порядка». По мнению данного автора, подобный синтез может быть осуществлен на основе теорий, разработанных в рамках системного подхода [3, с. 268]. В качестве возможного кандидата на эту роль мы представляем собственную концепцию, которая неоднократно демонстрировала интеграционные возможности относительно самых разных теорий философии и психологии, описанные в наших предыдущих публикациях.

Личностно-ориентированная концепция счастья: краткое описание. В 2006-2012 гг.

нами была разработана «Личностно-ориентированная концепция счастья» (ЛОКС), в которой самореализация индивида, достижение им осмысленной, полноценной жизни описываются через взаимодействие двух систем – «Личностной Уникальности» (ЛУ) и «Эгоизма» (ЭГ). Каждая система состоит из 4-х уровней, соответствующих (снизу вверх) «организму», «индивиду», «личности» и «индивидуальности». Одновременно с этим, каждый уровень представляет собой определенный этап человеческого развития – от внутриутробного состояния до зрелой самореализации. Обе системы развиваются от уровня к уровню и, соответственно, меняется характер взаимодействия между соответствующими друг другу «по горизонтали» уровнями каждой из них, связанный с осуществлением тех или иных жизненных задач (рис. 1).

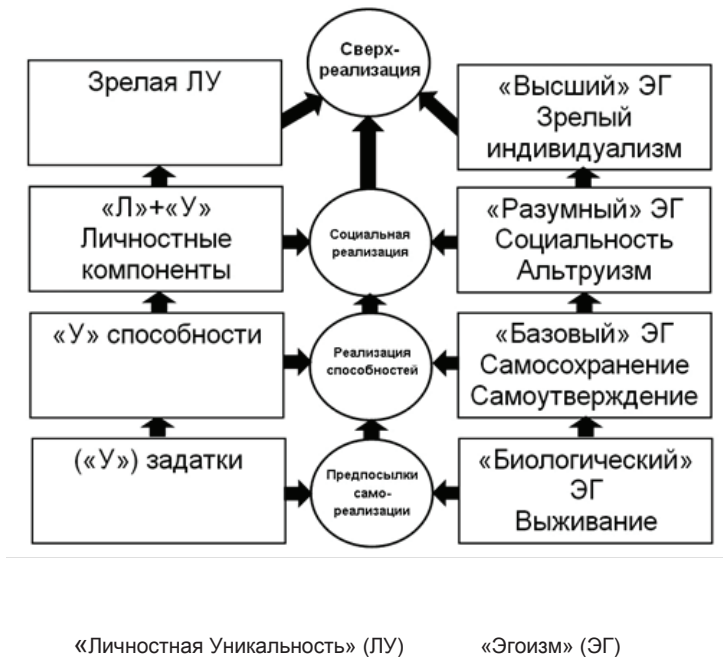

Рис. 1. ЛОКС

Изначально мы позиционировали ЛОКС как одну из теорий эвдемонической группы в современной позитивной психологии, изучающей индивидуальный потенциал и его реализацию [9; 10; 12; 16; 27; 50]. Однако в результате проведенного сравнительного анализа достаточно быстро выявились более широкие теоретические возможности концепции [51; 52]. Авторская рефлексия накапливающихся результатов привела к появлению настоящей публикации – одной из первых попыток представить и обосновать механизмы, определяющие теоретическую силу и интеграционные возможности разработанной модели.

Эгоизм: белая ворона, черная овца психологии. Одна из причин широких теоретических возможностей ЛОКС заключена, на наш взгляд, в принятой терминологии. В наибольшей степени это касается понятия «эгоизм», согласно которому, «Я» индивида является или должно являться основой мотивации и целью его собственных действий» [59, р. 1]. Эгоизм, пишет А. Рэнд, представляет не что иное как заботу человека о своих интересах [33, с. 7]. Как отмечает Ф.С. МакНелли, эгоистические желания направлены на то, чтобы дать человеку «предпочитаемое состояние самого себя» [48, р. 40]. Все человеческие действия, правильно понятые, в конечном счете, мотивированы стремлением к удовлетворению собственных желаний, реализации собственных интересов [43].

Как показано в целом ряде зарубежных работ, человеческий эгоизм является мощной врожденной, биологической силой, а потому обладает защитными и мотивационными свойствами, не только побуждая индивида к деятельности, но

и повышая его способность противостоять стрессам и давлению окружающей среды в процессе достижения цели. Вот что указывает в этой связи С. Д. Батсон: «Преобладающий взгляд на человека среди биологов и психологов заключается в том, что в глубине люди полностью эгоистичны» [42, р. 487].

Как показал еще в XVIII веке английский моральный философ и экономист Адам Смит, снабжающие нас продуктами бакалейщик, булочник, мясник делают это вовсе не потому, что желают утолить наш голод. На самом деле их поступками движет личный интерес – желание извлечь прибыль из удовлетворения наших потребностей. Так возникает свободная рыночная экономика, так функционирует капитализм [57].

В западной философской и экономической мысли на протяжении последних трех – четырех веков понятие «эгоизм» сделало триумфальную карьеру. Как пишет С. Холмс, разумно понятый собственный интерес каждого человека (как наименее деструктивное из всех его влечений) на заре развития капитализма противопоставлялся стихийным, иррациональным человеческим страстям, способным нарушить новый общественный порядок [57, р. 286]. В результате «гранитная скала» эгоизма и близкого к нему индивидуализма простояла века в зарубежной науке и имела успехи (в том числе, в качестве объяснительного принципа), не сравнимые ни с какой другой теоретической моделью в политике, экономике и других науках [57].

Главной положительной стороной эгоистических концепций мотивации и поведения человека относят их теоретическую «строгость» и «компактность» [61;

63]. Искомое понятие дает простое понимание человеческой активности и единое объяснение наших действий, что и объясняет его интеграционные возможности. И хотя сами действия могут отличаться разным содержанием, их конечным источником является собственный интерес. Принцип бритвы Оккама, пишет Д. Мюллер, диктует чисто эгоистическую интерпретацию поведению индивида в том случае, если подобное объяснение является достаточным. Что, по мнению автора, и имеет место на самом деле. В результате эгоизм трактуется как единственно возможный предсказатель человеческого поведения [60]. Как считает Г. Лэйси, «Эгоистический акт – это такой акт, который имеет подкрепление (обладает ценностью) для индивида. Таким образом, практически все действия индивида являются эгоистическими» [49, р. 266]. Как утверждал еще М. Лютер, святым можно называть лишь того человека, который замечает эгоизм в каждом своем побуждении [45].

Доктрина психологического эгоизма утверждает, что единственной конечной целью (или «первоначальной основой», что в большинстве случаев одно и то же), к которой стремится человек, является его собственный интерес. Как отмечает Г. Дж. Джейсон, концепция психологического эгоизма представляет, по сути, теорию человеческого поведения, делая эмпирическое заявление о его причине. Все поведение человека (в частности) как и любого живого существа (в целом) направлено на достижение максимально хороших для него результатов. При этом под наилучшими результатами подразумевается наибольшее и максимально полное преобладание позитивных по-

следствий над негативными в долгосрочной перспективе [47, р. 108]. В связи с этим, автор настоящей работы предлагает «усовершенствовать» основную формулу бихевиоризма следующим образом: стимул – эгоизм – реакция. Собственные интересы индивида определяют его реакцию (и проявляются в ней).

В то же время, практически любой человеческий поступок, как отмечал еще три столетия назад английский философ У. Батлер, может считаться эгоистическим просто потому, что имеет отношение к «Я» действующего субъекта [58, р. 52]. Возникает своего рода универсальная тавтология, трюизм: поскольку все мотивы, действия и желания человека так или иначе связаны с его «Я», являются его собственными, значит они эгоистичны.

Подобный теоретический казус был разрешен сравнительно недавно. По мнению Дж. Фейнберга, для суждения о действии как эгоистическом следует рассматривать не его генезис, а, скорее, цель действия и «субъектность» мотива. Нужно изучать не «источник», из которого исходит мотив или действие (в произвольной активности субъекта таким источником всегда выступает его собственное «я»), а их направление – то, на реализацию чьих интересов они нацелены [43, р. 516].

Психология как наука, изучающая внутренний мир, «Я» отдельного человека, по определению не смогла избежать встречи с понятием «эгоизм», которое в более или менее явном виде присутствует во многих общепризнанных теориях. Авторы одного из наиболее полных обзоров такого рода последовательно демонстрируют преобладание идеологии эгоизма в

концепциях З. Фрейда, неопрецидистов (Г. Салливан, К. Хорни, Э. Фромм), гуманистических психологов (А. Маслоу, К. Роджерс), теориях социального научения (А. Бандура), а также других современных направлениях общей психологии, социальной психологии и психотерапии [64]. М. и Л. Уоллахи показывают практическую невозможность полного избегания эгоистической мотивации, поскольку для нас «быть мотивированными сделать что-либо без ожидания удовлетворения нашего собственного желания может на самом деле представлять собой противоречие в понятиях... Когда наши желания и потребности удовлетворяются, мы движемся к счастью» [64, p.200].

Трудности, которые имеет с вышеуказанным термином академическая наука, заметны невооруженным глазом. С одной стороны, эгоизм (особенно в советской и постсоветской науке) получает негативную трактовку [4; 6; 31; 32; 35] либо вообще замалчивается; с другой – в психологии изучаются понятия, напрямую связанные с (эгоистическим) продвижением индивидом собственных интересов – ценности, потребности, психологические защиты, мотивация, самореализация.

Вот типичное современное русскоязычное определение эгоизма (вопросительные знаки в скобках обозначают наше сомнение или несогласие в правомерности использования соответствующих слов): «Эгоизм – негативная (?) ценностная ориентация личности, крайняя (?) форма индивидуализма, проявляющаяся в сознательном (?), корыстном (?) противопоставлении (?) личных интересов и потребностей интересам других людей и общества в целом» [41]. Мало того, что

определение сугубо отрицательное – оно еще и неполное, поскольку не описывает мотивацию индивида, в том числе, бессознательную. Очевидно, по мнению некоторых отечественных ученых, подразумеваемой моральной «низости» данного явления должно соответствовать не столько его изучение, сколько борьба, замалчивание или, в лучшем случае, тенденциозная, морализаторская трактовка, напоминающая стигматизацию.

Двойственность, амбивалентность, существующая в отношении эгоизма, и связанные с ней «фигуры умолчания» продемонстрированы в одной из работ Э. Фромма: «Современная культура вся пронизана табу на эгоизм. Нас научили тому, что быть эгоистичным грешно, а любить других добродетельно. Несомненно, это учение находится в вопиющем противоречии с практикой современного общества, признающего, что самое сильное и законное стремление человека – это эгоизм...» [37, с.560]. Оттого и пожелание человеку «не быть эгоистом» столь же двусмысленно, поскольку может означать директиву «не любить себя» и «не быть собой», подавляя тем самым спонтанное и свободное развитие личности [37, с.564].

Отметим, что еще столетие назад О. Хаксли в своем известном эссе отождествил понятия «личность» и «эгоизм» [38]. Работа Р. Штайнера об основных философских теориях античности без затей названа «Эгоизм в философии» [40]. У Ж.П. Сартра сознание человека отождествляется с принципом «для себя», который также можно считать аналогом эгоизма [34].

Вот один из возможных дискурсов, имеющий отношение к данной теме. По-

сколько понятие «индивидуальность» принадлежит к высшему уровню общепсихологической иерархии, ей соответствует понятие «смысл». Под смыслообразующим мотивом А.Н. Леонтьев понимал мотив, побуждающий к деятельности и придающий ей личностный смысл [29]. В рамках нашего исследования, мотив подобного рода, вероятнее всего, является эгоистическим – по целому ряду причин. В первую очередь, из-за выявленных в экспериментальных исследованиях многочисленных, сильных и умеренных положительных корреляций между понятиями «смысл» и «эгоизм» (см. ниже). Во-вторых, именно эгоистические мотивы наилучшим образом побуждают индивида к осмысленным действиям по достижению выгоды [33; 58]. В-третьих, большинство «первичных» мотивов (если не все) являются как раз эгоистическими, нацеленными на реализацию личного (собственного) интереса (вследствие чего, по терминологии А.Н. Леонтьева, и происходит наделение деятельности «личностным смыслом»). Наконец, в-четвертых, между самими понятиями «смысл» и «эгоизм», как нам удалось установить, имеется немало общих признаков [14; 54]. Также отметим, что рассмотрение А.Н. Леонтьевым мотива как «предмета потребности» неизбежно бросает на него «тень эгоизма» хотя бы потому, что потребности (желания) человека имеют (полностью или преимущественно) эгоистическую природу.

«Направленность» личности как система преобладающих мотивов (все или большинство которых имеет эгоистическую окраску), также напрямую связана с обсуждаемым понятием.

Примеры подобных «совпадений» столь многочисленны, что даже кратко не могут быть упомянуты в рамках одной статьи. Однако их обилие, так же как и обнаружение совершенно различных (в том числе, морально нагруженных) трактовок эгоизма позволили нам впервые в мировой психологии представить обсуждаемое понятие в виде многоуровневой системы, связанной с реализацией индивидуальным своим уникальным внутренним потенциалом и достижением насыщенной, счастливой жизни [13; 16; 25; 28; 55]. Объединение биологического, психологического, социального и духовного уровней в рамках единой системы опять таки свидетельствует в пользу интеграционных возможностей понятия «эгоизм».

Мы придерживаемся точки зрения, что индивиды не могут избежать собственного эгоизма, да им этого и не следует делать. Однако люди способны научиться совершать выбор в пользу его более «высоких», качественно иных форм (в частности, зрелого индивидуализма), связанных с уникальным саморазвитием, самовыражением и самореализацией. Опыт применения нашей модели позволяет утверждать, что человеческий эгоизм представляет собой сильно недооцененное, исключительно многогранное понятие. В своем системном, многоуровневом воплощении он способен не только синтезировать многие теории классической философии и современной психологии, но также послужить методологической платформой для будущих исследований.

Эгоизм и счастье как высшая и конечная ценность человеческой жизни. Забота индивида о максимуме позитивных последствий для себя лично [47] роднит,

как будет ясно из дальнейшего изложения, понятия «эгоизм» и «счастье». В частности, и тот и другой термин имеют отношение к «конечным» жизненным ценностям – в противоположность «инструментальным», необходимым для достижения чего-либо другого. Логическая завершенность разработанной нами концепции аргументируется, в частности, тем, что достижение счастья (высшей и конечной ценности человеческого существования с точки зрения гуманитарных наук) определяется в ЛОКС взаимодействием высшего же уровня обеих ее систем [16; 25].

Изучение литературных источников показывает, что на протяжении всей человеческой истории понятия «эгоизм» и «счастье» были тесно взаимосвязаны. Еще Аристотель утверждал, что мыслящий человек, ведущий эвдемоническую, счастливую жизнь действительно «любит» себя, но не в гедонистическом, а более «фундаментальном» ключе [2]. Такой человек ценит «высшее» в себе, поэтому знает, как ему следует жить и действовать для достижения собственной пользы и внутреннего совершенства.

Одним из первых крупных психологов, отметивших близость понятий «счастье» и «эгоизм», был Зигмунд Фрейд: «Иначе говоря, индивидуальное развитие предстает перед нами как продукт интерференции двух стремлений: стремления к счастью, которое обычно мы называем «эгоистическим» и стремления к объединению с другими в общество, называемое «альтруистическим» [36, с. 120].

Еще за полвека до работы З. Фрейда немецкий философ А. Шопенгауэр считал эгоизм источником «воли к жизни», которая, в свою очередь, претворяется

в неустанную погоню за счастьем [5, с. 109].

С точки зрения упоминавшейся ранее доктрины психологического эгоизма, люди в конечном итоге заботятся лишь о собственном счастье и желают счастья другим (как правило, близким, от которых зависят) только тогда, когда считают его средством для собственного благополучия [60]. Человеческое действие может считаться рациональным лишь в том случае, если оно вносит вклад в благополучие актора [63, р. 2]. Аналогичную закономерность отмечает Ф. Фелдман: «Разумным для человека действием является лишь то, которое максимизирует его уровень счастья» [44, р. 13]. Эгоистические понятия выгоды (benefit) и собственного интереса (self-interest) часто ассоциируются с достижением счастья [44, р. 166].

В одном из последних обзоров по психологии счастья признается, что к определению счастья можно отнести все, что «хорошо для человека, полезно, выгодно-ему, служит его интересам и исполнению его желаний» [46]. Несколько упрощая, можно утверждать, что в основе стремления человека к счастью лежит его эгоистическое желание реализовать свои интересы, улучшить собственное состояние. На наш взгляд, словосочетание «хорошо для меня» как раз и служит смысловым звеном, соединяющим в единый комплекс понятия «счастье» и «эгоизм».

ЛОКС: вторая система. Вобсуждаемой концепции имеется и вторая система – «Личностная Уникальность» (ЛУ), необходимая для описания врожденного потенциала («таланта») индивида и его реализации с помощью системы «ЭГ». Аналогом ЛУ в древних и современных

концепциях эвдемонии выступает понятие «дэймон» – внутреннее «сокровище» человека, определяющее его жизненное предназначение, его судьбу [61].

Введение второй системы позволяет увидеть новые грани в индивидуальном потенциале человека, определяемом соотношением и взаимодействием уровней концепции. В то же время эмпирические данные говорят о крайне малом проценте самоактуализирующихся людей [30], что отныне может быть объяснено как отсутствием ЛУ, так и недостаточным развитием системы «ЭГ».

Если предположить, что далеко не каждый человек получает при рождении уникальный «дар природы» (зачатки внутреннего потенциала), значит, с точки зрения ЛОКС, существование такого индивида определяется системой «Эгоизм». «Базовый» Эгоизм индивида в процессе социализации и инкультурации постепенно превращается в «Разумный Эгоизм» личности как продукта общественных отношений. Собственно говоря, существование абсолютного большинства взрослого населения в рамках ЛОКС может быть описано как колебание между вторым (связанным с удовлетворением двух основных инстинктов) и третьим (социальным) уровнями системы «ЭГ».

Добавление системы «ЛУ» необходимо, в первую очередь, для одаренного человека, расценивающего свой внутренний потенциал и его реализацию в качестве высших ценностей существования. Также на основе понятия «Личностная Уникальность» нами была создана и успешно апробирована система психотерапии [53], не являющаяся предметом рассмотрения в настоящей статье.

Использование системы «ЛУ», а так-

же взаимодействующего с ней высшего, четвертого уровня системы «ЭГ» при описании продуктивной самореализации одаренного человека с необходимостью требует использования элитологических моделей [7]. Однако отметим, что для материалистически ориентированного, «среднестатистического» взрослого человека вторая система ЛОКС пока малоактуальна.

ЛОКС: основные достижения. Двустемное и многоуровневое построение нашей концепции, изучающей достижение счастья через реализацию индивидуального потенциала, демонстрирует ее собственный интеграционный потенциал, который постепенно начинает раскрываться. Кратко перечислим лишь некоторые случаи успешного применения ЛОКС, которые были отражены в наших предыдущих публикациях.

В области религии мы единодушны с идеями, касающимися приоритета духовных ценностей и необходимости ограничения субъектом собственного эгоизма (его «базовых» форм), однако считаем развитие индивидуального потенциала наивысшим, конечным и оптимальным способом реализации присущей человеку духовной составляющей. Тем самым мы демонстрируем согласие с религией в отношении ограничения «низшего» и разногласие в определении и способе реализации «высшего» уровня человеческого существования. На своей вершине ЛОКС имеет общие ценности с религией лишь до такой степени, до какой Личностная Уникальность внутри человека может быть признана верующим человеком «божественной силой».

С точки зрения религии, человек должен подняться над своим эгоизмом ради

единения с другими людьми. С точки зрения ЛОКС, человек должен подняться над низшими формами своего эгоизма, и, используя его высшие формы (зрелый индивидуализм), осуществить свое единственное предназначение: реализовать собственную Личностную Уникальность и достичь счастья в этом мире. Обнаружение и реализация человеком своего уникального потенциала, оставаясь трудным процессом, представляет, с нашей точки зрения, практически единственную альтернативу современной бездуховности – вездесущему гедонизму и нарциссизму, в который скатывается большая часть населения по мере роста материального благосостояния [26].

Если двусистемное построение ЛОКС дает возможность «объемного» рассмотрения научных теорий с разных точек зрения, то ее многоуровневый характер позволяет проследить, а затем сравнить «глубину» и «высоту» концепций.

В классической и современной философии ЛОКС смогла внести необходимые уточнения и дополнения в «миф о пещере» Платона, составляющий основу его учения [18], в эвдемоническую концепцию Аристотеля, особенно в его представления о «любви к себе», «практической мудрости» и «золотой середине» в связи с самореализацией [22]. Применение Личностно-ориентированной концепции счастья позволило восполнить и объяснить пропущенные звенья в теории А. Шопенгауэра, касающиеся обращения внутрь «воли к жизни» [15]. Концепции И. Канта, Ф. Ницше и других известных философов приобретают дополнительные оттенки, будучи рассмотренными через «волшебную призму» ЛОКС [25].

В области современной психологии

личности наша концепция интегрировала существенные аспекты теорий З. Фрейда и К. Юнга (проведен их сравнительный анализ с использованием аппарата ЛОКС), А. Маслоу, К. Роджерса, Р. Ассаджиоли, Г. Олпорта и Э. Эриксона [9; 52]. ЛОКС позволила доказать недостаточную обоснованность представления концепции А. Маслоу в качестве «пирамиды» [17]. «Вершинная» психология Л.С. Выготского может стать выше еще на один «этаж» при использовании конструкции ЛОКС [20].

Личностно-ориентированная концепция счастья с ее двусистемным построением создала общую теоретическую рамку для наиболее известных современных теорий эвдемонии, в недрах которой она первоначально создавалась. Речь, в частности, идет о психологических концепциях Р. Райана и Э. Деси, К. Рифф и Б. Сингера, К. Шелдона и Э. Эллиота, А. Уотермана и других авторов [16; 25]. ЛОКС также позволяет организовать диалог и взаимообогащение различных религиозных и духовных течений [11; 25].

Разработанная концепция позволила приступить к систематизации (иерархизации согласно выделенным уровням) глобальных, неясно очерченных понятий, используемых в гуманитарных науках и повседневном общении. Речь, в частности, идет о «смысле», «любви», «удовольствии», «экзистенции» [24; 25].

Благодаря ЛОКС мы существенно продвинулись в разрешении теоретических «головоломок» современной психологии – понятия «индивидуальность» в обеих ее трактовках [1], ситуации «общинных выгонов» («дилеммы эгоиста»), проблемы «злого гения» [8; 16; 25]. Количество проделанной в этом направлении

работы ограничивается отнюдь не рамками ЛОКС, а лишь физическими возможностями автора.

На основе теоретической модели мы разработали и применили несколько групп диагностических, тренинговых и консультативных методик [16; 25]. Приведем самые последние, наиболее интересные экспериментальные результаты, связанные с важнейшими проблемами современной психологии и философии.

«Эгоизм» и «альтруизм» не являются противоположными полюсами – они положительно коррелируют между собой применительно к повседневной активности психически здорового человека с высшим образованием. При этом показатели эгоизма («польза, выгода для себя») в количественном отношении почти всегда превосходят показатели альтруизма («польза, выгода для других») [28; 55]. «Эгоизм» в несколько раз сильнее (положительно) связан со шкалой «смысла жизни», чем альтруизм [14; 54]. Понятия «вовлеченность», «эгоизм» и «смысл» находятся ближе всего к сердцевине комплексного конструкта «счастье», причем по самым разным статистическим критериям [19; 23; 25; 56].

Полученные результаты еще раз демонстрируют интеграционные возможности понятия «эгоизм». Основное препятствие их воплощению заключается в настороженности многих специалистов относительно моральных импликаций эгоизма. Однако, если принять диктуемую результатами экспериментов точку зрения, что эгоизм так или иначе лежит в основе большинства человеческих актов, значит, от приписываемой данному понятию негативной моральной ценности в целом следует отказаться. В этом случае

«...альтруистические действия становятся разновидностью эгоистических. Если считать эгоистическими все действия, значит, подобное поведение нельзя расценивать как порок» [49, р. 267]. Если моралистически настроенные критики «плохого» эгоизма противопоставляют ему «хороший» альтруизм, который, как теперь стало очевидным, отнюдь не является противоположностью первого понятия, значит, они, вероятнее всего, ошибаются в понимании и оценке других аспектов эгоизма.

ЛОКС: с мечтой о будущем. Как уже отмечалось, существование большей части населения может быть без труда описано тремя уровнями одной системы ЛОКС. Тем не менее, даже в системе «Эгоизм» можно наблюдать постепенное восхождение человечества от «полуживотного» состояния к социализации и инкультурации (от второго уровня к третьему в рамках нашей концепции). Мы верим, что в ходе дальнейшей эволюции наступит время, когда любому индивиду также потребуется система «Личностная Уникальность» (в виде врожденного и впоследствии развитого потенциала), реализация которой с помощью «Высшего» Эгоизма позволит вести действительно собственную, по-настоящему счастливую жизнь.

Выводы. Разработанная автором Личностно-ориентированная концепция счастья неоднократно демонстрировала свои интегративные возможности в сравнительном анализе с другими теориями философии и психологии. Мы считаем, что обилие теоретических возможностей и экспериментальных результатов, кратко перечисленных в настоящей статье, не может быть случайным. Представленные

результаты позволяют выдвинуть предположение о возможности использования концепции (ее уровней и терминологии) как средства объединения, синтеза целого ряда направлений в гуманитарных науках.

Литература

1. Абульханова К.А. История и перспектива психологии индивидуальности. // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. – С. 14 - 63.
2. Аристотель. Никомахова этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. – 239 с.
3. Барабанщиков В.А. Принцип системности и современная психология. // Теория и методология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 268-285.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
5. Быховский Б. Э. Шопенгауэр. М.: Мысль, 1975. – 208 с.
6. Джидарьян А. И. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал, 2000, т.21, №2. – С. 39-47.
7. Карабушенко П.Л., Карабушенко Н.Б. Психологические теории элит. М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 448 с.
8. Левит Л.З. Индивидуальность и счастье: в поисках общих категорий // Дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология сегодня / под. ред. М.М. Кабардова. М.: Смысл, 2011. – С. 204-206.
9. Левит Л. З. ЛОКС: между Фрейдом, Юнгом и Маслоу. Минск: А.Н. Вараксин, 2012. – 120 с.
10. Левит Л. З. Личностно-ориентированная концепция счастья: краткая история // «Психология и психотехника». 2012. №8. – С. 78-86.
11. Левит Л. З. Личностно-ориентированная концепция счастья: диапазон ценностей // Проблемы современной науки: сборник научных трудов: выпуск 5. Часть 1. – Ставрополь: Логос, 2012. – С. 171-181.
12. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Педагогическое образование в России. 2013. №1. – С. 102-111.
13. Левит Л.З. Эгоизм как системное понятие и его роль в достижении счастья // Горизонты образования. 2013. №1. – С. 22-35.
14. Левит Л. З. Смысл и эгоизм: совместимы ли понятия? // Пятая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии (Москва, 6 – 8 мая 2013 г.). Материалы сообщений. – С. 90-93.
15. Левит Л.З. «Воля к жизни» А. Шопенгауэра и Личностно-ориентированная концепция счастья: недостающие звенья // Философия и культура. 2013. №11. – С. 1574-1581.
16. Левит Л.З. Уникальный потенциал, самореализация, счастье. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2013. – 482 с.
17. Левит Л.З. Геометрия в психологии: «пирамида Маслоу» и «пирамида Левита» // Современное гуманитарное образование (материалы конференции). Севастополь: «Ариал», 2013. – С. 198-202.
18. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: Платон нам друг, но...// Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Восьмая международная заочная научно-практическая конференция. Часть 2. Вольск: «Перо», 2014. – С. 44-51.
19. Левит Л.З. Что же такое счастье: опыт трех исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. – С. 139-148.
20. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья и культурно-историческая теория: место встречи // Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблемы развития личности в изменчивом мире. / Материалы V Международной конференции. Гомель: ГГУ им. Ф.

Скорины, 2014. – С. 41-43.

21. Левит Л.З. Индивидуальный потенциал и личностно-ориентированная концепция счастья: краткое «пособие для начинающих» // Педагогика и психология: тренды, проблемы, актуальные задачи (материалы конференции). Краснодар, 2014. – С. 120-128.

22. Левит Л.З. «Золотая середина» и «любовь к себе»: что же имел в виду Аристотель? // Сборник центра научных публикаций: «II Летние чтения». Киев, Центр научных публикаций, 2014. – С. 93-97.

23. Левит Л.З. В погоне за счастьем: основные экспериментальные результаты // Международный научно-практический журнал «Смальта». 2014. № 4. – С. 9-16.

24. Левит Л.З. Существование человека: «пунктир» или «синусоида»? // Международная конференция «Наука как основа возрождения общества и экономики» (сборник докладов). Донецк: НИЦ «Знание», 2014. – С. 89-92.

25. Левит Л.З. Индивидуальный потенциал и его реализация (в двух частях). Минск: РИВШ, 2014.

26. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: духовность против гедонизма // Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы / Материалы международной конференции. Минск: Право и экономика, 2014. – С. 114-116.

27. Левит Л. З., Радчикова Н. П. Личностно-ориентированная концепция счастья: теория и практика // Национальный Психологический Журнал. 2012. №2 (8). – С. 81-90.

28. Левит Л.З., Шевалдышева Е.З. Эгоизм и альтруизм: «антагонисты» или «братья»? // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 4. – С. 62-78.

29. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Academia, 2005. – 352 с.

30. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е издание. СПб.: Питер, 2009. – 352 с.

31. Муздыбаев К. Эгоизм личности. //

Психологический журнал, 2000, т.21, №2. – С. 25-32.

32. Нехорошева И.В. Уровень счастья людей с различной нравственной направленностью // Вопросы психологии. 2013. №3. – С. 22-31.

33. Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина, 2011. – 192 с.

34. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М.: АСТ, 2009. – 928 с.

35. Флоренская Т. А. Я – против «Я». М.: «Знание», 1985. – 80 с.

36. Фрейд З. Неудобства культуры. СПб.: Азбука-классика, 2010. – 192 с.

37. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2008. – 700 с.

38. Хаксли О. Вечная философия. М.: Рефл.-бук, 1997. – 336 с.

39. Хант М. История психологии. М.: АСТ, 2009. – 864 с.

40. Штайнер Р. Эгоизм в философии. М.: ЭНИГМА, 2002. – 128 с.

41. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. Режим доступа: psychology_pedagogy.academic.ru (эгоизм).

42. Batson C.D. “Empathy and altruism”// Handbook of Positive Psychology / Ed. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford University Press, 2001. – Pp. 485-498.

43. Feinberg J. Psychological Egoism // Reason and Responsibility. Wadsworth: Cengage Learning, 2011. – 702 p.

44. Feldman F. What is This Thing Called Happiness? Oxford: University Press, 2012. – 288 p.

45. Hartung J. So be good for goodness' sake // Behavioral and Brain Sciences. 2002. V.25. – Pp. 261-263.

46. Haybron D. M. Happiness// Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/>

47. Jason G.J. Portraits of Egoism in Classic Cinema I: Sympathetic Portrayals // Reason Papers. July 2014. Iss. 36. № 1. – Pp.

107-121.

48. Kavka G. Hobbesian Moral and Political Theory. Part II. – Princeton: Princeton University Press, 1986. – 461 p.

49. Lacey H. Teleological behaviorism and altruism// Behavioral and Brain Sciences. 2002. V.25. – Pp. 266-267.

50. Levit L. Z. Happiness: Person-Oriented Conception // International Journal of Advances in Psychology. Vol. 1. Iss. 3. November, 2012. – Pp. 46-57.

51. Levit L. Z. Person-oriented Conception of Happiness: Between Freud, Jung and Maslow // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. August. № 2 (8). – Pp. 576 – 584.

52. Levit L.Z. Person-Oriented Conception of Happiness and Some Personality Theories: Comparative Analysis. // SAGE Open. January-March, 2014. Published 10 January 2014. – Pp. 1-7.

53. Levit L.Z. Personal Uniqueness Therapy: Living with an Inner Ideal. // American Journal of Applied Psychology. Vol. 3. № 1, January 2014. – Pp. 1-7.

54. Levit L.Z. Meaning and Egoism: Are the Notions Compatible? // International Journal of Social Science Research. 2014. Vol. 2. № 1. – Pp. 102-112.

55. Levit L.Z. Egoism and Altruism: the “Antagonists” or the “Brothers”? // Journal of Studies in Social Sciences. 2014. Volume 7.

Number 2. – Pp. 164-188.

56. Levit L.Z. Exploring the Psychology of Happiness: The Latest Experimental Results // Psychology and Social Behavior Research. 2015. № 3 (1). – Pp. 1-10.

57. Mansbridge J. J. Beyond Self-Interest. Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 416 p.

58. Milo R. D. Egoism and Altruism. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1973. – 138 p.

59. Mosley A. Egoism // Ethics, Mind and Cognitive Science. Originally published: August 7, 2005. – Pp. 1-7.

60. Mueller D. C. Rational egoism versus adaptive egoism as fundamental postulate for a descriptive theory of human behavior// Public Choice. 1986. V.51. – Pp. 3-23.

61. Norton D. L. Personal Destinies. A Philosophy of Ethical Individualism. Princeton: Princeton University Press, 1976. – 398 p.

62. Psychological Egoism// Internet Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iep.utm.edu/>

63. Shaver R. Rational Egoism. Cambridge: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1999. – 162 p.

64. Wallach M.A., Wallach L. Psychology’s Sanction for Selfishness: The Error of Egoism in Theory and Therapy. San Francisco: Freeman, 1983. – 307 p.

Нугер Б., (Астана, Казахстан)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БРЕНДА

Аннотация

Статья посвящена исследованию бренда как психологического и социально-психологического феномена, оказывающего влияние на сознание и поведение субъекта и отражающего социальное развитие общества в аспекте его потребительской деятельности.

Ключевые слова

Бренд, потребитель, коммуникация, сознание, развитие, социальный объект, потребность

Abstract

The article is devoted to the brand as a psychological and social-psychological phenomenon, which impact on the consciousness and behavior of the subject and reflecting the social development of society in terms of its consumer business.

Keywords

Brand, users, communication, consciousness, evolution, social object, the need for

Актуальность исследования психологических аспектов бренда обусловлена возрастающей активностью деятельности по созданию и продвижению брендов в различных сферах социальной жизни. Формирование и коммуникативное развитие бренда являются приоритетной задачей компаний, занятых в экономическом секторе, и приобретают новое значение применительно к личностям, идеям, различного типа социальным общностям. Особенно важным это становится сейчас, так как в период кризисных преобразований экономических систем меняются социальные установки и предпочтения индивида, в связи с чем намечается тенденция исследования бренда как психологического и социально-психологического феномена, оказывающего влияние на сознание и поведение субъекта и отражающего социальное развитие общества в аспекте его потребительской деятельности.

Сознание и поведение индивида как потребителя является в настоящее время актуализированным центром прагматических интересов дифференцированных бизнес-сообществ, так как потребительский рынок Казахстана развивается быстрыми темпами. Социальные изменения, происходящие сегодня, ведут к развитию потребительского общества, которое характеризуется особыми психологическими установками, активизирующимися под влиянием бренд-коммуникации. В

сложившейся социальной ситуации необходим психологический фундамент для осмысления и – на этой основе – оптимизации коммуникативных процессов, сопровождающих создание и продвижение бренда. Влияние бренд-коммуникации направлено на потребностно-мотивационную сферу индивидов, психологические механизмы поведения личности, групповую и межгрупповую деятельность, в связи с чем существует объективная потребность комплексного, целостного анализа бренда как социально-психологического феномена.

Еще одним аспектом, определяющим актуальность данной темы, является социальное противостояние брендам, которое в нашей стране пока не проявляется так открыто, как за рубежом, но приобретает все более явные черты. В маркетинговой среде это ведет, в частности, к снижению эффективности традиционных средств прямой рекламы; в более широком социально-психологическом плане у индивидов формируются ощущение фрустрации, негативные аффекты, в результате чего образуются социальные группы «протеста», явно или латентно направленные против идеологии бренд-коммуникации.

Бренд мы можем обозначить как образ социального объекта, который возникает в сознании людей при предъявлении им соответствующего стимула. В качестве социальных объектов-стимулов

можно рассматривать ряд атрибутов, в том числе имя бренда, товар, упаковка, персонаж рекламного ролика, товарный знак и форменный стиль (цветовое, графическое решение и т.п.).

Как образ социального объекта, бренд характеризуется также особой оценочностью со стороны воспринимающего субъекта. Бренд – это мотивирующий образ социального объекта, отвечающий принципам целостности и attractiveness.

К. Левин писал о побудительном характере объектов. Это положение согласуется с той спецификой, которое приобретает бренд в социальном пространстве в процессе коммуникативного взаимодействия субъектов.

Бренд на уровне феноменологическом – это слово, имя, символ, знак, метафора, ассоциация, клеймо, печать, марка, ценность, идея, органичное слияние идеальной и материальной субстанций [Злотницкий Е.Э., 2008, с. 10].

Бренд можно анализировать в парадигме теории социальных представлений. Общество формирует представления благодаря следующим процессам: объективации и закреплению. Процесс объективации «содержит четыре момента, в процессе которых эго отделяется от вещей» [Московичи 1998, с. 380]. К этим моментам С. Московичи относит желание, оценку, спрос, обмен; все они имеют место в формировании социальных представлений субъектов о бренде.

Современный бренд возник под влиянием ряда социально-экономических и юридических факторов, в числе которых – правовая защита торговых знаков (в России – законодательство о товарных знаках в Гражданском кодексе, части 4),

массовое производство, развитие массового рынка, глобализация бизнеса, развитие технологий маркетинга, установление фиксированной цены на товары, исследование реальных потребностей потребителей и формирование механизмов защиты последних.

Д.Л. Буренко отмечает, что компании-производители товаров все большее внимания обращают на то, что потребности клиента не ограничиваются только функциональными свойствами товаров, а приобретают широкий личностный и социальный контекст; эти идеи «опредмечиваются» в торговых марках [Буренко 2005, с. 3].

Семантически к понятию бренда близки понятия «товарный знак», «имидж», «торговая марка».

В отличие от товарного знака, бренд охватывает большее число коммуникаций.

Бренд, отражаясь в сознании потребителей, характеризуется их представлением о том, какие ценности он символизирует. Поэтому бренд также определяется как товарный знак, достигший высокого уровня известности и лояльности, превратившийся в сознании покупателя именно в бренд – «символическую ценность, определяющую выбор товара и готовность платить за него дороже. Данная точка зрения интересна, хотя при этом подходе сложно определить границы перехода товарного знака в бренд, потому что нет четких критериев, позволяющих выяснить, какая степень известности и лояльности соответствует именно бренду. Вместе с тем, явным показателем бренда является его представленность в интегрированных маркетинговых коммуникациях. Если считать бренд известным

товарным знаком, то в период становления бренд нужно называть по-другому, пока он не получит определенной известности; таким образом, возникают проблемы адекватной номинации.

Существуют и другие отличия бренда от товарного знака: товарный знак является объектом правовой охраны, а бренд – нет; товарным знаком можно обладать, а брендом – только управлять, потому что бренд основан на восприятии потребителей; возможности товарного знака лежат в области распознавания и идентификации маркируемых товаров / услуг, а бренд создает свою мифологию, картину мира, это особый «мир бренда»; у бренда есть имидж, бренд должен быть персонафицирован (например, в образе персонажа, который, благодаря рекламе, ассоциируется с товаром); сильный бренд остается неизменным даже при смене товарного знака; бренд более ассоциирован с товаром, чем товарный знак.

Бренд обещает удовлетворение определенной потребности клиента. Необходимо также отметить, что бренд обязательно должен быть основан на вербально выраженном имени.

Бренд – прежде всего слово. Бренд несуществим без имени. Имя является материальным активом фирмы. Оно несет в себе набор коннотаций и должно убеждать в них. Можно говорить о существовании особого «языка брендов», в большинстве случаев интернационального.

Так, в разных языковых сообществах «Кока-Кола» будет произноситься практически одинаково и обозначать один и тот же товар. Проблема возникает тогда, когда сильные бренды из-за частоты и удобства употребления начинают заменять собой родовые названия товаров

(«памперс» вместо «подгузник» и др.), но в этом «виноваты» сами разработчики брендов, придумывающие и интенсивно раскручивающие названия более благозвучные, чем родовые.

Вместе с тем, естественная взаимосвязь понятий бренда и товарного знака требует не противопоставлять их, а объединять, поэтому часто они рассматриваются в качестве синонимов. Даже в этом случае отмечаются отличия, связанные с номинациями. С.Г. Божук, например, не видит принципиальной разницы между этими понятиями, но все же считает, что термин «бренд» отражает современный подход, новизну и широту взглядов на товарный знак, его проецирование на потребителей [3].

Бренд и товарный знак соотносятся через понятие гудвилла (хорошей репутации). В этом смысле бренд определяется как коммерческое воплощение репутации.

В целом понятие «бренд» шире, оно метафорично (например, Д. Аакер говорит о бренде как товаре, бренде как организации, бренде как личности и бренде как символе), а понятие «товарный знак» – конкретно и имеет более узкую область применения.

Целесообразно рассматривать понятия бренда и товарного знака не как синонимы, а как целое и его часть. Бренд имеет сложную структуру, содержательно это комплексный код, формирующий у потребителя положительное восприятие товара. Товарный знак не только является символом, маркером бренда, элементом, охраняемым законом. Товарный знак – это денотат бренда. Таким образом, представляется, что бренд содержит два уровня: денотативный и коннотативный.

Следовательно, бренд – это товарный знак (денотат) и некоторая совокупность коннотативных значений, формирующихся в сознании потребителей относительно данного товарного знака. Эти коннотации в идеале позитивны, создают индивидуальность бренда, отличают его от конкурентов.

А.Н. Лебедев-Любимов отмечает, что современное понимание бренда уже не отождествляется с торговой маркой, так как оно психологизировано; брендинг, по его мнению, – это «система маркетинговых мероприятий, которые тесно связаны с самовыражением покупателя» [Лебедев-Любимов 2008, с. 65].

Соотношение понятий «бренд» и «имидж» Е.Э. Злотницкий определяет следующим образом: имидж – более объемное понятие, представляющее комплекс ассоциаций в отношении конкретного товара. Имидж бренда (brand image) – это образ продукта в сознании потребителей, то есть «личные чувства, которые они испытывают по отношению к марке, в сочетании с тем, что, по мнению пользователей продуктов, марка приобретаемого и (или) потребляемого продукта говорит о них самих сторонним наблюдателям» [Злотницкий 2008, с. 10].

Бренды изучаются сегодня в различных научных парадигмах. Так, исследуя бренды регионов, Е.Э. Злотницкий [Злотницкий Е.Э., 2008, с. 11] приходит к выводу, что социологическое изучение брендов в настоящее время ведется по следующим направлениям: исследование социального пространства как сложно организованного порядка брендов; трансформация и стирание границ между элитарной и массовой культурой, поглощение их брендовой культурой; изучение

последствий формирования и развития мегабрендов для индивида, т.е. определенные масштабы и результаты социальной уязвимости потребителей мегабрендов; управление глобальными изменениями потребительской культуры посредством брендовой политики и манипулирования общественным мнением; исследование деятельности граждан и альтернативных общественных движений, выступающих против навязывания зависимого бренд-потребления, эксплуатации транснациональными корпорациями рабочих в развивающихся странах.

Одним из достаточно новых и, вместе с тем, актуальных направлений развития современных исследований бренда с позиции субъектоориентированной парадигмы является изучение роли бренда в деятельности по управлению персоналом (HR-management). В частности, С. Бэрроу и Р. Мосли в своей работе подчеркивают ту значимость, которую приобретает в настоящее время бренд компании в формировании образа организации и оценке ее потенциала как места возможного трудоустройства. Сильный бренд важен для компании не только с точки зрения восприятия ее клиентами, но и сотрудниками.

Мы определяем брендинг (процесс продвижения бренда) как маркетинг имени.

Обращение к проблеме исследования имени является одним из направлений изучения бренда.

Потребитель вынужден знать «язык имен брендов»: как произносится то или иное название. Как правило, это связано с произносительными нормами языка той страны, где появилась марка, особенно если это фамилия дизайнера (например, «Марк Джейкобс»). Но названия сильных

брендов (Coca-Cola, Sony, Lego) в основном универсальны, имеют единое межъязыковое и межкультурное значение, одинаково произносятся на разных языках.

Бренд «растворяется в «сверхчувственных» свойствах самой вещи (товара), а имя бренда (или бренд-нейм) выступает неким символом объекта достижения, то есть становится «крутым», как и сам товар» [Лебедев-Любимов 2008, с. 48].

Бренды неоднородны, существует ряд их типологий. Одна из распространенных – деление брендов на сильные и слабые.

Базируясь на концепции британской исследовательской организации Cool Brandleaders Council, А.Н. Лебедев использует понятие «cool» («крутого») бренда. Для понимания психологии «cool» брендов, по его мнению, нужно исследовать психологические явления зависти, престижа, тщеславия, мотивации достижения успеха, завышенной самооценки, уважения, самопрезентации, саморекламы, Я-концепции и т.д. Бренд или «cool бренд» (в терминологии А.Н. Лебедева) – это «и некая сформированная в сознании потребителей условность, которая является удобной единицей измерения, и некий объект, сверхчувственными свойствами которого в социодинамических системах можно управлять методами психологии маркетинга» [Лебедев-Любимов 2008, с. 65]. Обосновываемая этим автором cool-brand-стратегия строится на ряде принципов: бренд «крут» для потребителя, если потребитель, покупая его, сам чувствует себя «крутым»; если этот бренд приобретают люди, которых он считает «крутыми»; для понимания психологической сущности «cool» бренда необходимо изучать его в рамках социо-

динамической системы; в которой бренд может приобретать особые системные или «сверхчувственные» свойства, повышающие его ценность; «cool» бренды могут возникать в результате особого (дистинктивного) поведения людей со специфической мотивацией самовыражения; соответственно, создание таких брендов должно базироваться на психологических исследованиях, главными методами которых в данном случае являются психологические эксперименты и тесты» [Лебедев-Любимов 2008, с. 69].

А.Н. Лебедев-Любимов обосновывает понятие «cool» бренда и пишет, что такие бренды получают шанс произвести на мировом рынке так называемую рекламно-имиджевую революцию. Это понятие характеризует процесс резкого изменения ценностных представлений, затрагивающий одновременно многие сферы бизнеса и меняющий отношение людей к чему-либо на продолжительное время [Лебедев-Любимов 2008, с. 12]. Такой подход позволяет исследовать личность не только в ее роли потребителя, но и на более глубоком социокультурном уровне.

На наш взгляд, понятие «cool» бренда соотносимо с понятием сильного бренда. Сильный бренд – это высшая степень воздействия бренда на сознание потребителей.

С маркетинговой точки зрения понятие бренда относится к товарам и / или услугам. Однако существует и такое понятие, как «бренд личности». Это понятие применимо, в частности, в сфере политики и шоу-бизнеса: существуют бренды «Элвис Пресли», «Алла Пугачева», «Мадонна» и пр.

Следовательно, формирование образа у человека происходит под воздействием

как внутренних личностных факторов, так и внешних, в числе которых влияние со стороны других субъектов и средств массовой коммуникации и воздействие свойств самого объекта.

На начальном этапе своего формирования образ подвижен, подвержен изменениям; со временем постепенно происходит «ужесточение» образа. Развитие и фиксация образа протекает под влиянием группы, обусловлено фактором группового взаимодействия. Если образ относится к числу признаков, объединяющих индивидов в группу, то он имеет общие для всей группы черты. На восприятие образа влияет установка субъекта.

Исследования бренда на сегодняшний день ведутся в контексте различных научных парадигм, в частности, психологической, социально-психологической, социологической, маркетинговой, лингвистической, философской, культурологической, юридической и пр.

Необходимо развитие новых подходов к исследованию психологии бренда, что определяет содержание наших дальнейших исследований.

Литература

1. Злотницкий Е.Э. Социальный механизм управления брендом региона: Автореф. ... канд. социол. наук. – М., 2008. – 24 с.
2. Московичи С. М. Машина, творящая богов. / Пер. с фр. - М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. - 560 с.
3. Буренко Д.Л. Социально-психологическая оценка эффективности воздействия рекламы торговой марки на целевую аудиторию: Автореф. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М.: Изд-во ГУУ, 2005. – 24 с.
4. Божук С.Г. Предисловие к русскому изданию // Темпорал П. Эффективный бренд-менеджмент. – СПб.: Издат. Дом «Нева», 2003. – С. 9–11.
5. Лебедев-Любимов А.Н. Психология в маркетинге. COOL-BRAND-стратегия. – СПб.: Питер, 2008. – 192 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Клюева Н.В., Котина Н.Н. (Ярославль, Россия)

ИЗМЕНЕНИЕ САООТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется влияние учебной деятельности на возможность изменения самоотношения ребенка младшего подросткового возраста. Рассматривается вопрос, можно ли сохранить учебную деятельность в качестве значимой (но уже не ведущей) у детей младшего подросткового возраста и использовать ее для качественного изменения уже сложившегося устойчивого чувства - самоотношения, пронизывающего образ «Я» и оказывающего влияние на самореализацию личности.

Ключевые слова: самоотношение, самооценка, учебная деятельность, подростковый возраст

In article influence of learning activity on change of the self-relation of the child of juvenile is analyses. The question is considered, whether it is possible to keep learning activity as significant at children of juvenile period and to use it for high-quality change of already developed steady feeling - the self-relation which is penetrating an image "I" and having impact on self-realization of the personality.

Keywords: self- relation (self-concept?), self-assesment, learning activity, juvenile period

Одной из важнейших характеристик (измерений) социального бытия человека является отношение к себе. Вопрос о влиянии принадлежности человека к какой-либо группе и проявление себя в ней отражает один из аспектов фундаментальной проблемы взаимодействия личности с социальным окружением. Важным представляется изучение изменения самоотношения личности при взаимодействии с группой, которая в течение многих лет становится для личности референтной - школьным классом.

Необходимо отметить различие содержания «Образ Я» и самоотношения. С точки зрения В.В. Столина, самоотношение – это относительно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и «Образ Я». [4, 37 с.]

Согласно модели строения самоотношения, предложенной Столиным В.В., основой самоотношения является процесс, в котором собственное «Я», собственные черты и качества оцениваются личностью по отношению к мотивам, выражающим потребность в самореализации. Наиболее полно самоотношение описывается как специфическая активность субъекта в адрес своего «Я», состоящая в определенных внутренних действиях (и установках на эти действия), характеризующихся как эмоциональной спецификой, так и предметным содержанием самого действия. Самоотношение есть личностное образование, а поэтому его строение и содержание может быть раскрыто лишь в контексте реальных жизненных отношений субъекта, «со-

циальных ситуаций его развития» и деятельности, за которыми стоят мотивы, связанные с самореализацией субъекта как личности.

Социальная ситуация развития и задаваемые ею мотивы ведущих деятельностей оказывают непосредственное влияние на строение и содержание этой системы таким образом, что, то или иное содержание отношения к себе может занимать ведущее и наиболее значимое место в его общем строении, фактически, определяя общий тон или чувственную модальность, в которой смысл «Я» выражается субъекту. Другие компоненты системы самоотношения входят в нее на правах иерархического соподчинения и занимают менее значимое место, чем ядерная структура.

На формирование самоотношения влияет большое количество факторов. И.И. Чеснокова выделяет две группы наиболее существенных из них. В первую группу включены собственные достижения в различных сферах деятельности, оценка этих достижений человеком и соотнесение своей оценки с общественной оценкой и оценкой значимых людей. Во вторую группу будет входить отношение других людей к данному человеку, как к личности. [5, 62 с.] Для школьников – это родители, учителя, значимые взрослые, сверстники. Конечно, эти факторы в реальной жизни тесно взаимосвязаны и практически неразрывны. Лишь имея сложившиеся представления о себе и определенным образом относясь к себе, субъект способен регулировать и контролировать свою деятельность. Саморегуляция подразумевает положительное, эмоционально устойчивое отношение в совместной деятельности и

общении между индивидами. От самоотношения во многом зависит успешность личностной и социальной адаптации в стремительно изменяющихся условиях жизнедеятельности человека, а также возможность реализации личностью своего потенциала.

Подростковый возраст - один из важнейших этапов в становлении личности человека. Он характеризуется рядом специфических особенностей. Это возраст преобразований в сфере сознания, деятельности и системы взаимоотношений. На этом этапе продолжается становление психофизиологических особенностей. Основу формирования новых психологических и личностных качеств составляет общение в ходе различных видов деятельности - учебной, игровой, общения, творческих занятий и пр. Для этого периода характерны частые стрессы, связанные с интенсификацией учебного процесса, с переходом на новые формы обучения (ещё большая дифференциация предметов), а также социальная адаптация в отношениях с коллективом.

Необходимость изучения проблемы самоотношения именно в начале подросткового возраста объясняется тем, что как раз в этот период происходит становление самосознания личности, сопровождаемое рядом психосоциальных противоречий: с одной стороны, подросток воспринимает себя как личность исключительную, уникальную, с другой стороны, сомневается в себе, пряча свои сомнения за нарочито показным поведением и поступками. Кроме того, у ребенка начинает складываться система оценочных суждений в свой адрес и в адрес "других". Эмоционально-ценностное отношение к собственному "Я" на-

чинает подвергаться влиянию оценочных суждений сверстников, выступающих на данном возрастном этапе значимой референтной группой. Создающееся внутриличностное противоречие в оценке себя и "других", ценностях, интересах имеет свое проявление в поведении, отражающее наличие той или иной личностно значимой проблемы.

Образовательный процесс в качестве инструмента для изменения самоотношения личности выбран нами не случайно. Учебная деятельность, как отмечали Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов, есть, прежде всего, такая деятельность, в результате которой происходят изменения в самом ученике. Это деятельность по самоизменению, то есть, продуктом являются те изменения, которые произошли в ходе ее выполнения в самом субъекте http://www.ido.rudn.ru/psychology/pedagogical_psychology/pic/t5/p4.html. [6, 18 с.]

Учебная деятельность, как уже указывалось, это деятельность направленная, имеющая своим содержанием овладение обобщенными способами действия в сфере научных понятий. Она должна побуждаться адекватными мотивами. Ими могут быть только мотивы, непосредственно связанные с ее содержанием, т.е. мотивы приобретения обобщенных способов действий, или, проще говоря, мотивы собственного роста, собственного совершенствования. Личные успехи, личное совершенствование приобретает тем самым глубокий общественный смысл [6,46 с.]

Не менее важно отметить, что возраст 10-11 лет благоприятен для использования различных технологий обучения с целью изменения определенных структур личности, так как учебная де-

ятельность еще не потеряла свою привлекательность и влияние в качестве ведущего вида деятельности. Учебная деятельность -инструмент, который может внести необходимые изменения в структуру самоотношения ребенка, устраняя конфронтационные механизмы его формирования. Вместе с тем, возможен и обратный «эффект»: используя образовательные технологии в процессе изменения психологических структур личности, возможно актуализировать интерес учащихся к учебной деятельности и продлить возможность сосуществования со все более вступающим в свои права новым ведущим видом деятельности – общением со сверстниками. Учебная деятельность, в которую ежедневно включен подросток, оказывает влияние на строение и содержание его самоотношения двояким образом: во-первых, она задает ту иерархию ведущих деятельностей и мотивов, по отношению к которым происходит осмысление собственного «Я» - наделения его смыслом; во-вторых, она во многом задает и тот «алфавит» эмоциональных переживаний, в котором это осмысление осуществляется. Конечно, это влияние не осуществляется в жестко определенных формах. Ведь хотя «деятельность определяет личность, но личность выбирает ту деятельность, которая ее определяет».... [1, 96 с.]

К тому же, система российского образования находится в активном переходе на Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, в основе построения которого лежит системно-деятельностный подход, обеспечивающий формирование готовности личности к саморазвитию и непрерывному образованию, проекти-

рование и конструирование социальной среды развития обучающихся в системе образования, предполагающий развитие в ходе образовательного процесса качеств личности, отвечающих потребностям информационного общества, инновационной экономики, демократического строя и многонационального, поликультурного российского общества. Стандарт направлен на обеспечение условий создания социальной ситуации развития обучающихся, обеспечивающей их социальную самоидентификацию посредством лично значимой деятельности.

Исходя из этого, в науке и в практике, говоря о качестве обучения и воспитания, все чаще стали связывать его с конечным результатом - компетенцией школьника. Школа должна сформировать социально компетентную личность, умеющую применять свои знания на практике и создать оптимальные условия для реализации социального потенциала школьника путём развития социальных компетенций и достижения результатов обучающихся, освоивших основную образовательную программу основного общего образования: - личностных, включающих готовность и способность обучающихся к саморазвитию и личностному самоопределению, сформированность их мотивации к обучению и целенаправленной познавательной деятельности, системы значимых социальных и межличностных отношений, ценностно-смысловых установок, отражающих личностные и гражданские позиции в деятельности, социальные компетенции, правосознание, способность ставить цели и строить жизненные планы, способность к осознанию российской идентичности в поликультурном социуме; освоение социальных

норм, правил поведения, ролей и форм социальной жизни в группах и сообществах, включая взрослые и социальные сообщества; развитие морального сознания и компетентности в решении моральных проблем на основе личностного выбора, формирование осознанного и ответственного отношения к собственным поступкам, коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве со сверстниками, детьми старшего и младшего возраста, взрослыми в процессе образовательной, общественно полезной, учебно-исследовательской, творческой и других видов деятельности;

метапредметных, включающих освоенные обучающимися межпредметные понятия и универсальные учебные действия (регулятивные, познавательные, коммуникативные), способность их использования в учебной, познавательной и социальной практике, самостоятельность планирования и осуществления учебной деятельности и организации учебного сотрудничества с педагогами и сверстниками, построение индивидуальной образовательной траектории;

предметных, включающих освоенные обучающимися в ходе изучения учебного предмета умения, специфические для данной предметной области, виды деятельности по получению нового знания в рамках учебного предмета, его преобразованию и применению в учебных, учебно-проектных и социально-проектных ситуациях, формирование научного типа мышления, научных представлений о ключевых теориях, типах и видах отношений, владение научной терминологией, ключевыми понятиями, методами и приемами, владение основами самоконтроля, самооценки, принятия решений

и осуществления осознанного выбора в учебной и познавательной деятельности;

Таким образом, становится понятным, что непосредственно в учебной деятельности самоотношение ребенка зависит от его взаимодействия с какой-либо предметной областью и это взаимодействие имеет всегда качественную характеристику для ребенка, которую он воспринимает, прежде всего, внутри себя. Учебная деятельность дает возможность разрешить противоречие предмета, познать суть, научиться решать определенный класс задач. Из этого вытекает отношение к себе как к ученику. С одной стороны, ребенок внутри себя связан с задачей, которую он решает и отмечает изменение своих достижений в конкретной деятельности, с другой стороны, он сравнивает себя с теми, кто тоже решает эту задачу (как мы знаем, самооценка входит в структуру учебной деятельности и неразрывно связана с самоотношением).

При включении обучающегося в систему развивающего обучения, основанную на теории учебной деятельности, главным является то, как ученик владеет способами действия в решении того или иного класса задач. И, если у ребенка внутри конкретной предметной области уже сформирована аналитическая функция, рефлексия, творческое мышление, у него формируется особое отношение к себе как успешному субъекту. У него появляется уверенность, что он справится с помощью усвоенных способов действия с решением той учебной задачи, которую перед ним поставит учитель. Главным является чувство «самости» – «я чувствую себя самостоятельным, самостоятельным, самореализованным» – и это создает основу позитивного самоотноше-

ния. Если учитель организует такую среду, где у ребенка начинает складываться успешность, успешность внутренняя, субъективная, относительно динамики собственных возможностей, у него, как следствие, изменяется самоотношение.

Напомним, что в ситуации учебной деятельности самым важным для группы в целом и конкретно для каждой личности является движение к результату по решению определенного класса задач и внутри этого групповое общение по поводу предметного содержания. С нашей точки зрения, учебная деятельность может влиять на самоотношение. Она дает способы достижения результата. Когда личность достигает результата, то выделяет себя как успешного относительно поставленной цели и ее выполнения. Критерием отличия самоотношения от самооценки в данном случае будет выступать автономное отношение личности к результату в процессе решения класса задач. Здесь важно отметить, что самооценка выступает в качестве ведущего фактора изменения самоотношения. Если учитель отмечает успехи ребенка, особенно публично, хвалит за старание, он держит высокую самооценку подростка и уже самооценка актуализирует мотив деятельности – «я должен освоить предмет, должен достичь результат». Самооценка может быть без предметного результата, может быть поддержана сверстниками или значимыми взрослыми на высоком уровне (например, похвала близкого родственника безотносительно каких бы то ни было достижений), но при смене ценностной системы, при необходимости достижения предметного результата, самооценка может потерпеть значительный крах (например, когда группа достигает

предметный результат, а личность - нет). Самоотношение, связанное с деятельностью, –основа для устойчивой самооценки. В этом случае и мотивация рождается не из вне, а самой деятельностью, достижением результата - ребенок осваивает способ действия, у него возникает мотивация к учению и он стремится добиваться успеха. Установление отношения к себе становится также личностно значимой деятельностью, если школьник имеет возможность в процессе ее выполнения удовлетворять свои актуальные потребности в признании значимыми взрослыми, в стремлении выглядеть примерным и утвердить себя в глазах взрослых (учителей, родителей). Последнее является одной из ведущих потребностей. Она должна удовлетворяться - при этом условии самоанализ будет желательным для учеников. Они становятся более восприимчивы к оценке учителем их качеств и можно ожидать появления готовности руководствоваться воспринятой информацией как "инструментом" самопознания.

Удовлетворение актуальных потребностей позволяет ученику оптимально включиться в процесс познания себя. Если же школьник будет вовлечен в продолжительный процесс познания себя и достигнет определенных результатов (хотя бы и под воздействием внешней мотивации), то наступит время, когда появится устойчивое желание разносторонне познать свой внутренний мир вне зависимости от внешней мотивации. Поэтому можно предполагать, что целенаправленное формирование потребности осознания себя и отношения к себе положительно скажется не только на изменении самоотношения к себе как к учени-

ку во время специально организованной учебной деятельности, но и на формировании личности ребенка в целом. В результате этих изменений может появиться стойкий интерес к произвольному анализу поведения: возникнув в экспериментальных условиях, он может распространиться на иные ситуации, перейти в привычку.

Удовлетворение актуальных потребностей позволяет ученику оптимально включиться в процесс познания себя. Если же школьник будет вовлечен в продолжительный процесс познания себя и достигнет определенных результатов (хотя бы и под воздействием внешней мотивации), то наступит время, когда появится устойчивое желание разносторонне познать свой внутренний мир вне зависимости от внешней мотивации. Поэтому можно предполагать, что целенаправленное формирование потребности осознания себя и отношения к себе положительно скажется не только на изменении самоотношения к себе как к ученику во время специально организованной учебной деятельности, но и на формировании личности ребенка в целом. В результате этих изменений может появиться стойкий интерес к произвольному анализу поведения: возникнув в экспериментальных условиях, он может распространиться на иные ситуации, перейти в привычку.

Исходя из всего вышесказанного, можно выделить направление, требующее эмпирического обоснования и экспериментального исследования. Так как учебная деятельность остается основной на протяжении всего подросткового возраста (пусть и не ведущей), занимающей основную часть жизненного

пространства ребенка, успешность в ее освоении, позитивное самоотношение личности к себе как к ученику определяет глобальное личностное самоотношение. И, наоборот, если у ребенка негативное самоотношение, сложившееся в семейной обстановке, в группе сверстников, в иной деятельности, а учебная деятельность даст ему возможность самореализоваться и изменить самоотношение к себе как к ученику, то его самоотношение к себе как к личности в целом улучшится, что повлечет за собой позитивные перемены в иных формах социальной жизни.

Выводы: большинство исследователей сходятся в том, что самоотношение не является ни следствием знания о себе, ни реакцией на определенные аспекты образа «Я». Как показывает анализ концепции В.В. Столина, С.Р. Пантилеева, и знание о себе, и самоотношение есть следствие одних и тех же общих причин, лежащих вне субъекта, в его деятельности. Отсюда, самоотношение может быть понято как лежащее на поверхности сознания, непосредственно-феноменологическое выражение (или представленность) личностного смысла «Я» для самого субъекта [4, 86 с.]

Понимание механизмов формирования социальных навыков и компетенций в процессе решения учебной задач, и, как следствие, изменение самоотношения учащегося, поможет педагогу выстраивать такую индивидуальную образовательную траекторию ребенка, которая в конечном итоге позволит воспитать социально-активного, ответственного человека, с высоким инновационным потенциалом, главная компетенция которого – умение учиться, стремление к позитив-

ным переменам и высокая личная ответственность за себя и свое окружение.

Понимание самоотношения как целостной личностной характеристики, обеспечивающей мотивацию поведения и деятельности, способствует полноценному развитию индивида, изменению его позиции в обществе. Построение жизненных перспектив - личностного и жизненного самоопределения - невозможно без обращения к личностному опыту, багажу накопленных знаний, впечатлений, опыту отношений. Сформированное позитивное самоотношение дает возможность человеку открыто воспринимать новый жизненный опыт, каждую новую предметную область как объект овладения субъектом, способствует осознанному и ответственному выбору в разнообразных жизненных ситуациях.

Список использованной литературы

1. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984. 104 с.
2. Данилин К. Е. Восприятие межличностных предпочтений в группе: Автореф. канд. дис. М., 1984, 117 с.
3. Золотнякова А. С. Взаимопонимание подростков в процессе создания групповой общности // Проблемы психологии личности и коллектива / Отв. ред. П.А. Просецкий М., 1979. С. 149—164.
4. Кургиян С.С. К вопросу о специфике процесса формирования отношения к себе (самоотношения) в подростковом возрасте [тезисы] // Психология наука будущего Материалы международной конференции молодых ученых «Психология — наука будущего», 1-2 ноября 2007 г, Москва / Под ред А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко - М Изд-во «Институт психологии РАН», 2007 - С 237-239
5. Кургиян С.С. К вопросу о сущности феномена «отношение к себе» (самоотноше-

ние) [статья] // Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей. Выпуск 26 / Под ред В.А. Сластенина, Е.А. Левановой -М МГТГУ - МОСПИ, 2006 - С 119-124

6. Педагогические основы формирования отношения личности к себе : самоотношение как педагогическая проблема / Емужева Н.Г.– Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2001. – 158 с.

7. Сибгатуллина О.Л. Социально-психологическая коррекция самоотношения личности: диссертация кандидата психологических наук: 19.00.05. - Ярославль, 2001. - 227 с.

8. Столин В.В. Самосознание личности – М.: Издательство МГУ, 1983. – 286 с.

9. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977, 144 с.

10. Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника. М., 1974. 416 с.

Козлов В.В. (Ярославль, Россия)

СМЕРТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

*Из моего окна звезды висят на ветках берез
И мне ненасытно хочется смотреть на это
И жить, жить, жить бесконечно*

Ничто так не привлекает человека так сильно и так сильно не пугает, как смерть, а проблема умирания и послесмертного существования предельно личностно значимо для каждого из живущих.

Это происходит не только потому, что рано или поздно всем нам придется покинуть этот мир и отправиться за грань земного существования, но и по причине обыденности и глубокой тайны смерти, с которой мы сталкиваемся ежедневно.

Обыденность смерти звучит достаточно необычно, но в год более 2 миллионов людей умирает только в России, из которых 70% процентов от болезни сердечно-сосудистой системы и рака, от самоубийства 60 000 человек в год (164 человека в день), автокатастрофы уносят 35.000 человек в год (95 человек в день), а пожары 18.000 человек в год (49 человек в день). Так то в каждую минуту в России умирает 4 человека и конечно это не происходит рядом с нами, но со смертью мы сталкиваемся ежедневно в кино, в разговорах, в средствах массовой информа-

ции, так как вести о смерти, особенно в больших количествах, являются почему-то наиболее привлекательными не только в СМИ, но и в бытовых разговорах.

Наверно у всех есть знакомые, которые как то по особому оживает только в те моменты, когда кто-то из знакомых умирает. И если он звонит, то уже понятно, что явно кто-то или из известных или не очень известных людей или знакомых из социального окружения ушел в мир иной.

Что касается тайны смерти, то она является настолько глубокой и затягивающей, что столкнувшись с ней на ранних возрастных стадиях, человек сталкивается с невозможностью для понимания и мышления всю последующую жизнь.

Тысячи бесед с другими людьми, анализ различных текстов и ритуалов, мифов и сказок, философских эссе и научных танатологических исследований, показывает глубину этой тайны, невозможность ее превозмочь умом и рациональностью.

3. Фрейд еще в 1919 году писал, что едва ли существует какая-либо иная об-

ласть, где мышление и наши чувства с незапамятных времен изменились столь мало, а древнее под тонкими покровами сохранилось так хорошо, как в нашем отношении к смерти.

Думаем, что ситуация за сто лет не изменилась.

Несмотря на интерес многих мыслящих жизнь к этой важной проблеме бытия, литература на русском языке, посвященная смерти, весьма малочисленна.

Причина не столько в том, что сама по себе проблематика смерти очень многопланова и многоуровневая. Отдельные же монографии и статьи чаще всего касаются отдельных аспектов и сторон этой таинственной сферы человеческих интересов.

Смерть всегда представлялась многогимнаивеличайшей тайной бытия.

В силу беспредельного своего любопытства автор статьи не только проанализировал множество книг и статей по этой теме, но и познакомился с самыми разнообразными ритуалами смерти и отправления обрядов сопровождения умирающих в мир иной.

Нельзя утверждать, что отношение к смерти является священным и возвышенным во всех культурах. В тех местах, где есть глубокое осознание факта тотальной связанности жизни и смерти, бытия и небытия, рождения и умирания, к смерти и погребению относятся не более сакрализованно, чем вспахиванию земли или уборке риса.

Не так уж много в жизни человека событий, имеющих столь огромное значение, как процесс умирания и смерть. Каждому приходится переживать кончину близких родственников и, наконец, столкнуться с фактом собственной бренности и биологической смертности.

Бесспорно, проблема смерти является всевозрастной. Тем не менее, именно для пожилых и престарелых она не представляется надуманной, преждевременной, трансформируясь в проблему естественной смерти. Для них вопрос об отношении к смерти переводится из подтекста в контекст самой жизни, наступает время, когда в пространстве индивидуального бытия начинает отчетливо звучать напряженный диалог между жизнью и смертью, осознается трагизм временности.

Актуализация танатологических размышлений обусловлена не только патологическими изменениями, ведущими к ухудшению здоровья и повышению вероятности смерти, но и особенностями образа жизни старого человека. К последним можно отнести определенную монументальность внутренней субъективности, дистанцированность от сиюминутных социальных раздражителей, существенное ослабление мотивов достижения успеха, комфорта, карьеры. Человек, освободившийся от всего тривиального и поверхностного, может сконцентрироваться на сфере глубинного и существенного. В нашей культуре люди только начинают осознавать, что есть нечто, постигаемое через контакты с престарелыми и умирающими.

Тем не менее, старение, смертельные болезни и умирание в европейской культуре воспринимаются не как составные части процесса жизни, а как полное поражение. Непонимание ограниченности наших возможностей управлять природой болезненно. С точки зрения философии прагматизма, подчеркивающей значение достижений и успеха, умирающий является потерпевшим поражение.

Отношение современной медицины к престарелым и умирающим определяется непреклонным стремлением всеми возможными способами побороть смерть и отсрочить ее наступление. В этой борьбе за механическое продление жизни любой ценой очень мало внимания обращается на то, каковы последние дни умирающего. Многих из них окружают капельницы, кислородные подушки, приборы контроля над важнейшими функциями организма. Часто медицинский персонал и члены семьи отвлекают от проблем, непосредственно связанных с ситуацией, обольщая больного несбыточными надеждами. Все это еще больше усиливает чувство изоляции и отчаяния, испытываемые умирающими, многие из которых инстинктивно ощущают окружающую их ложь.

Религия, способная быть значительной поддержкой для умирающего, в значительной степени утратила смысл для среднего человека. Западные религии низведены до уровня формализованных обрядов и утративших внутренний смысл церемоний. Взгляд на мир, выработанный наукой, базирующейся на материалистической философии, усиливает тяжесть положения умирающего. Ведь, согласно такому подходу, за пределами материального мира ничего не существует. Физическое уничтожение тела и мозга есть необратимый конец человеческой жизни.

Сейчас наша социальная структура, равно как и философия, религия и медицина почти ничего не могут предложить для облегчения душевных мук умирающего. Пожилые и престарелые люди, как правило, опасаются не самой смерти, а возможности лишиться всякого смыс-

ла чисто растительного существования, а также страданий и мучений, причиняемых болезнями. Можно констатировать наличие двух ведущих установок в их отношении к смерти: во-первых, нежелание обременять своих близких, во-вторых, стремление избежать мучительных страданий. Поэтому многие, находясь в подобном положении, переживают глубокий и всеохватывающий кризис, затрагивающий одновременно биологические, эмоциональные, философские и духовные стороны жизни. Однако психиатры, психологи, социальные работники, как ни удивительно, до недавнего времени не называли эту область в числе остро нуждающихся в квалифицированной помощи.

Непонимание проблем, связанных с отношением к смерти, эмоциональные барьеры и даже сам характер социальных и медицинских учреждений предопределяют невозможность для большинства членов нашего общества осознанно принимать участие в процессе кончины. Это равно относится к умирающим и к их друзьям и близким.

Волна профессионального интереса к практическим и теоретическим аспектам процесса умирания привела, в частности, к появлению научного труда Элизабет Кюблер-Росс «О смерти и умирании», выполненного на факультете психопатологии Университета Чикаго. В этом труде содержатся многочисленные доказательства того, как часто люди, находящиеся на смертном одре, остро нуждаются в искренних человеческих контактах и психотерапевтической помощи. Она подчеркнула важность открытого и честного общения с умирающими, готовность последних обсуждать любые психоло-

гически близкие им темы. В результате подобного подхода они могут научить остающихся в живых важным вещам, относящимся не только к заключительным фазам жизни, но и проблемам работы человеческого сознания, а также к некоторым редким аспектам нашего существования вообще. Кроме того, данный процесс обогатит его участников и, возможно, снизит уровень их тревоги относительно собственной смерти.

В связи с этим важным представляется осмысление социально-психологических механизмов адаптации человека к феномену смерти.

Речь идет и о системе психологической защиты, определенных моделях символического бессмертия, и о социальной апробации смерти – культе предков, поминальных обрядах, похоронных и мемориальных службах и о просветительских программах пропедевтического характера, в которых феномен смерти становится темой раздумий и духовных поисков.

Культура сопереживания смерти другого человека выступает неотъемлемой составляющей общей культуры, как личности, так и общества в целом. При этом важно понимать, что отношение к смерти служит эталоном, индикатором нравственного состояния общества, его цивилизованности. Важно создать не только условия для поддержания нормальной физиологической жизнеспособности, но и предпосылки для оптимальной жизнедеятельности, удовлетворить потребность пожилых и престарелых людей в знаниях, культуре, искусстве, литературе, часто выходящих за пределы досягаемости для старших поколений

На наш взгляд, полноценное становление личности предполагает осмысление

смерти и принятие ее реальности в развитии на протяжении жизни.

Проблема состоит в том, чтобы переосмыслить столь фундаментальную тему, как смерть. Конечность человеческого существования неотвратно ставит вопрос о смысле земного удела, о предназначении жизни, о смысле и сути бытия человека. Несомненно, проблема смерти относится к числу основных, затрагивает предельные основания человеческого бытия.

Даже не вовлекаясь в процесс духовного поиска и самосовершенствования, мы, так или иначе, задумываемся о таких вещах, как смысл человеческого существования, смерть и возможность посмертного существования, обращаемся к категориям фундаментальных законов бытия и трансцендентным измерениям. Смерть является предельным вызовом и она ставит человека в уникальные условия и предлагает проблему духовного содержания, которую человек должен решить, чтобы развиваться дальше.

Смерть нельзя «переступить», или как-то избежать ее дыхание в процессе развития человека. Сложен и могуч вызов смерти для человека и кажется, что нет разрешения этому вопросу. Многие лишь встретившись с этим глубинным фундаментальным вызовом, не выдерживают тяжести и давления, и пытаются убежать, и спрятаться в своем прежнем автоматизированном мышлении и поведении, которое диктует общество, пытаюсь вернуть себе прежнее спокойствие и устойчивость. Но это уже не удастся. Трусость и бегство не помогают в этой ситуации. Этот предельный вопрос существования человека время от времени вновь заполняют сознание человека, вы-

зывая беспокойство, тревожность, неудовлетворенность своей жизнью, апатию, депрессию и другие негативные чувства.

В ситуации вызова смерти само существование человека представляется для него большой проблемой. Человек видит, что жизнь его состоит из двух точек: момента рождения и момента смерти, и не он определяет эти точки. Между ними проходит линия жизни и эта линия тоже загадка для человека. Как и зачем он должен ее пройти? В чем смысл его существования? Что он должен сделать и нужно ли что-либо делать, ведь конец один – смерть и уничтожение. Осознавая себя и свою жизнь, человек понимает свою ограниченность и неопределенность своего существования. Все эти и другие вопросы человек должен решить для себя сам. Он должен давать себе отчет о самом себе и о смысле своего существования. Но основная экзистенциальная проблема, встающая перед человеком, это проблема жизни и смерти.

Каждый человек смертен. И он отличается от животного осознанием своей смертности, конечности своего существования. Смерть является противоположностью жизни и человек сталкивается с проблемой этой противоположности. Человек осознает факт своей неизбежной смерти, и само осознание глубоко влияет на его жизнь. Именно это ощущение и заставляет появиться в поле человеческого осознания различных экзистенциальных вопросов.

Духовный кризис, который часто называется смертью, это «сумерки Богов», «вечер души», когда есть невнятное понимание основных смыслов существования и неясное видение базовых ценностей, потеря добродетели, который может

закончиться новым рассветом, возрождением или же, нескончаемой ночью, духовной смертью. Это зависит от конкретных решений этих вопросов. Хотя есть и еще выход – попытаться забыть и не замечать эти вопросы, но такое решение останавливает развитие и не дает перешагнуть через определенный рубеж.

Проблема смерти становится все острее с возрастом, когда многие, с кем ты жил, уже умерли: бабушки и дедушки, родители, старшие друзья, знакомые, родственники - племянники и племянницы, дяди и тети...

И приходит время, когда ты осознаешь важный факт – все ушли кто старше - перед тобой открыты врата смерти и ты первый в очереди.

Из существующих четырех основных экзистенциальных проблем, связанных с так называемыми «конечными данностями»: смерть, свобода, одиночество, бессмысленность, смерть (и страх смерти как неизбежно вытекающее переживание, чувство) является самой осознаваемой конечной данностью. Основной экзистенциальный конфликт любого человека – это противостояние между сознанием неизбежности смерти и желанием продолжать жить.

Но этот конфликт не является вечным спутником человека, так как человек приходит в мир и уходит из мира с ощущением своего бессмертия.

Личное бессмертие

Проблема конечности человеческого существования не задевает личность даже на первой стадии формирования характера (первые три года жизни), она приходит гораздо позднее.

Люди, как ни странно это звучит, рождаются бессмертными. Более того, если

личность нормально развивается и нормально проходит стадию инволюции, то и уходит из жизни человек с идеей бессмертия.

Мы приходим из бессмертия и уходим в бессмертие.

Но у нас есть отрезок жизни, когда мы рожаем и проблематизируем смысл жизни через оппозицию к нашей смертности. Именно эта оппозиция, бинарность жизни и смерти, приводит человека к чувству абсурда бытия: раз ты умрешь, какой смысл жить?

Раз все исчезает, какой смысл творить?

Какой смысл в отношениях, если они обречены на смерть?

Эта бинарность – Космос Жизни и Хаос Смерти; реальность Жизни и сакральность Смерти – эта оппозиция реальности возникновения и тайны исчезновения зачастую лишает человека смысла жизни.

Смерть и идея смертности не все время сопровождают человеческую жизнь. Смертность и тварность человек переживает только тогда, когда чувствует боль, переживает кризис, непостоянство, болезнь, старость. В других ситуациях человек наполнен витальным оптимизмом, он не задумывается над своей смертностью.

Появившись бессмертным, во многих смыслах ребенок проживает бессмертным вечно, бессмертие в вечном бытии, потому что от рождения до раннего пубертата идея бессмертия является инвариантной, бессмертие воспринимается как данность жизни. Психологические механизмы того, почему ребенок считает себя бессмертным, объяснимы. От зачатия до формирования личности, формирования самосознания в эволюционном

отношении проходят миллионы и миллионы лет.

У человека в детстве существует другое, качественно другое, чем у взрослого, субъективное переживание времени. Базовая особенность этого субъективного переживания времени – пребывание сознания в вечности. Время воспринимается как бесконечная длительность, поэтому детское сознание чувствует свою самость существующей в бесконечном времени, а это и есть то, что называется бессмертием. Что касается рождения и детства, то переживание своего бессмертия является основой бытия и во многих отношениях это продолжается вечно в субъективном восприятии времени.

Дело не только в том, что от зачатия до возникновения самосознания проходит филогенетическая “вечность”, хотя и это является мощной основой бессмертия телесного сознания, которое является ядром индивидуального мироощущения ребенка. Раннее детство также связано с особым восприятием и оценкой времени, когда малые промежутки времени (час, сутки, неделя) воспринимается по масштабам как месяцы и годы, а годы соизмеримы столетиями.

Дети во многих смыслах приходят в индивидуальное личностное существование “из вечного бытия” и для них быть бессмертным является более реальным, чем смертным и тварным.

Нельзя сказать, что жизнь не пытается сокрушить это внутреннее состояние бессмертия. Безусловно, ребенок сталкивается со смертью, например, со смертью животных, со смертью птиц, со смертью насекомых, иногда даже экспериментирует со смертью. Порою сталкивается

со смертью родственников. Но у ребенка есть уверенность, что подобное хотя и может случиться с другими, но с ним никогда. И, если дети до 2-х лет даже не мыслят смерть как нечто чуждое их природе и у них нет никакого представления о смерти, то между 2-мя и 6-тью годами у них развивается представление о том, что умирают не навсегда (сон, временное явление, смерть как отъезд, уход в другое место с явной возможностью возвратиться обратно).

К пяти – семи годам в сознании ребенка формируется магия персонификации смерти. Он понимает, что смерть существует, считает что, например, приведение является посланником смерти, поэтому приведенный ребенок боится. Ребенок боится ночных кошмаров, потому что это тоже воспринимается как послание смерти, чего-то чрезвычайно чуждого и чуждого его существованию, его самости, живущей в вечности.

Логика инфантильного бессмертия остается безупречной даже при ярком эмпирическом осознании своей смертности (конечности) в 6-7 лет, когда ребенок, как правило, впервые сталкивается с понятием «смерть», но не переносит это понятие на себя самого: люди и животные могут умирать, но я не умру. Это странное и наивное и могущественное «Все умирают, но я не умру», лежит в основе исключительной полноценности ребенка.

Эта персонификация смерти позволяет ребенку не связывать ее с собой вплоть до раннего пубертата, до возникновения самосознания близкого к взрослому, когда ребенок уже может отождествить себя с взрослым человеком, со взрослыми фенотипическими качествами, внешними

взрослыми показателями, т.е. до тех пор, пока мальчик не увидит себя мужчиной, а девочка не почувствует себя женщиной. К этому раннему пубертату человек уже начинает взаимодействовать с энергией смерти. В какой-то момент, с пяти – семи и до десяти – одиннадцати лет, ребенку кажется, что хотя смерть есть, но от смерти можно скрыться, ее можно обхитрить, ее можно победить, отпугнуть какими-то сакральными действиями, т.е. в его понимании существует некая тактика, техника взаимодействия с этой силой.

Эта инфантильная магия с персоной Смерти сокрушается в период пубертата. Хотя, надо заметить, что все-таки есть люди, которые взрослеют, стареют и даже умирают, сохраняя это удивительное чувство, что со смертью можно справиться. Существуют целые направления не только в восточных духовных традициях, но и в западных, в которых возможно бессмертие человека, в том числе бессмертие в теле. Внутри этих направлений всегда существует магия взаимодействия с персонифицированной энергией смерти. Однако люди, которые на всю жизнь застревают в магии бессмертия, достаточно редки. В среднестатистической норме человек в раннем пубертате начинает воспринимать себя смертным, принимает идею своей смертности.

Устами младенца говорит истина, которую никак не может уже принять взрослый – я бессмертен и свободен прямо сейчас.

В ранние школьные годы дети относятся к смерти как к чему-то внешнему: они персонифицируют ее либо с определенным лицом (например, с крестом в поле, приведением, с местом, где умер человек), либо идентифицируют с покой-

ником, но при этом дети в этом возрасте считают собственную смерть маловероятной и так то невозможной – другие умирают, но это меня не касается, все могут умереть, но не я...

К концу своего бессмертия ребенок думает перебороть смерть, что разум, умение и ловкость позволят им ее избежать, испугать, ударить ее, обойти или спрятаться от нее, так как она может быть персонифицирована.

Личностная инициация в Смерть, когда она становится реальной и окончательной достоверностью для самосознания, происходит к раннему пубертату. И в это время происходит инициация ребенка в мир взрослости, и в том числе присоединение к концепции взрослых о смерти.

Для справедливости следует отметить, что подростки в большей степени, чем взрослые, склонны верить в бессмертие души. Наверно это связано в основном с тем, что они недавно были бессмертными сами.

Смертные

В пике пубертатного кризиса (13-14 лет) возникает новый этап осознания смерти: «Все люди умирают, и я могу умереть». Именно в этот возрастной период собственная смертность становится для человека очевидной - бессмертное существо становится смертной и тварной и, на наш взгляд, это основная трагедия подросткового возраста.

Я уверен, что именно инициация в смерть делает самосознание взрослым по содержанию.

Мы становимся взрослыми, когда приобретаем дар смертности.

Инициация в смерть в подростковом возрасте проходит катастрофично. Самая

большая травма, которую человек переживает, это не травма отрыва от матери, это травма смертности, травма открытия завесы Смерти, понимание того, что все люди умирают и я тоже умру. Здесь есть стремительный разворот сознания, и в нем возможна активация предельного Космоса в человеке, предельная активация его созидательных сил, Эроса человеческого сознания. Идея смертности может стать порывом к личностному становлению, взрывом человеческой творческой, созидательной активности. Я солидарен с выдающимся философом М. Хайдеггером, который писал: "Смерть вызывает тревогу, потому что затрагивает самую суть нашего бытия. Но благодаря этому происходит глубинное осознание себя. Смерть делает нас личностями". Смерть делает нас людьми. Смертность придает особый вкус самой жизни, углубляет его переживание, повышает ее ценность и осмысленность.

Духовный кризис инициации в смерть в подростковом возрасте имеет много векторов развития. Одной из крайностей может быть позитивная интеграция – торжество творческой энергии сознания: человек хочет управлять, контролировать и осмысливать жизнь, он строит планы своей жизни. Можно с уверенностью сказать, что те базовые планы, которые были заложены подростком на этом этапе, в которые была вложена энергия Эроса сознания, выступают затем базовым лейтмотивом его жизни. Соприкосновение со смертью может пробудить ту силу, ту жизненную энергию сознания, которая способна породить базовые смыслы, распаковывающиеся в течение всей последующей жизни сознанием человека. В своей отчужденности под-

росток осмысливает вечные вопросы духовного измерения: любовь, смысл существования человечества, смерть, творчество, свобода, одиночество, красота, благо... Это время подростково-философской интоксикации человека, когда умом владеют масштабные общебытийные проблемы. В это время структурируется то, над чем дальше будет думать человек, что будет занимать его ум, о чем будет болеть и радоваться сердце. Но в будущем, эти проблемы могут разворачиваться по-разному, кто-то пойдет за движениями своей души, кто-то, наоборот, оставит прежние интересы.

Первая попытка обнаружения в самосознании своей миссии происходит при активации Эроса сознания при столкновении с Танатосом, с энергией Смерти. Как звезда взрывается в холодном космосе бытия, так и столкновение человека с энергией темноты, с тайной смерти приводит к взрыву самосознания, к становлению Космоса человеческого сознания, к буйству Эроса сознания, в этой вспышке обнаруживается коан человеческой жизни, коан, которым будет заниматься индивидуальное человеческое сознание в этом бытии, в этом существовании.

Ситуация позитивной интеграции кризиса смертности формирует демиургово качество человеческого сознания. Позитивная интеграция является предзаложенной жизненной формой, из которой рождаются не только лейтмотивы проблем, занимающих человека в течение его взрослой жизни, но и местом, где рождается Поэт, где рождается Философ, где рождается Художник, где рождается Маг, ищущий Истину, местом, где начинается путь Героя. Само разворачивание позитивной интеграции в раннем пубертате

является не только точкой активности самосознания, но и вектором развития позитивного, эвристического, творческого начала личности. Предпосылка самоактуализирующейся личности лежит в позитивном, интегрирующем разрешении инициации в Смерть, в конструктивной победе Эроса над Танатосом.

Самое удивительное в этой инициации в том, что она закладывает важные стратегии того, каким образом личность будет решать важные проблемы, которые очень трудно превозмочь.

Вторая крайность, которая может возникнуть при проживании кризиса смертности – это гедонизм. Человек решает, что раз он умрет, то надо хотя бы насладиться жизнью, и юная личность бросается в свободное плаванье за утехами жизни. Для многих людей эта стратегия тоже становится лейтмотивом жизни. В чем находит человек наслаждение жизнью: то ли в безделье, то ли в сексе, то ли в вине, то ли в наркотиках, или в чем-то другом – не так уж важно. Значимо то, что человек представляет жизнь как чашу, из которой можно пить нектар наслаждения, но этот нектар пьется лишь определенное время, а потом чаша опустошается и человек умирает. Гедонистическая установка отличается в подростковом возрасте тем, что гедонизм, так же как смерть, находится за пределами добра и зла. В этом гедонистическом максимализме есть предельная витальность и предельная отдача энергии наслаждения, тотальность человека, который обнаруживает себя перед лицом смерти.

Безусловно, есть и другие стратегии разрешения подросткового кризиса, часто в них угадываются установки первых

двух. Случается, что личность выбирает медленную смерть. Например, наркотики или алкоголь – это частность суицидальных намерений человека, но в то же время эта стратегия увязана с гедонистическими установками.

Конечно, как выход из кризиса смертности возможна так же смерть Эго – человек уходит в социальное дно, становится бомжом, проституткой и т.п. Дети убегают из дома и уходят на дно, часто в буквальном смысле – они живут в подвалах, под мостами. . . ., т.е. происходит социальная смерть.

Возможно расщепление личности, ведь не случайно шизофрения называлась раньше *Dementia praecox* – раннее слабоумие. Возможно, то, что сознание и личность расщепляются, и является способом разрешения подросткового кризиса, человеческое сознание убегает от своей смертности в какие-то другие смыслы и содержания.

Однако самым тотальным способом разрешения пубертатного кризиса инициации является суицид – раз двери Смерти открыты, то незачем ждать... Что касается ситуации суицида, надо понимать, что человека никогда не гложет смерть, человека гложет страх, страх смерти, страх уничтожения, страх тайны смерти. Ничего более тайного, чем смерть в нашей жизни нет. В пубертате есть максимализм, который делает этот страх чудовищем, пожирающим энергию жизни. И хотя энергия жизни огромна, глаза подростка во всем видят смерть, во всем для него звучит шепот смерти. Закат, падающий лист, осень с поникшей травой, затухающий костер – все шепчет о смерти, пока этот шепот не сольется и не станет громом смерти, когда подросток понима-

ет тотально, что кроме смерти ничего и нет. И тогда страх смерти съедает его витальность, его энергию.

Следует заметить, что хотя пубертате есть возможность и позитивной интеграции, и полной деструктивной дезинтеграции, крайние взмахи редки. Все возможное многообразие способов разрешения данного кризиса лежит между этими двумя крайностями.

Конечно, на наш взгляд, самая лучшая версия разрешения подросткового кризиса – это не только смирение перед смертью, не только принятие своей смертности, но и активация сознания.

Дальнейшего развития отношения к Смерти у личности может и не случиться. Будучи однажды иницированным в Смерть, человек в основном придерживается в дальнейшем той стратегии, которую он выбрал на этапе разрешения пубертатного кризиса.

Вне сомнения, свою смертность мы можем осознавать и в более ранний период жизни.

Если в старшем подростковом возрасте и в юности, и даже в первых порах взрослости в человеке есть инфантильное чувство по отношению к смерти «Не скоро, не со мной» и даже смерть сверстников и людей помладше никак не могут поколебать эту уверенность

У врат

Единственная ситуация, когда возможен еще один разворот переживания отношения к смерти, – это кризис середины жизни, который трудно обозначить каким-то возрастным периодом, хотя многие считают что это период с 45 до 55 лет. Некоторые называют этот период кризисом второй половины жизни.

На мой взгляд, границы этого возраста определяются смертью родителей и старшего поколения.

Они открывают нам врата смерти и мы «становимся первыми в очереди», когда эта данность все ближе.

Смерть родителей открывает новый этап осознания своей конечности: «Все люди умирают, и я скоро умру».

В психологии очень по-разному обозначают возрастные рубежи этого кризиса. Например, считается, что в сорок лет наступает юнгианский кризис середины жизни, некоторые утверждают, что кризис середины жизни разворачивается в период от сорока до пятидесяти пяти лет, некоторые считают началом верхней возрастной границы кризиса тридцать пять лет. Мы уверены, что кризис середины жизни – это не возраст. В некотором смысле этот кризис может приходиться даже не на середину жизни, а может быть ее концом. Кризис середины жизни – это внутренний психологический разворот. На наш взгляд, он наступает тогда, когда умирает старшее поколение, умирают родители. Именно смерть родителей (или референтных, значимых людей, которые находились на месте родителей) делает следующую тотальную инициацию в смерть. Именно в этой инициации открываются врата Смерти.

Если люди в подростковый, юношеский возраст существуют той логике, что смерть хотя и реальна, но она еще очень и очень далека, мы еще проживем, то в кризисе середины жизни смерть всегда рождает иную логику: все умирают и я умру скоро, я первый в очереди. В этой ситуации есть особые стратегии ухода от инициации в смерть или же ухода от ее остроты и сокрушающей силы.

Первая возможность – это замещение родителей другими референтными, значимыми лицами. Как правило, таковыми становятся люди старшего поколения, которые могут заместить родителей по психологической значимости. Это может быть, например, школьный учитель, научный руководитель, руководитель с работы, старший друг или подруга и т.д. В некотором смысле, человек находит другого, который прикрывает дверь Смерти, дает понять, что еще есть люди в очереди. Эти лица отвечают не просто внутренним психологическим механизмом, они спасают от тотального страха смерти. У многих людей отношение к тем, кто замещает родителей, прикрывает дверь, становится еще более трепетным и внимательным, чем отношение к собственным родителям. И это психологически правильный и здоровый способ интеграции страха смерти, неизбежности смерти и тотальной остроты страха смерти. Конечно, из нашего сознания нам бы хотелось, чтобы наши родители жили вечно, и врата Смерти никогда не открылись бы.

Другие способы избегания страха смерти во многом повторяют реакции, которые мы описывали для подросткового кризиса.

Возможен уход в гедонизм – человек, понимая, что скоро умрет, начинает жадно глотать нектар жизни: развлечения, секс, алкоголь, наркотики, жажда новых впечатлений и ощущений... Здесь мотивационные установки те же самые, что и у подростка, но они не обладают той тотальностью и энергией, и, может быть, той искренностью, которая существует в подростковом возрасте.

Конечно, встречается и суицид, есть и риск безумия, и риск уйти на социальное дно.

Смысл позитивной интеграции в этом кризисе заключается в том, чтобы, в конце концов, принять вызов смертности, принять то, что двери открыты, и, приняв это, тотально заниматься своей миссией, своим коаном, который человек, может быть, получил уже в подростковом возрасте. Человек может в любом возрасте, на самом деле, стать творцом, когда открывается дверь Смерти.

Есть и другие версии интеграции, которые также психологически оправданы. Человек может уйти на поколение раньше, вступив в брак с партнером моложе, и тем самым перешагнуть в возраст, где еще до смерти далеко, потому что еще раз открывается стадия Космоса Жизни со своими ценностями и заботами.

Могут, например, возрождаться школьные или студенческие тусовки, и люди чувствуют себя в том времени, встречаясь и проводя время вместе.

В некоторых случаях, сталкиваясь с кризисом смертности, человек полностью меняет образ жизни и начинает беречь здоровье, бросает вредные привычки, занимается спортом, следит за питанием и пр.

Часто люди в этом кризисе обретают веру, уходят в религиозные институты, иницируются в ту систему ценностей, где есть бессмертие души или сознания.

Эти психологические развороты кризиса середины жизни являются тотальными и последними, каких-то существенных и сравнимых по силе новообразований в осмыслении и понимании смерти больше у человека не возникает. Реакции, которые существуют в отноше-

нии к страху смерти в дальнейшем, не отличаются новизной от реакций, возникших на этом этапе.

Конечно, есть еще кризисы старения и умирания, но сформированные во время криза пубертата или середины жизни установки и стратегии отношения к смерти являются матричными для всех последующих кризисов смерти. Безусловно, возможно изменение стратегий, но в большинстве случаев подобное маловероятно.

Таким образом, что смысл жизни является духовным лейтмотивом человеческого существования, что страх смерти, амбивалентность энергии смерти, любопытство к смерти и смысл смерти тоже сопровождают человека всю жизнь.

Острота этой потери и глубина последней инициации в смерть наверно зависит от духовной связи, которую имеешь с родителями.

У мужчин это как правило бывает с отцом. Именно эта потеря для мужчины может стать самой катастрофичной из всех, которые он испытывал в жизни.

Потеря отца часто приводит к душевному опустошению, смерть начинает казаться безупречной истиной, а жизнь глупостью и ложью

В этот момент человек может приобрести очи смерти и каждый взгляд, встреча, чувство, проверяется этим взглядом, взглядом оттуда.

И часто во время этого кризиса потори и острого горя ничто не выдерживает проверки и все превращается в большой абсурд.

И в этой ситуации не так важно, кто ты – профессор или токарь. Рядом со смертью звания и должности кажутся еще большей глупостью, а претензии на

ум и значимость пустым фиглярством.

На сцене, где играет смерть, нет больше ни одной значимой фигуры.

И когда человек увидит все живое мертвым, а все значимое потерявшим смысл, наступает самое худшее, что может сотвориться с человеком – потеря смысла жизни и затем...

Затем наступает долгая депрессия, от которой можно спастись неимоверными усилиями духа, отпуская потерю и приобретая память как замену.

Смерть как любовь – за пределами добра и зла

И наше сознание наго перед лицом смерти

Без всяких одежек

Литература

1. Боулби, Дж. Страх / Дж. Боулби. – <http://www.rlonline.ru/articles/148/?60.html><05.11.2008>.

2. Волкан, В. Жизнь после утраты : Психология горевания / В. Волкан, Э. Зинтл : пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 2007. – 160 с.

3. Гнездилов, А.В. Психология и психотерапия потерь : пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой / А.В. Гнездилов. – СПб. : Речь, 2002. – 162 с.

4. Гроф, С. Человек перед лицом смерти / С. Гроф, Д. Галефеж. – М. : ИНИОНРАН, 1995. – 300 с.

5. Грэм, Б. Тайна жизни и смерти / Б. Грэм. : пер. с англ. – М. : Изд-во «Паломник», 1992. – 240 с.

6. Гуревич, П.С. О жизни и смерти. Жизнь земная и последующая. Сборник / П.С. Гуревич. – М., 1991. – С. 401-411 : http://pagesofpain.narod.ru/pd_2_lifedeath.htm.<08.02.2009>

7. Йеротич, В. Психологическое и религиозное бытие человека : пер. с серб. / В. Йеротич. – М. : ББИ св. Ап. Андрея, 2004. –

210 с.

8. Карандашев, В.Н. Жизнь без страха смерти / В.Н. Карандашев. –

3-е изд. – М. : Смысл; СПб. : Питер, 2005. – 336 с.

9. Козлов, В.В. Работа с кризисной личностью : методическое пособие / В.В. Козлов. – 2-е изд., доп. – М. : Психотерапия, 2007. – 336 с.

10. Лаврин, А.П. Что такое смерть. Хроники Харона / А.П. Лаврин: <http://www.aquarun.ru/psih/smert/smert3.html><04.07.2014>.

11. Моуди, Р. Жизнь после смерти. Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела : пер. с англ / Р. Моуди. – М. : Путь, 2000. – 95 с.

12. Мэй, Р. Открытие бытия: очерки экзистенциальной психологии / Р. Мэй. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2004. – 104 с.

13. Налчаджян, А.А. Загадка смерти. Очерки психологической танатологии / А.А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2004. – 224 с.

14. Проблемы смерти и бессмертия: <http://www.ronl.ru/filosofiya/10639.htm><02.11.09>.

15. Пэрриш-Хара, К.У. Смерть и умирание: новый взгляд на проблему : пер. с англ. / К.У. Пэрриш-Хара. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2003. – 224 с.

16. Смерть и жизнь после смерти в мировых религиях / сост. Дж. Ньюзнер. – М. : Библейско-Богословский Ин-т св. Ап. Андрея, 2003. – 223 с.

17. Традиции смерти : <http://www.lossofsoul.com/DEATH/ritual.htm>.<25.01.2008>.

18. Франкл, В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия : пер. с англ. / В. Франкл. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2009. – 105 с.

19. Хайдеггер, М. Вечное возвращение равного: лекции 1923-1944 гг. / М. Хайдеггер : <http://nietzsche.ru/look/hadegger.shtml>.<30.03.2009>.

20. Хуземан, Ф. Об образе и смысле смерти : пер. с нем. / Ф. Хуземан. – М. : Энигма, 1997. – 144 с.
21. Ялом, И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти : пер. с англ. / И. Ялом. – М. : Эксмо, 2009. – 352 с.
22. Jung, C.G. The Soul and Death, in the structure and dynamics of the psyche / C.G. Jung. – London : Routledge, 1935.
23. Kastenbaum, R. The Psychology of Death / R. Kastenbaum. – Free Association Books, 2000.
24. Kübler-Ross, E. Rozmowy o śmierci i umieraniu. – tłum.z ang / E. Kübler-Ross. – Poznań : Media Rodzina, 1998. – 276 s.
25. Kübler-Ross, E. Życiodajna śmierć. O życiu, śmierci i życiu po śmierci. – tłum.z ang / E. Kübler-Ross. – Poznań : Księgarnia św. Wojciecha, 1998. – 138s.

Кукина М.В. (Иркутск, Россия)

МОББИНГ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Аннотация. Производительность работы в организации и самореализация его членов, напрямую зависит от отношений между её членами. В настоящее время моббинг – эмоциональное насилие и психический террор на месте работы, становится довольно распространенным. Моббинг приводит к увольнению по собственному желанию работника или против него, снижению производительности труда, развитию серьезных психосоматических заболеваний и даже доведению до суицида жертвы моббинга. Руководство организации играет важнейшую роль в предотвращении этого явления. Если настаивать на соблюдении правил хорошего тона, вежливом обращении, высоких нравственных нормах на рабочих местах и создавать атмосферу заботы о сотрудниках, то появление моббинга можно предотвратить.

Ключевые слова: психический террор, эмоциональное насилие, психосоматические заболевания, партнёрские отношения, производительность работы.

Staff mobbing.

Work productivity of staff and self-actualization of its members depend directly on relations within a team. Presently, mobbing - emotional abuse and psychological terror at a work place are quite a widespread phenomenon. Mobbing leads to voluntary resignation of a job or dismissal against the will of an employee, decrease of work productivity of the whole staff, expansion of psychosomatic diseases, and even incitement to suicide of a mobbing victim. The company management plays the most important part to prevent this phenomenon. Mobbing may be prevented in companies where compliance with the rules of common courtesy is recommended along with courteous treatment, morality and atmosphere of employees welfare.

Key words: psychological terror, emotional abuse, psychosomatic disease, partnership relations, work productivity.

Выстраивая отношения на рабочем месте, мы ожидаем от наших коллег взаимопонимания, уважения, поддержки, заботы о другом человеке. Забота – это принятие другого, как второе «я», как

партнера, который вместе со мной решает и действует в процессе работы. Партнерство между коллегами зависит от качества их взаимной межличностной коммуникации. Следует признаться, что

такие идеальные отношения встречаются довольно редко. Нельзя не заметить, что антипартнерские отношения чаще всего встречаются в тех организациях, где сотрудники пребывают вместе в течение длительного времени, а так же там, где деятельность направлена на получение прибыли с использованием системы штрафов. Анализ, который проводился в последнее время в США и Европе, заставляет задуматься. Например, в Северной Америке из 11 млн. работающих в частных и государственных медицинских учреждениях 100 тыс. подвергаются моббингу. Каждый год 35 врачей из 10 тыс. совершает самоубийство, в Австрии и Германии почти 8% сотрудников больниц подвергается психическому террору на работе. В связи с этим можно спросить: будут ли силы у врача, учителя, лаборанта, медицинской сестры, ощущающих к себе такое отношение, и имеющих проблемы с собственным здоровьем, заботиться о детях или пациентах?

Психический террор не является новостью в современном обществе, систематический анализ этого был начат в 80-х годах скандинавским психиатром и психосоциологом Ханцом Лейманом (Hanza Leimana). Он заметил, что в некоторых фирмах существует психическое терроризирование, назвал это явление моббингом (mob (англ.) – толпа). Под моббингом понимаем любое патологическое действие на месте работы или в связи с работой. Основывается оно на ненавистном и незтичном беспокойстве одного или нескольких человек руководителем или кем-нибудь из сотрудников. Повторение этого нарушает достоинство личности и психофизическую интегральность жерт-

вы, человека. Это небезопасно для профессионального будущего и, конечно же, портит добрую атмосферу на работе.

Моббинг определяют 3 фактора:

1) с моббингом встречаемся там, где сотрудники пребывают вместе в течение длительного времени. Это могут быть больницы, школы, учебные заведения и подобные им организации.

2) моббинг – это частое беспокойство жертвы. Специалисты по моббингу утверждают, такое мучение можно назвать психическим терроризмом, если оно продолжается самое малое полгода. Если подобное издевательство продолжается несколько недель, то речь идет о моббинговании.

3) моббинг определяют так же особые действия, а именно, соответствующие жесты, слова, поведение или позиция. Моббинг не творят организации, его творят люди, они являются исполнителями главных ролей во всем процессе психического террора, а сам моббинг, как театральная постановка, имеет своих исполнителей и зрителей, с той только разницей, что все происходит вживую.

Беря во внимание позицию человека, который начинает моббингование, можно выделить 4 вида моббинга:

1. моббинг горизонтальный, агрессором является сотрудник или сотрудник на работе;

2. моббинг вертикальный, нисходящий, агрессором является начальник по отношению к подчиненным или подчиненному;

3. моббинг вертикальный восходящий, группа подчиненных терроризирует своего начальника;

4. чаще всего встречаемся со смешанным моббингом, психический террор

проявляется и со стороны равных коллег, и со стороны начальника;

Психический террор подразумевает существование двух главных героев – агрессора, которого специалисты называют моббер и жертвы. Немаловажную роль играют зрители – окружение, коллеги по работе.

Моббер или инициатор террора, имеет соответствующие черты. С одной стороны, это человек с сильными нарциссическими склонностями, с другой – имеет сильные психопатично-перверсийные черты. Сочетание этих двух склонностей, усиленное постоянными защитными механизмами делает возможным, что в определенном моменте появляется личность с перверсийно-нарциссическими и нарциссично-психопатическими склонностями. Такой человек не живет полной жизнью, потому, в глубине сердца такие люди неспокойны, несчастлив и каждый из их окружения. Тот, кто имеет успехи, кому хорошо, с одной стороны являются для них опасностью, с другой – дают понять их жизненное фиаско. Для улучшения самочувствия люди с перверсийно-нарциссическими склонностями будут таких уничтожать, сравнивать с землей. Унижение и уничтожение для них является способом функционирования в группе, и такое извращенное поведение будет давать им чувство безопасности. Перверсийный нарцисс не чувствует никаких угрызений совести, более того, он считает, что его жертва заслуживает такое обращение.

А этой жертвой может стать каждый, здесь не идет речь только о личностях особо чувствительных или слабых психически. Обычно жертвами таких издевательств являются люди с сильной

индивидуальностью, добросовестные, высокообразованные, особенно талантливые и компетентные. Исследования показывают, что существуют определенные черты, характеризующие психологический образ жертвы моббинга. Достаточно, чтобы жертва имела иное мировоззрение, другую точку зрения, чем ее начальник, представляла иные религиозные убеждения. Жертвами террора на работе становятся люди в возрасте 35-46 лет. Обычно это стажеры, молодые специалисты, ассистенты, медсестры. Очень часто преследуются люди в предпенсионном возрасте, от которых фирма или учреждение хочет избавиться, ибо такой человек многого стоит, но ему ничего нельзя поставить в вину. Кроме этого, моббингу могут быть подвержены незамужние женщины, одинокие люди, вдовы и матери-одиночки. Между агрессором и жертвой могут быть другие сотрудники, но это немые участники этой драмы, которые вначале не понимают что происходит, а потом, когда ориентируются, то сами боятся занять место жертвы.

Первые действия со стороны моббера могут иметь разные формы, но служат они одной цели – уничтожению жертвы. Психические мучения могут продолжаться насколько лет, проходя разные фазы. Но прежде, чем появится моббинг, есть своя предыстория, а она заключается в плохой атмосфере на работе. А это, в свою очередь, является плодом неправильного управления учреждением образования или здравоохранения. Плохая организация работы – это, во-первых, закоренелая, сильно иерархичная система. Во-вторых, своего рода монополия, касающаяся определенных видов

деятельности или постоянно изменяющиеся и неоднозначные распоряжения, бездумное распоряжение человеческим потенциалом. Зачастую в неправильно функционирующей организации, руководство находится в руках людей малокомпетентных, но политически хорошо сориентированных. Именно здесь начинают появляться конфликты, которые администрация не умеет, или не может разрешить. Сотрудники становятся неуверенными, дезориентированными, неразрешенные конфликты нарастают, работа становится, своего рода, фабрикой стресса, а сама организация – соковыжималкой. Ничего удивительного, что особы с перверсионно-нарциссическими склонностями начинают охоту на того, кто, по их мнению, является источником этих конфликтов. Итак, первая фаза моббинга – поиск жертвы.

Вначале моббер старается импонировать жертве, склонить, чтобы решала, думала, как он того ожидает. Избегает при этом средств непосредственного давления, потому что знает, что силой не подчинит себе жертву. Использует по отношению к жертве манипуляции вербальные и невербальные, чтобы жертва вначале потеряла бдительность, что позволит подчинить её себе. И здесь начинает появляться нить определенной психической зависимости между агрессором и жертвой.

Вторую фазу моббинга характеризует перверсионное принятие. В это время жертва всё больше понимает, как важно для неё мнение моббера, его акцептация. Жертва убеждена, что если будет ещё более покладиста, то он будет всё больше ценить ее. Но этого не происходит, потому что, чем более послушна жертва,

тем более она возбуждает в моббере ненависть и агрессию по отношению к ней. В этой фазе моббинг приобретает форму закамouflированных действий. Характерной чертой этой фазы является перверсионная коммуникация. Вот несколько её основных черт:

- во-первых, отказ от непосредственной коммуникации, моббер не отвечает на вопросы жертвы, т.к. она для него предмет, а с предметами не дискутируют.

- во-вторых, дисквалификация. Моббер всеми силами старается заставить жертву признаться перед ним и пред всеми, что она ничего не стоит. С этой целью высылает невербальные сообщения в виде уничижительного взгляда, усталого вздоха и передает так же информацию типа: ты – ноль, ты – ничто, твои убеждения так же уродливы, как и вид. И жертва начинает в это верить.

Перверсионная коммуникация имеет задачу поделить людей, чтобы затем эффективней ими руководить. «Разделяй и властвуй» (Divide et impera) – это излюбленный девиз многих мобберов, особенно тех, которые занимают руководящие посты. Самым большим успехом моббера является уничтожение жертвы чужими руками. Перверсионная коммуникация во второй фазе ведёт в конечном итоге к изоляции жертвы от общества, коллеги начинают сторониться её. Более того, в этой фазе моббинга доходит до снижения самооценки жертвы, что оказывает разрушительное воздействие. Одновременно у неё начинают появляться соматические симптомы психического напряжения, вызванные моббингом. Это плохое самочувствие, усталость, головная боль, боль живота, проблемы с засыпанием и концентрацией внимания, а так же про-

ходящее состояние страха. Жертва не осознает, что является причиной этого, поэтому всеми силами старается их ликвидировать. Начинает пить, злоупотреблять успокаивающими и снотворными средствами.

Третью фазу моббинга можно определить, как перверсийную эскалацию. Мучения усиливаются, увеличивается частота конфликтов жертвы с моббером и с коллегами по работе. Жертва старается выяснить, в чём дело? Что происходит? Но напрасно! Блок со стороны моббера, блок со стороны коллег приводят к тому, что жертва постепенно выходит из себя, теряет контроль над своими эмоциями, её всё раздражает. Агрессивно ведёт себя на работе, это развязывает мобберу руки. Сейчас жертва, по его мнению, стала тем, кого непременно нужно удалить с работы, чтобы оздоровить атмосферу на работе. Во время перверсийной эскалации моббер решает, прежде всего, затруднить жертве условия работы, во-вторых, изолировать жертву, в-третьих, агрессор атакует человеческое достоинство жертвы. В чем заключается отягощение условий работы? Заключается оно в несообщении важных информации, необходимых для работы. Жертва постоянно критикуется за плохую работу, ей приписываются ошибки, сделанные другими, контролируется каждый шаг и решение. Затрудняется доступ к таким прозаичным вещам как телефон, факс, компьютер. Параллельно такому отягощению условий работы моббер старается изолировать жертву, не разговаривает с ней, а если приходится это делать, то делает письменные сообщения. В частных разговорах настаивает: «Не общайтесь с ней ни на работе, ни дома, если не хотите иметь

дело со мной». С целью дискредитации агрессор приписывает жертве нарушения и психические болезни, высмеивает то, как она выглядит, её одежду, болезни, пародирует манеру говорить и вести себя, не избегает при этом критики и частной жизни.

Перверсийная эскалация до усиления психосоматических недомоганий, которые появились в предыдущей фазе. Появляются и новые симптомы, например, резкая потеря веса или, наоборот его увеличение, кожные болезни, в том числе выпадение волос, нарушения кровообращения, сердечные заболевания, постоянные мигренозные боли, проблемы с желудочно-кишечным трактом, язвы желудка или 12-перстной кишки. Все эти перечисленные нарушения являются симптомом того, что у жертвы появляется травматический невроз, синдром посттравматического стресса. Он появляется тогда, когда от постоянного стресса прекращают функционировать защитные механизмы и у жертвы появляется страх перед каждым выходом на работу. Иногда по дороге на работу появляются мысли о самоубийстве. Страх приводит к постоянному состоянию нервного напряжения, и усиливается навязчивыми мыслями о переживании унижения во время пребывания на работе. Жертва жалуется на плохое самочувствие, на головную боль и головокружение, на то, что терпнут и дрожат конечности, на потливость, тошноту, рост артериального давления; чувствует себя раздраженной и нервной, страдает от бессонницы и плохой концентрации. Жертва переживает страх и депрессию из-за того, что должна постоянно оправдываться за сделанные и несделанные ошибки. В ней возрастает чувство вины

за сложившуюся ситуацию и недоверия по отношению к окружающим.

Если в предыдущей фазе сотрудники и коллеги изолировались от жертвы, то в фазе перверсийной эскалации она сама изолируется от них. Если не оказывать помощь при синдроме посттравматического стресса, это ведет к структурной декомпенсации личности, которая появляется в четвертой фазе моббинга.

Четвертая фаза характеризуется драматичным обострением конфликта. Моббер не скрывает своего намерения уничтожить жертву, угрожает применить физическую силу, иногда эти угрозы исполняются. Моббер вмешивается даже в личную жизнь своей жертвы, высылаёт анонимки, звонит по ночам. Бывали случаи, когда отправлялись в газеты некрологи с датой смерти жертвы. Из-за этих нескрываемых действий моббера, травматический невроз перерастает в более тяжелую форму, доходит до паралича принятия решений [1]. С одной стороны, жертва панически боится работы, людей, которых там встречает, а с другой, боится потерять работу – единственный источник доходов. Возникает очень сильное напряжение, жертва не хочет, но должна ходить на работу. И это напряжение компенсируется на уровне структуры личности в виде острой депрессии, психосоматической дезорганизации, в виде острой паранойи, доходит до структурной декомпенсации личности жертвы. Из-за такого состояния здоровья, жертва вынуждена всё чаще брать больничные листы и продолжать их на длительное время. Такое состояние здоровья вынуждает обращаться к узким специалистам, психотерапевтам, психологам, юристам. В крайних случаях прибегает к самоубийству.

Психическое издевательство на работе приносит много несчастья и человеку, и семье, и обществу в целом. Нельзя забывать и об экономической стороне дела (больничные листы, уход на инвалидность). Семья так же страдает от моббинга. Как показывают исследования, моббинг одного из супругов ведет к непониманию и разводу, страдают дети, из-за затрат на лечение снижается доход семьи. На само учреждение моббинг тоже оказывает негативное влияние – плохая атмосфера, частые ошибки, большое количество дней сотрудники отсутствуют из-за болезни. Анализ моббинга – то, что он собой представляет и его последствия, дает понять насколько однозначно негативно это явление для всего общества:

- прежде всего, моббинг несовместим с христианским мировоззрением, ибо перечеркивает фундаментальные правила существования человеческого общества;

- во-вторых, моббинг являет собой пренебрежение основными правилами, которыми считаются права каждого человека, следовательно, равенства всех людей, запрет дискриминации из-за возраста, пола, мировоззрения и религиозных убеждений. Моббинг является нарушением права человека выбирать место и профессию, а так же права на достойные условия работы.

В современном мире моббинг ударяет в основы медицинских, лечебных и образовательных учреждений. Они, как и любая другая фирма, должны быть местом, где человек реализует и созидает свою человечность, а не разрушает её. Доктор Харви Хорнштайн, профессор педагогического колледжа Колумбийского университета, работающий в области социальной психологии организации, в

своей книге «Жестокие начальники и их жертвы» («Brutal Bosses and Their Prey») подсчитал, что целых 20 миллионов американцев сталкиваются с плохим обращением на работе каждый день, и в пору говорить об эпидемии [2]. Человек, которого терроризируют, имеет право защищаться перед несправедливым агрессором пропорционально использованным по отношению к нему методов психического террора. Для защиты таких высоких ценностей, какими являются здоровье, и даже жизнь, допускается использование действий подобных моббингу. Имея солидную поддержку семьи и различных специалистов, можно начинать стратегию отпора мягкими методами.

Представим правила противостояния моббингу.

1. Будь терпелив, борьба с моббингом трудна, утомительна и продолжительна. Не поддавайся разочарованию и депрессии, ты не виновен в конфликте, а являешься жертвой ситуации, которая от тебя не зависит.

2. Не думай об уходе на больничный, это ничего не решит, а после возвращения заметишь, что ситуация ухудшилась. Если уж брать больничный, то только тогда, когда это действительно необходимо.

3. Приготовься дать отпор мобберу, однако следует поискать помощи на месте работы, обратиться в профком, к непосредственному начальнику, к врачу, юристу с просьбой дать письменную оценку ситуации с точки зрения состояния здоровья, юридической, профессиональной, что свидетельствовало бы о моббинге.

4. Собирай документы, свидетельствующие о моббинге, ксерокопии документов, письма, записывай распоряжения моббера и проси, чтобы он их подписал,

веди календарь событий, свидетельствующих и психическом терроре. Веди так же календарь здоровья, записывай замеченные симптомы психосоматических нарушений.

5. Поищи союзников среди коллег и начальства, немаловажно установить хорошие отношения с самыми близкими сотрудниками моббера. Нельзя изолироваться от коллег, от работы. Важно сообщать семье суть происходящего.

6. В коротких, но содержательных письмах следует сообщать о том, как Вы защищаетесь в вышестоящие организации. Если это не помогает, можно обратиться в редакции газет и радио, телевидения, социальные сети.

Подводя итог, следует обратить внимание на то, что партнерство должно быть основной этической нормой всех работников медицинских и образовательных организаций.

Моббинг может продолжать свое существование ровно столько, сколько ему позволяет. Руководство учреждений играет важнейшую роль в предотвращении этого явления. Если настаивать на соблюдении правил хорошего тона, вежливом обращении, высоких нравственных нормах на рабочих местах и создавать атмосферу заботы о сотрудниках, то появление моббинга можно предотвратить [2]. Шагом в этом направлении должна быть информированность людей о том, что такое моббинг и каковы его последствия. Более того, сопротивление любым способам угнетения, психического издевательства над людьми на месте работы должно иметь значение моральной обязанности. Стоит обратить внимание на опыт зарубежных коллег, где моббинг не только стал хорошо знакомым словом в Скандинавии и немец-

коговорящих странах, но для того чтобы решить проблему моббинга законодательным путем, несколько стран приняли новые законы, предупреждающие появление этого явления, защищающие и обеспечивающие безопасность сотрудников на рабочем месте, включая эмоциональную составляющую здоровья на работе. Например, в 1993г. Национальное управление по охране труда Швеции приняло положение о преследованиях по месту работы. Более того, были созданы новые организации для оказания помощи жертвам моббинга по всей Европе и Австралии[2].

Необходимо категорично протестовать против любых форм психического террора на рабочих местах и отважно защищать тех, кто стал жертвой моббинга, будь то врач, педагог, медсестра, лаборант, начальник или технический персонал.

Список литературы:

26. Doyle D., Hanks G., MacDonald N., Introduction. Oxford textbook of Palliative Medicine. Oxford University press, second edition, 1998, 1283 p.

27. Ноа Дэвэнпорт «Насилие на работе» <http://psyfactor.org/lib/mobbing.htm> <20.12.2014>.

Ободкова Е. А. (Ярославль, Россия)

ИМИДЖЕВАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНИЗАЦИЙ: КАРЬЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье по-новому раскрывается понятие «имиджевая политика» и рассматривается как деятельность по управлению отношениями между субъектом и объектом (между организацией и конкретной целевой аудиторией – потенциальными сотрудниками). Имиджевая политика имеет 3-х уровневую структуру анализа отношений социальный, групповой, индивидуальный. Имиджевая политика опирается на основные тенденции развития мира – в статье проанализированы тенденции развития общества, влияющие на сущность и позиционирование организации в подходах к построению карьеры. Современные компании в рыночных условиях заинтересованы в подборе лучших сотрудников на рабочие места. Один из путей, позволяющих достичь данную цель – это сформировать необходимый имидж в глазах потенциальных работников (субъектов имиджа). Знание основных критериев с точки зрения потенциальных сотрудников, на основе которых осуществляется принятие решения, это часть пути подбора кадров. Важно выстроить целую деятельность по управлению отношениями между организацией (объектом) и потенциальным сотрудником (субъектом имиджа), для реализации миссии организации, через формирование конкретных представлений и образов на основе идеалов и ценностей. Таким образом, процессы глобализации порождают создание новых транснациональных компаний, гибких, основанных на знании и информации, предъявляющих иные требования к сотрудникам, к управлению имиджевой политикой компании.

Ключевые слова: имиджевая политика, глобализация, карьера.

Image policy of organizations: the career aspect

Abstract: The article reveals a new concept of "image policy" and regards as a management activity relationship between subject and object (between the organization and a specific target audience - potential employees). Image policy has a 3-level structure analysis of social relations, group, individual. Image policy is based on the main trends in the world - in the article analyzes trends in society that affect the essence and positioning of

the organization in the approaches to building a career. Today's companies are interested in market conditions in the selection of the best employees in the workplace. One of the ways that allow to achieve this goal - is to form the desired image in the eyes of potential employees (subjects of the image). Knowledge of the basic criteria in terms of potential employees on the basis of which the decision is part of the way of recruitment. It is important to build the whole management activity relationships between the organization (s) and potential employee (subject image) for the implementation of the organization's mission, through the formation of specific ideas and images based on the ideals and values. Thus, the processes of globalization generate the creation of new multinational companies, flexible, based on knowledge and information, different requirements to employees, management branding company policy.

Keywords: image policy, globalization, career.

В настоящее время одним из эффективных методологических подходов, используемых при принятии управленческих решений, является прогнозирование развития общества. Прогнозирование позволяет оценить возможный в будущем ход событий и выработать комплекс мероприятий для стимулирования одних и предотвращения других тенденций будущего развития. Кроме того, прогнозирование позволяет точнее оценить затраты времени и конкретизировать действия, необходимые для реализации задуманного.

Тенденция представляет собой некое «русло» по которому движется развитие всех сфер жизни общества, человека, которое определяет его направление, в том числе и реализация карьеры.

Изучением основных тенденций занимается большое количество современных ученых (Р.Ф. Васильев, Б.Д. Марков, А.И. Ракитов, М.С. Решетников, Дж. Сорос, У. Эко, А.Н.Юрьев и др.), авторы рассматривают и изучают отдельно взятые тенденции (информатизация общества, нанотехнологическое развитие общества и т.д.).

В настоящее время классифицированы следующие тенденции развития

общества с точки зрения руководителей предприятий, организаций: «глобализация»: объединение народов, компаний, мнений; культур, религий и т.д. следствием чего становится выработка общих правил, которым должно следовать общество в целом, организация, а так же и сам человек). В качестве значимых тенденций развития общества руководители так же отметили: ускорение темпа жизни; «информатизация» общества; «виртуализация»; «робототизация»; нанотехнологии (Новиков В.В., Ободкова Е.А) [2].

Глобализация относится к числу основных тенденций современного общества. Общества становятся взаимозависимыми во всех аспектах — политическом, экономическом, культурном, социальном и масштаб этих взаимозависимостей становится глобальным. Человечество превращается в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на Земле.

Усиливающееся влияние глобализации, как нового фактора мировой истории, актуализирует вопрос о ее сути и возможных последствиях. Для одних глобализация носит неизбежный характер и имеет позитивное значение, тогда как для других она представляет собой угрозу.

Поэтому глобализацию следует рассматривать как проблему и новую становящуюся реальность, которая только тогда будет устойчивой, когда она, учитывая уроки прошлого, решает фундаментальные вопросы, вставшие перед современной цивилизацией [5]. Глобализация – это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения.

Глобализация - сложный, многомерный феномен, влияние которого стремительно растет. Встает вопрос о ее структуре и сущности. Концептуализация процесса глобализации показывает, что данный процесс состоит из двух уровней - естественной, неуправляемой глобализации и глобализации искусственной, организуемой, управляемой [4].

И.М. Подзигун описывает естественную глобализацию как эволюционный процесс восприятия различными культурами достижений других культур. Это восприятие происходит преимущественно добровольно и зависит от уровня развития той или иной социокультурной традиции, ее желания усвоить и на практике применить достижения других культур.

Искусственная глобализация является попыткой навязать силой или другими методами - обманом, убеждением, подкупом и т.д. конкретные представления о мире. Так как искусственная глобализация связана с насильственным внедрением экономических, политических, ценностно-мировоззренческих представлений, она является революционным процессом.

Глобализация является объективным процессом, порождается характером производства, выходящего за границы отдельных стран. Интеграция в мировую

экономику - основной стимул экономического развития стран, что ведет к расширению и углублению связей между государствами и усилению их влияния друг на друга.

Основу целостного мира образуют глобальные структуры, представляющие собой организации экономического, политического, социального и культурного характера, действующие во всех или в большинстве стран мира.

Для того чтобы понять, как работают компании в условиях различных культур, нужно уметь выйти за пределы собственных культурных стереотипов. Любопытство, открытость и желание достичь взаимопонимания - хорошие качества для межкультурного управления карьерой.

Современные компании в рыночных условиях заинтересованы в подборе лучших сотрудников на рабочие места. Один из путей, позволяющих достичь данную цель – это сформировать необходимый имидж в глазах потенциальных работников (субъектов имиджа). Знание основных критериев с точки зрения потенциальных сотрудников, на основе которых осуществляется принятие решения, это часть пути подбора кадров. Важно выстроить целую деятельность по управлению отношениями между организацией (объектом) и потенциальным сотрудником (субъектом имиджа), для реализации миссии организации, через формирование конкретных представлений и образов на основе идеалов и ценностей, такую деятельность мы называем имиджевой политикой.

В условиях глобализации возникает необходимость формирования нового набора компетенций, необходимых профессионалу для построения карьеры.

Важными на первый план выходят такие характеристики руководителя как: стратегическое мышление; интуиция; лидерство; новые технологии в управлении; компетентность. Гениальность; потребность саморазвития; стабильный интерес; личная ответственность; уважение к себе и другому; преданность - основные требования к сотрудникам, действующим в потоке современных тенденций развития общества, а также неотъемлемыми для профессионала в условиях глобализации становятся: высочайшего уровня профессиональные знания и владение иностранными языками (В.В. Новиков, Е.А. Ободкова) [3].

Работа в транснациональных компаниях в первую очередь требует гибкости от сотрудника, учета традиций страны в которой расположено рабочее место, следование четким стандартам в работе. Транснациональные корпорации отличаются едиными принципами корпоративной культуры вне зависимости от местонахождения офиса, приоритетными принципами являются: уважение к личности, равенство возможностей, справедливые условия труда и найма.

Если обратить внимание на деятельность службы HR в транснациональных компаниях, то Е.А. Иглицкая приводит следующую картину: HR-департаменты транснациональных компаний занимаются вопросами организационного и психологического характера, то есть подбор, отбор сотрудников и организация их работы, создание оптимальных условий для высокопроизводительного труда. Служба выполняет такие функции как:

- аудит кадрового потенциала компании, выявление потребности в новых сотрудниках;

- рекрутинг;
- профессиональная и психологическая адаптация нового персонала к условиям работы в транснациональной корпорации;
- планирование и отслеживание деловой карьеры работников;
- управление трудовой мотивацией;
- анализ социально-психологической ситуации в компании;
- коррекция групповых и межличностных взаимоотношений;
- управление конфликтами;
- регулирование правовых аспектов социально-трудовых отношений;
- содействие в повышении квалификации и сотрудников;
- организация процесса высвобождения работников,
- организация аттестации рабочих мест по условиям труда [1].

Ссылаясь на исследование Е.А. Иглицкой отметим типовую структуру описанных работ с объемом времени на их выполнение:

- разработка целевых программ управления персоналом и организация их выполнения - 24%;
- соблюдение условий труда и мер безопасности - 18%;
- управление трудовыми отношениями - 17%;
- организация оплаты труда - 16%;
- учет персонала и делопроизводство - 10%;
- обучение персонала - 9%;
- другие работы - 6% .

По мнению большинства экспертов HR-службы транснациональных компаний с большим вниманием и уважением относятся к трудовому потенциалу ра-

ботников, т.к. наивысшей ценностью является уважение к личности.

Таким образом, процессы глобализации порождают создание новых транснациональных компаний, гибких, основанных на знании и информации, предъявляющих иные требования к сотрудникам. Как отмечает С.В. Шекшня [6], сегодня работодателю знания нужны гораздо больше, чем дисциплина, а умение учиться – больше, чем преданность, что позволяет выстраивать новый тип организационного контракта, схожего с коммерческим партнерством, когда стороны сотрудничают до тех пор, пока это выгодно каждой из них. Выделенные тенденции с необходимостью должны учитываться при реализации имиджевой политики компании, то есть деятельности по управлению отношениями между организацией и потенциальным и реальными сотрудниками, для реализации миссии организации, через формирование конкретных представлений и образов на основе идеалов и ценностей.

Список литературы:

1. Иглицкая Е. А. Политика государства на рынке труда - важнейшее направление модернизации экономики России // Социально-гуманитарные знания. 2011. - № 1. - с. 323-329.
2. Ободкова Е.А., Основные тенденции развития общества, руководителя, сотрудника компании // Вестник Ярославского Государственного Университета Им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные Науки. №4, 2012. С 95-98
3. Ободкова Е.А., Современные тенденции и перспективы подготовки специалистов для инновационной экономики: коллективная научная монография/общ.ред. Е.А.Ободковой. – Ярославль: Изд-во Академии Пастухова, 2013. 500 с.
4. Подзигун, И.М. Глобализация как реальность и проблема // Философские науки. 2003. № 1. С. 5-17.
5. Хмылёв, П.Н. Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.5-22
6. Шекшня, С.В. Управление персоналом современной организации. 5-е изд., перераб. и доп. - М.: 2002. 368 с.

Петренко В.Ф. (Москва, Россия)

ПРОБЛЕМА КОНТАКТА С ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ¹

Статья посвящена проблемам общения с гипотетическими собратьями по разуму, интеллект которых может кардинально отличаться от нашего. «Возможно, выработывая своеобразную систему значений, не привязанную к нашему конкретному миру, с одной стороны, а с другой – разрабатывая изоцированные техники медитации и психопрактики, мы выйдем на контакт с возможными мирами на глубинных медитативных уровнях». Расшифровка выступления Петренко В.Ф. на конгрессе «Глобальное будущее 2045», 18 февраля 2012 года, Москва

Article deals with problems of communication with hypothetical fellow mind, the intellect which can be radically different from ours. "Perhaps, producing a peculiar system of values that is not tied to our particular world, on the one hand, and on the other - developing sophisticated techniques of meditation and psihopraktik, we will come to contact with

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ грант №: 14-06-00212а грант и № 15-06-01389

possible worlds for deep meditation levels." Decoding performance Petrenko VF Congress on "Global Future 2045", February 18, 2012, Moscow

Ключевые слова. Движение "Глобальное будущее 2045", "Мега история", Неочеловечество, внеземные цивилизации, космическое сознание, бессознательное, психопрактики, медитация

Keywords. Movement "Global Future 2045" Mega Story, "Neochelovechestvo, extraterrestrials, cosmic consciousness, unconsciousness, psihopraktik, meditation

Как я уже неоднократно отмечал, в общем, то достаточно банальную истину, развитие науки, (в нашем случае психологии), необходимо требует развития её концептуального аппарата, появления новых понятий и замены ими уже отживших, перегруженных старыми смыслами и привязанных к старым, дряхлеющим теориям. Как сказано уже 2 лет назад в Евангелие " Не вливают также вина молодого в мехи ветхие " Причём , как правило, трансформация концептуального аппарата осуществляется целостно, и замена или кардинальное изменение смысла одного понятия ведёт к перестройке всей понятийной системы. В этом контексте возрождение, благодаря усилиям Г.В.Акопова и его коллег, старого, имеющего религиозное звучание понятия "созерцание" и введение его в контекст психологической науки имеет, для самой психологии, чрезвычайно серьёзные последствия.

Согласно концепции "техно-гуманитарного баланса" А.П.Назаретяна (2001, 2008), развитие новых технологий требует появления новых систем ценностей, релевантных изменяющемуся миру, которые направляли бы, а где-то и ограничивали, те степени свободы возможных реализаций, которыми обладает сложная система в выборе путей своего развития. Продолжая идеи "Общего дела" Н.Ф.Фёдорова о достижении бессмертия и "возрождения отцов", Д.И.Ицков пола-

гает, что "новая идеология должна утвердить в качестве одного из приоритетов необходимость использовать прорывные технологии для совершенствования самого человека, а не только его среды обитания. Мы считаем, что можно и нужно ликвидировать старение и даже смерть, преодолеть фундаментальные пределы физических и психических возможностей, заданные ограничениями биологического тела". (Ицков Манифест Россия 2045). Программа Л.И. Ицкова гармонично сочетается с гипотезой техно-гуманитарного баланса А.П. Назаретяна (2002), трактующего, вслед за Г.С. Померанцем (1994) историю "как прогресс нравственных задач". Согласно А.П. Назаретяну экспансивный рост любой цивилизации неизбежно вызывает негативные последствия этого роста (экологические, связанные с уничтожением окружающей среды; геноцид и угроза самоистребления, связанного с ростом убойной силы оружия; утрата смысла жизни, связанная с ориентацией на потребительство и т.п.). Возникающие кризисы, в силу безудержной эксплуатации возросших инструментальных возможностей, могут разрешаться путем создания новых систем ценностей, новых идеологий, ограничивающих безудержную экспансию технологических возможностей и направляющих развитие цивилизации в новое русло. Так было, например, в эпоху "Осевого времени" (Карл Ясперс 1991), связанного с возникнове-

нием (приблизительно в одно время, но в разных местах планеты) мировых религий, ограничивших геноцид и насилие. Христианская позиция "нет грека, и нет иудея, а есть христианин", ставящая акцент на религиозном, а не этническом родстве людей, была резонансна и буддизму и позднее исламу. Двадцатый век столкнулся с возросшими возможностями оружия массового поражения, несущими угрозу самоистребления Человечества; с экологическими проблемами загрязнения воды, земли и воздуха на огромных территориях, связанного с интенсивными технологиями добычи природных ископаемых, отходами промышленности и сельского хозяйства. Одна из центральных угроз выживания человечества, в условиях прогресса медицины и здравоохранения, вызвавших увеличение продолжительности жизни, связана с накоплением наследственных аномалий в геноме самого человека и угрозой его вырождения, как биологического вида. Отрицательный баланс народонаселения развитых стран - тревожный звоночек "с того света". О. Шпенглер (2007) называет такой процесс "Метафизической усталостью" цивилизации. Все эти проблемы диктуют необходимость не только увеличивать темпы роста науки и научных технологий, что бы успеть устранить негативные побочные следствия цивилизационного прогресса. "Чтобы оставаться на месте - как сказано в книге "Алиса в стране чудес" Льюиса Кэрролла, надо быстро бежать". А бежать придется всё быстрее и быстрее. Расчёты, независимо проведенные русским физиком-теоретиком А.Д.Пановым (2008) и австралийским историком-глобалистом Г.Снуксом показали устойчивое ускоре-

ние эволюционного процесса на всём протяжении геоморфологических, биологических и ноосферных этапах земной эволюции. Расчёты выявили зону сингулярности (вертикаль Снукса- Панова), согласно которой, приблизительно к 2045 году (расчёты Р Курцвейла), кривая скорости эволюции устремляется к бесконечности. Что за этим последует? Гибель Человечества? или, наоборот, появление/Сверх Человечества, обреченного на бессмертие, возможности существовать в нескольких телах, или интеграция Человечества, благодаря развитию средств связи, в некую единую сверхсущность - такого земного варианта "Соляриса" Станислова Лема. Полагаю, что всё-таки, тридцатилетний срок со дня сегодняшнего до гипотетичной зоны сингулярности слишком мал для трансформации Человечества в Неочеловечество. Одна из возможных гипотез объяснения феномена сингулярности - выход Человечества на связь с иными космическими цивилизациями, открывающая поистине безграничные информационные возможности и безграничные сокровища знаний. Но этой гипотезе противоречит "великое молчание космоса" и отсутствие достоверных сигналов "братьев по разуму" адресованных человечеству. В ответ на этот аргумент, и несколько снизив пафос обсуждаемой тематики, будучи по профессии психологом, приведу несколько примеров из зоопсихологии и культурной антропологии в защиту моей гипотезы, объясняющих феномен "Великого молчания космоса". Каждое живое существо строит образ (модель) мира. Образ этот ограничен перцептивными возможностями психики этого живого существа, и образ мира усложняется при подъеме вверх

по эволюционной лестнице (А.Н.Леонтьев 1981). Например, достаточно примитивное существо - комар будет откладывать яички как на блестящую поверхность воды (что биологически целесообразно), так и на блестящую поверхность стекла (что биологически неадекватно), так как ориентируется на отдельный объектный признак. Сверчок, сидящий на динамике звукового проигрывателя из звуков симфонии, будет выделять только звуки напоминающие скрежет ножек самки. Из многообразия раздражителей эти насекомые выделяют только биологически релевантные признаки. Рассмотрим действие животного находящегося чуть выше на эволюционной лестнице. Часто, когда змея охотится на лягушек, те сами прыгают к ней в пасть. Первоначально думали, что змея каким-то своим гипнотическим взглядом заставляет лягушку совершить такое неадекватное действие. Оказалось, если реконструировать образ мира лягушки, то, если змея движется медленно, её тело не выделяется лягушкой из фона. Просто нет такой степени дифференциации нейронов, чтобы отличить тело медленно движущейся змеи от камней, коряг и т.п. А в открытой пасти змеи ее раздвоенный язычок, который вибрирует, воспринимается этой лягушкой как муха или комар. Лягушка прыгает схватить добычу и попадает в пасть змеи. То есть мир лягушки по сравнению с человеком крайне примитивен. И этот мир, который она строит, зависит от тех перцептивных эталонов, от той когнитивной карты, которой она владеет. Но и человек ограничен в своём восприятии, той системой значений, которой владеет. То есть мы строим миры, в которые мы погружены, и их осознание

связано с той системой значений, которой мы владеем. Вот забавный пример, который описывают этнографы. Когда испанские галеоны приплыли в Америку, и стояли в дали на рейде, то якобы, индейцы не видели сами эти галеоны. То есть они видели их, но не осознавали, потому что не было у них таких перцептивных эталонов, таких значений, как корабль. Какие-то неопределённые силуэты на горизонте не привлекали внимание туземцев. Но они обратили внимание на странно изменившийся характер ряби на воде залива. То есть, чтобы что-то привлекло внимание и выделилось как "фигура на фоне" при восприятии, надо иметь какие-то перцептивные эталоны, значения и т.д. Вот интересный пример человеческого восприятия и осознания из нашей собственной практики. Мы в свое время с моим коллегой и учеником Владимиром Кучеренко описали такой интересный феномен. Если в гипнозе внушить человеку, что он не будет видеть какой-то объект – ну, например: «Ты не будешь видеть сигареты», – человек выходит из трансового состояния, его просят перечислить предметы, лежащие на столе. Он не видит не только сигареты, но он не видит пепельницу, полную окурков, пачку сигарет. Он может не видеть зажигалку, потому что она связана с процессом прикуривания. Может и видеть зажигалку – крутит в руках и говорит: «Какой-то непонятный цилиндрик... не пойму... наверное, это из-под валидола». То есть отторгается предметная функция, связанная с запрещенным объектом и выпадает из восприятия целое семантическое поле объектов, связанных с запрещенным. Как бы разводятся действия «смотреть» и «видеть». Конечно,

человек видит эти объекты, но при заблокированном гипнотической инструкцией значении, он не осознает объекты. Мы достаточно систематически исследовали влияние эмоций на процессы категоризации; то, как наличие тех или иных эмоциональных состояний меняет внутренний тезаурус; то, как семантические пространства трансформируются с появлением этих эмоций. В гипнозе мы давали такие простые эмоциональные состояния, как страх, эйфорию, (более сложное) чувство вины и т.д., и смотрели, как меняется система ассоциаций подопытного. Испытуемые, столкнувшись с непонятно откуда взявшимся состоянием, иногда продуцировали вымышленные истории, соответствующие этим состояниям. Например, испытуемый с внушенным состоянием вины, так объяснил своё состояние: "в ходе эксперимента кто-то, нахально, открывал дверь и заглядывал. Я дал ему в глаз. Неудобно как то вышло". После окончания эксперимента гипнотизер, естественно стирал внушенные состояния и создавал приятное нейтральное настроение, после которого испытуемый с удовольствием приходил на последующие серии эксперимента. В ходе эксперимента испытуемые оценивали ряд объектов, заполняя тем самым некую матрицу, которую потом мы обрабатывали с помощью факторного и кластерного анализа и смотрели, как трансформируются семантические пространства под влиянием тех или иных эмоций. То есть в терминах Л.С. Выготского (1982) мы исследовали "взаимосвязь аффекта и интеллекта". В нашем мировосприятии огромную роль играют эмоциональные переживания, аффекты, духовные переживания. Эмоции - как

кривые зеркала трансформируют картину (образ) мира. Более того, в зависимости от эмоционального или духовного состояния в этой картине мира могут появляться или выпадать некие фрагменты мира. Приведу яркий пример из нашей практики, когда мы проводили вместе с В.В. Кучеренко исследование студентов в зимней Психологической школе. Психологическая школа - это нетрадиционная форма обучения, идущая от основателей психологического факультета Московского университета А.Н.Леонтьева и А.Р. Лурии, когда группа студентов, в период студенческих каникул, проводит на выезде слушание студенческих докладов, их обсуждение и дискуссии, при участии ведущих профессоров. В тот год школа, под руководством А.Н.Леонтьева проходила в студенческом пансионате "Отличник", где студенты жили по два человека в комнате. И когда мы собирались провести эксперимент с одним из студентов, его сосед по комнате, попросился разрешения присутствовать – ему было интересно понаблюдать, как происходит процедура гипноза. Но чтобы он нам не мешал и чтобы наш испытуемый не отвлекался на своего соседа, мы, как в экспериментах "с запрещенным значением", внушили подопытному, что он его не будет видеть. Проведение эксперимента и заполнение матрицы занимало не менее полутора часов, а его "зрелищная" часть была только в начале. Заскучав, тот, который был «невидимым», решил, что раз он «невидимый», то он может и заниматься своими делами. Дело было к вечеру, и студенты собирались потом пойти на танцы. "Невидимый" взял электробритву и начал бриться. Наш испытуемый оказался в

совершенно жутком недоумении: он слышал звук, который исходил от бритвы «невидимого», но самого его и бритву не видел. По его мимике было видно, что его мучила непонятность ситуации. Он не мог понять источник звука, который он слышал. Тогда он встал и сделал несколько шагов навстречу источнику звука. Вид сомнамбулы достаточно необычен и его "невидимый" сосед испуганно вскочил с места. Когда испытуемый не дошел буквально несколько сантиметров до своего соседа, он остановился и впал в глубокий транс. То есть возникло какое-то логическое противоречие, побочным результатом которого стало состояние транса: с одной стороны, он вроде бы видел другого, раз он не пытался пройти сквозь него, и не видел, раз не понимал источника шума. Я объясняю это противоречие через разведение феноменов "видеть" и "осознавать", и опираясь для объяснения этого феномена на философию Гегеля, пересказывая, ниже, его идеи более современным языком. В ощущениях, эмоциях полагает Гегель, субъект и объект слиты, и нет их гносеологической противопоставленности. Но если нечто чувственное мы выражаем в знаковой форме, то совершаем акт отчуждения от непосредственно переживаемого. В этой знаковой форме исходное переживание может быть транслировано другому в акте коммуникации, или самому себе в форме авто коммуникации, а тем самым (согласно Бахтину 1979) - осознанно. Т.е. Сознание, при такой трактовке - есть вторичное восприятие в знаковой форме. Осознаётся, то, что может быть выражено в некотором языке, обладающем системой значений, как формой культурно-исторического опыта человечества. При

этом под языком мы понимаем не только естественный язык (русский, немецкий, английский) но, и в различной степени ясности и полноты, язык искусства и язык символов бессознательного.

Возвращаясь, к трактовке нашего случая с "невидимым" для испытуемого соседом по комнате, я полагаю, что испытуемый видел запрещенный объект (соседа по комнате), но не осознавал его, так как система значений, связанная с запрещенным объектом, была заблокирована гипнотической инструкцией. Испытуемый видел, но не осознавал. В пользу такой трактовки свидетельствуют и другие наши эксперименты, когда гипнотическая инструкция, запрещающая видеть какие-либо объекты, приводила не только к их не восприятию, но и блокировала, как значение "запретного объекта", так и целый ряд родственных значений, вводимом после основной серии, ассоциативном эксперименте на заданную тему. Эксперименты продемонстрировали, что осознание требует наличие некоторого языка, благодаря которому и происходит осознание. По-видимому, чем более язык формализован, тем более чётким, но узким (по широте семантического охвата) является осознание. Так, образно-символьный язык бессознательного, давая возможность широкой интерпретации воспринимаемого, характеризуется малой степенью осознанности. Таким образом, осознанное восприятие чего-либо требует как наличие специфических перцептивных органов для считывания информации, так и когнитивных структур отвечающих за распознавание и интерпретацию воспринимаемого. Наконец, осознание воспринимаемого зависит от наличия системы значений (некоторого

языка, понимаемого в широком семиотическом смысле, например, языка, а вернее языков, искусства).

Делая еще шаг назад в нашем рассуждении, вернёмся к проблеме "Великого молчания космоса". Со времени "большого взрыва" прошло не менее 13.75 миллиардов лет. И, как утверждает современная астрофизика, существует огромное количество планет подобных Земле, многие из которых гораздо старше по возрасту, ибо возраст нашей родной планеты всего каких-то 4,54 миллиардов лет ($4,54 \cdot 10^9$ лет $\pm 1\%$). Перефразируя Шарля де Костера, я люблю на лекциях напоминать студентам, что в нашем сердце стучит "пепел погасших звёзд". Действительно наш организм содержит тяжелые элементы (например, железо в эритроцитах крови), которого нет на Солнце. Оно - вторичная звезда. Там в основном (99,9%) водород и гелий. Тяжелые же элементы возникают при взрывах сверхновых. Когда старая звезда выгорает и коллапсирует до гораздо меньших объемов, при чудовищной плотности и сверхвысоких температурах, она взрывается. Тогда то и образуются тяжёлые элементы таблицы Менделеева. Тяжелые элементы в основном занесены в Солнечную систему кометами. Но не только тяжелые элементы заносятся блуждающими космическими телами. Есть теории "панспермии" (Г.Э Рихтер, Г. Гельмгольц), говорящие о том, что сама жизнь имеет космическое происхождение и передана в космической эстафете от более ранних источников. Поддерживал эту идею и В.И.Вернадский. По мнению современных учёных Фреда Хойла и Налина Чандра Викрамасинга частицы межзвёздной пыли содержат замёрзшие клетки и бактерии (см. Астафьева и др.

2011). Конечно, потребовались миллиарды лет биологической эволюции, чтобы от "космических зародышей жизни" перейти к высокоорганизованным живым организмам, к тому же обладающим психикой. Но если жизнь имеет космическое происхождение, то вполне логично допустить, и то, что и человеческое сознание развивалось в ходе культурно-исторической эволюции не без участия всепроникающего космического разума.

Но почему, же тогда молчит Космос? На мой взгляд, наивно думать, что космические цивилизации встретятся примерно на одном уровне своего развития. Они пошлют нам некие сигналы, а земляне успешно их дешифруют. Прилетят инопланетяне на космических кораблях, пусть и на более совершенных, чем наши, и установят дружественный контакт. За последние 300 лет земная цивилизация прошла невиданный ранее путь технологического прогресса. При его ускорении (о чем свидетельствуют расчёты Снукса и Панова) трудно даже представить, каких высот достигнет наша цивилизация в ближайшем будущем. А ведь 300 лет - это мгновение по космическим меркам.

Выступая в 2011 году на конгрессе "Глобальное будущее 2045" лётчик-космонавт С. Кричевский, уверенно рассказывал о том, как космос будет осваиваться человеком, о том, что наши ближайшие потомки освоят другие планеты солнечной системы, возникнет космическая цивилизация. В шестидесятые годы прошлого века такое представление было общепринятым (как пелось в популярной песне: ("утверждают космонавты и мечтатели, что на Марсе будут яблони цвести"). Мне кажется, сомнительным, что такой холодный недружественный к

нам космос можно обжить, и, полагаю, что возможные контакты с представителями иных космических цивилизаций будут иметь совсем иные формы. Скорее, возможен поиск контактов с иными цивилизациями внутри собственной ментальности, в сфере бессознательного, в медитативных трансовых состояниях, и помогут установить эти контакты, такие науки как психология и семиотика

Сознание, понимаемое широко, как способность ощущать, переживать, чувствовать, т.е. как качество, присущее, в той или иной степени, всем живым существам, может быть рассмотрено как имеющее космическое происхождение. В своих фоновых формах оно может выступать камертоном Вселенной, эволюционируя и дифференцируясь в земных условиях к уровню, связанного с языком человеческого сознания. Если верна гипотеза о предсуществовании сознания, то «братьев по разуму» можно искать не только запуская в космос радиозонды и телескопы, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного. Именно этим и занимались адепты буддизма, индуизма, практик суфизма и исихазма. Разница только в концептах, в которых они обосновывали «многообразие религиозного опыта» (в терминологии У. Джеймса 1993). Практики науки и религии здесь сближаются. История религии проникнута опытом «пиковых» состояний сознания (Маслоу, 1999; Фрейджер, Фейдимен, 2008, Торчинов 1999), на научное осмысление которых выходит психология. «Не следует ли нам предположить, – полагает В. Франкл, – что над человеческим ми-

ром, в свою очередь, расположен превосходящий и недоступный человеку мир, смысл, точнее, "сверхсмысл" которого только и может придать смысл всему человеческому страданию? Человек может постичь сверхмир не больше, чем животное из своей среды может понять более широкий человеческий мир. Он, однако, может уловить его в предчувствии – в вере» (Франкл 2008, с. 42). Представление о предсуществовании космического сознания содержится в индуизме. Индивидуальное сознание (Атман) является частью (искрой божьей) целостного океана космического сознания (Брахмана), с которым сливается после физической смерти. В рамках этих представлений единое интегральное сознание предшествует индивидуальному. Интегральное выступает как некоторый базисный фон, как «несущая волна», на основе которой моделируется более дифференцированно-индивидуальное. У. Джеймс (Джеймс, 1997) сравнивал взаимосвязь индивидуальных сознаний с образом корней деревьев, которые переплетаются в подземной тьме, или с дном океана, который соединяет острова друг с другом. «Подобным же образом, – пишет он, – существует и континуум космического сознания, в которое как в материальное море погружены наши разделенные умы» (Цит. по: Карпенко, 1992). Индивидуальное сознание ограничено, по-видимому, из-за возможной перегрузки и нервных срывов при адаптации к окружению. Самосознание, механизмы самоидентичности при таком понимании отсекают, ограничивают индивида от чужого сознания, чужих переживаний (иногда прорывающихся, возможно, в феноменах телепатии, гипноза, синхронности). На такую

трактовку интегрального сознания также хорошо ложится гипотеза Б.Ф. Поршнева (Поршнева, 1972) о причине возникновения многообразия естественных языков как следствии контр суггестии, вызванной необходимостью отделиться барьером собственного языка от чужеродных влияний.

Для того, что бы осознанно воспринимать что-либо, необходимо наличие периферических органов чувств и когнитивных схем, эталонов распознавания, а для осознания воспринимаемого ещё и наличие некоего языка, понимаемого в широком семиотическом плане: например, "языка искусства" или, вернее, "языков искусства". Из-за отсутствия ряда специфических органов чувств для восприятия, идущей из внешнего мира информации, психика человека содержит ряд "слепых зон", например, она не воспринимает электромагнитные излучения в диапазоне ультрафиолетового, в том числе рентгеновского и гамма излучения, а в низкочастотной области, не "ловит" радиоволны. Восприятие человека нечувствительно и к статичному магнитному полю и, конечно, к нейтринному излучению. Ограничено человеческое восприятие и относительно, быстротекущих (ниже 15 м.с) и сверх медленных процессов. Но помимо работы периферийных органов, процесс восприятия включает, по принципу "рефлекторного кольца" регулирующую роль когнитивных структур мозга ("модель "потребного будущего" в терминах Н.А. Бернштейна (1990) или "акцептор действия" П. Анохина 1970). На языке психологической науки этим физиологическим механизмам управления (Александров 2008) соответствуют перцептивные эталоны, когнитивные

карты, когнитивные схемы, системы значений и семантические пространства. Блокировка или не развитость двух последних приводит к "слепоте" восприятия. Расширить диапазон восприятия можно за счёт различных психотренингов, таких как "тренинг сензитивности", медитации (Далай-лама XIV 2010; Свами Вишнудевананда Гири 2010; Чогьял Намкай Норбу 2009; Нида Ченагцанга 2010) и аутотренинга (Карвасарский 1999; Шойфет 2010), йоги (Айенгар 2010; Бхагаван Шри Сатъя Саи Баба. 2009; Сидерский 1998), холотропного дыхания (Гроф 2007; Козлов, Майков 2004), метода сенсомоторного психосинтеза (Петренко, Кучеренко 2007), гипноза (Шойфет 2006) и мягкого эриксоновского гипноза (М.Эриксон 1995); различных религиозных практик: динамической медитация в форме монотонных телодвижений или повторения мантр, текстов, имеющих сакральный характер (Хоружий 1993; Индуизм. Джайнизм. Сикхизм 1996), поста, молитвы (Василюк 2005), созерцания (Акопов 2009; Карицкий 2011; Игумен Георгий (Шестун), Подоровская 2011)), затворничества (Феофан Затворник 2010), ретрита (Сопа Ринпоче 2012).

Психопрактики и медитация не только снижают пороги чувствительности, открывая области ранее недоступные ощущениям и переживаниям, но и главное то, что они расширяют сознания, снимая субъект - объектную оппозицию, интегрируют индивидуальное сознание с космическим, трансперсональным, божественным (возможны разные термины). Но тут требуется некое уточнение. В философии понятие "сознания" трактуется широко, и туда включаются все психические проявления человека. В психо-

логической науки, со времен Зигмунда Фрейда (см. Турецкий 2006) принято разводить понятия "сознание" и "бессознательное", куда относят, в частности, воспринятое, но неосознанное (Алахвердов 2009). Как полагает А.Р. Лурия (1968) человек помнит практически всё им видимое за всю его жизнь, и это эмпирически подтверждает психотехника извлечения пассивной информации (Кучеренко 1996, 1997), „где пациент может припомнить, например, какие сандалики были у него на ногах в двухлетнем возрасте или номер машины, случайно попавшейся ему на глаза, много месяцев назад. В гипнотическом трансовом состоянии, он, как в замедленном кино, может увидеть в своём воображении движущуюся автомашину, и успеть прочесть её номер (если, конечно, он был доступен зрению при первичном восприятии). В гипнотическом состоянии можно приблизить или отдалить воспринимаемый в воображении объект, изменить угол его обзора, прокрутить вперёд и назад по времени, т.е. работать с ним как с воспринимаемым наличным объектом, а не как с пассивной фотографией. Но для того, чтобы осознать актуализованное из пассивного запаса памяти, нужен язык (в нашем случае обычный русский язык), ведь и гипнотическая инструкция сообщалась испытуемому посредством языка и сам испытуемый описывал извлечённый из памяти образ с помощью слов. Чем более формализован язык, тем чётче осознание, но меньше широта и уже охват семантического поля осознанного. Образно-символьный язык бессознательного позволяет предельно широкую возможность интерпретаций. Ситуация с выбором того или иного толкования образа (например

образа сновидения) напоминает процесс редукции волновой функции в физике (Пенроуз 2005; Менский 2007). История древнего мира даёт нам яркие примеры дельфийских оракулов и пифий, толковавших в неясных высказываниях образы собственного бессознательного, вызванные трансовыми состояниями под воздействием психотропных средств. Толкование прорицательниц были темны и многозначны. Широко известно не правильно понятое пророчество: "Если царь переступит через реку Галис, то разрушит великоецарство". Лидийский царь Крёз истолковал это пророчество как благоприятный прогноз и в результате его действий было разрушено его же собственное царство. Перевод с образно-символьного "языка" бессознательного, (предположительно содержащего информацию о "внеземном разуме"), на обычный язык требует разработки проблемы понимания (Знаков 2005), анализа семантики образа и семиотических исследований символа (Лотман 1992), разработки проблематики "психосемантики искусства" (Петренко 2013). Возможно что "психология искусства" (в частности, семиотика музыки) явится той "нитью Ариадны", которая выведет исследователей на контакт с Космосом. Не менее важной областью для установления такого контакта является сравнительное религиоведение, изучающее конкретные частные реализации трансперсонального "зова Космоса". Важными, в контексте обсуждаемой проблематики, являются изучение измененных состояний сознания (Тарт 2003. Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россохин А. В. 1998; Спивак 2000; Гордеева 2009) и трансперсональная психология (Гроф 2005, 2007; Минделл 2011;

Мэрфи 2009; Тарт 2003; Фрейджер, Фейдимен; Хант 2004; Козлов В.В., Майков В.В. 2004).

На смену гонки и конкуренции между странами в области атомной физики в двадцатом веке, придет в двадцать первом веке, (хотелось бы верить), кооперация и сотрудничество в области гуманитарных наук, и в первую очередь, психологии, постнеклассической философии (Стёпин 2003), структурной лингвистики и семиотики, столь необходимых для понимания "проблем понимания". Контакт с внесемными цивилизациями, предположительно предсказываемый около 2045 года, необходимо вызовет взрыв проблем и исследований в области гуманитарной науки, а на роль "царицы наук" на определённый отрезок "Мега истории" (или "Интегральной истории") выйдет психология.

В заключение хотелось бы выразить благодарность Д.И. Ицкову и А.П. Назаретяну, а также другим коллегам по движению "Глобальное будущее 2045" - А.Д.Панову, В.С. Стёпину, В.А.Лекторскому, В. И.Аршинову, Д.И. Дубровскому, С.В. Кричевскому, В.Л.Дунин-Барковскому, Т.Н. Щукину и всем другим, чья интеллектуальная смелость и убежденность подвигли меня к написанию этой, не совсем академической статьи.

Литература

1. Айенгар Б.К.С. Свет жизни: йога. Изд. АНФ, М., 2010
2. Алахвердов В.М. Сознание - кажущееся и реальное//Методология и история психологии 2009, № 1 с.137-150
3. Александров Ю.И. Эмоция и мораль. // Методология и история психологии 2008, № 3, с.186-208
4. Акопов Г.В. Классическая и /или не-

классическая психология сознания.// Методология и история психологии 2009, № 1 с. 130-136

5. Анохин П. К. Теория функциональной системы. - "Успехи физиол. наук", 1970, т. 1, № 1, с. 19-54.

6. Астафьева М.М., Герасименко Л. М., Гептнер А. Р и др. Ископаемые бактерии и другие микроорганизмы в земных породах и астроматериалах. ред. А.Ю. Розанова, Г. Т. Ушатиной Изд. палеонтологический Институт РАН, М. 2011.

7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества Изд. "Художественная литература" М., 1979.

8. Бернштейн Физиология движений и активности. Изд. "Наука", М. 1990

9. Бхагаван Шри Сатья Саи Баба. Йога и медитация. Изд. "Амрита -Русь", М. 2009

10. Василюк Ф.Е. "Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования)", Изд. "Смысл" М., 2005

11.

12. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Изд. "Педагогика" М. 1982-1984

13. Гордеева О. В.Изменённые состояния сознания и культура: основные проблемы и направления исследования в современной психологии // Изменённые состояния и культура. Хрестоматия. О. В. Гордеева — автор-составитель. Изд. "Питер", СПб., 2009.

14. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. Изд. "АСТ", М., 2005

15. Гроф С. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. Изд. АСТ, М. 2007

16. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. Изд. Институт психологии РАН, М. 2005

17. Далай-лама XIV Учение Его Святейшества Далай-ламы XIV для буддистов России. Посвящение Гухьясамаджи. Комментарий к тексту Гьялсэ Тогме Сангпо "37 практик Ботхисаттвы" Дхарамсала, Индия 2010

18. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Изд. "Наука" М., 1993

19. Игумен Георгий (Шестун), Подорожская И.А. Святоотеческое понимание созерцания// Созерцание как современная научно-теоретическая проблема. Изд. ПГСГА, под ред. Г.В. Аكوпова Самара 2011, с 95-112
20. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм / Под общ.ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. Изд. "Республика", М.: 1996.
21. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. Издательство "Питер", СПб 1999.
22. Карицкий И.Н. Психологические практики внутреннего созерцания реальности// Созерцание как современная научно-теоретическая проблема. под. ред Г.В.Акопов, Изд. ПГСГА" Самара, 2011 с. 95-112
23. Козлов В. В.Психотехнологии изменённых состояний сознания. Изд. Института психотерапии, 2-е изд., испр. и доп. М., 2001
24. Козлов В.В. Интегративная психология - возврат к предмету психологии// Методология и история психологии 2006 № 1, с.132-146
25. Козлов В.В., Майков В.В. Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние. М., 2004
26. Кучеренко В.В. Техника экспликации неосознаваемых субъектом знаний.// Индивидуальность как субъект и объект современной жизни. Изд. СГУ Смоленск 1996 с. 214-221.
27. Кучеренко В.В. Методика извлечения информации из пассивного запаса памяти// Методы психологии: Сборник научных трудов. Изд. РГУ, Ростов-на-Дону 1997 , т. 3 с.155-158
28. Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россохин А. В.Изменённые состояния сознания: психологический анализ// Вопросы психологии, 1998, № 3. — С. 70-78.
29. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981
30. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Изд. "Гнозис"М., 1992
31. Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти Изд. МГУ, М., 1968
32. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. Изд. "Евразия" СПб.:, 1999.
33. Минделл Квантовый ум. Грань между физикой и психологией. Изд. "Беловодье" М., 2011
34. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Странности квантового мира и тайна сознания.
35. Изд." Век 2" Фрязино, 2007
36. Мерфи М. Исследование дальнейшей эволюции человека. Изд. "Открытый мир" М., 2009
37. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Изд. "ПЕРСЕ", М. 2001
38. НазаретянА.П.. История и психология антропогенных кризисов гипотезатехногуманитарногобаланса. М. 2002.
39. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М. УРСС . 2008
40. Нида Ченагцанга Медитация Будды Медицины в окружении четырёх Дакинй. Изд. "Юток Линг" Улан-Удэ, 2010
41. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Изд. "Институт компьютерных исследований. Москва-Ижевск.2005
42. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как непосредственное название// Методология и история психологии. 2007 с. № 1, с 164-189
43. Петренко Космический странник - сознания. Опыт индивидуального брейншторминга. //Методология и история психологии 2009 № 1 с. 5-24
44. Петренко В.Ф. Психосемантика искусства. Изд. МГУ, М., 2013
45. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. "Наука" М. 1979
46. Поршнев Б.Ф. О Начале человеческой истории. Изд. "ФЭРИ" М., 2006
47. Сидерский А. Йога восьми кругов. Изд. "Ника-Центр", Киев 1998
48. Сопа Ринпоче лама. Для чего нужны затворы?http://savetibet.ru/2012/10/09/lama_

zora_ginpoche.html

49. Спивак Д.Л. Изменённые состояния сознания: психология и лингвистика "Издательский Дом Ювента", СПб, 2000
50. Стёпин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. М., 2003
51. Тарт Ч. Изменённые состояния сознания. Изд. "Эксмо", М., 2003
52. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998.
53. Турецкий М.И. Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии 2006, № 2, с. 113-127
54. Панов А.Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума. (SETI). Изд. "ЛКИ" М. 2008
55. Померанц Г. журнал " Русское богатство" М. 1994, № 2, с.6-318
56. Свами Вишнудевананда Гири. Медитация Махашанти (разбитого кувшина) Изд. "Дивья лока" . 2010
57. Уилбер К. Око духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. Изд. "АСТ", М., 2002.
58. Франкл В. Десять тезисов о личности // Психология личности: Хрестоматия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. М., 2008.
59. Феофан Затворник. Письма о духовной жизни. Изд. "Отчий дом". 2010
60. Фрейджер Р., Фейдимен Дж., Личность: теории, упражнения, эксперименты. СПб, 2008
61. Фрейджер Р., Фейдимен Дж., Гуманистическая, трансперсональная и экзистенциальная психология: К.Роджерс, А.Маслоу и Р.Мэй. Изд. "Еврознак" М., 2007
62. Хант Г. О природе сознания. Изд. Кравчука. М., 2004
63. Хоружий С. Исихазм и история. Источник: Цивилизации. Выпуск 2. Изд. "Наука" М., 1993
64. Чогьял Намкай Норбу. Прак тика долгой жизни бессмертной дакини. Изд. " Институт Шанг Шунг. 2009
65. Шестун Г. (игумен Георгий), Подорожская И.А. Святоотеческое понимание созерцания//Созерцание как современная научно-теоретическая проблема под. ред Г.В.Акопова, Изд. ПГСГА" Самара, 2011 с. 95-112
66. Шивананда Свами. Медитация на Ом. Изд. "София", 2001
67. Шойфет М.С. Нераскрытые тайны гипноза. Изд. "Рипол классик" М., 2006
68. Шойфет М. С. Психофизическая саморегуляция. Большой современный практикум. — Москва: Издательство "Вече", 2010.
69. Эриксон М. Г. Мой голос останется с вами: Обучающие истории [психолога и гипнотизера] Мильтона Эриксона [Пер. с англ.]; авт. предисл. Л. Хоффман; изд. и коммент. С. Розена. Изд. "Петербург-XXI век",- СПб., 1995.
70. Юнг К.Г. Синхрония. Изд. "Рефлбук" М., 2003.
71. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем.- М.: Политиздат, 1991.-527 с (Мыслители XX в.).

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Аяпбергенова Г.Б. (Шымкент, Казахстан)

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КРЕДИТНОЙ И ЛИНЕЙНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация

В статье излагаются результаты исследования динамики ценностей студентов естественно-научного и гуманитарного циклов 1 и 4 курсов, обучающиеся по кредитной и линейной технологиям обучения при помощи методики смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

Ключевые слова

Студент, ценности, динамика, локус контроля, ответственность, удовлетворенность

Базой исследования явился Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М.Сапарбаева. Выборку составили студенты естественно-научного и гуманитарного циклов 1 и 4 курсов, обучающиеся по кредитной и линейной технологиям обучения.

Для анализа ценностных ориентаций студентов первокурсников мы использовали методику смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева. Средние показатели представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средние показатели смысложизненных ориентаций студентов 1 курса, обучающихся по кредитной технологии

Субшкалы жизненных ориентаций	Средние значения по тесту
Цели	29,65
Процесс	30
Результат	26,25
Локус контроля Я	20,55
Локус контроля жизнь	31,75

Из таблицы видно, что локус контроля жизни преобладает над другими субшкалами жизненных ориентаций. Однако все

средние показатели находятся в пределах средних значений в соответствии с тестовыми нормами. По шкале Локус контроля Я наблюдается тенденция к низким значениям. Такие результаты позволяют сделать вывод о том, что у студентов преобладает убеждение, что человеку дано контролировать свою жизнь. В то время как минимальным показателем отличается локус контроля Я, что указывает на неверие в свои силы. В целом студенты удовлетворены собственной жизнью, им характерна направленность в будущее, позитивное отношение к прошлому, наличие целей и стремление их реализовать.

Таблица 2

Средние показатели смысложизненных ориентаций студентов 1 курса, обучающихся по линейной технологии

Субшкалы жизненных ориентаций	Средние значения по тесту
Цели	30,45
Процесс	29,75
Результат	26,55
Локус контроля Я	22,25
Локус контроля жизнь	31,55

Из таблицы видно, что локус контроля жизни преобладает над другими субшкалами жизненных ориентаций. Однако все средние показатели находятся в пределах средних значений в соответствии с тестовыми нормами. По шкале Локус контроля Я наблюдается тенденция к низким значениям. Такие результаты позволяют сделать вывод о том, что у студентов преобладает убеждение, что человеку дано контролировать свою жизнь. В то время как минимальным показателем отличается локус контроля Я, что указывает на неверие в свои силы. В целом студенты удовлетворены собственной жизнью, им характерна направленность в будущее, позитивное отношение к прошлому, наличие целей и стремление их реализовать.

Таким образом, проведя синтез полученных результатов исследования, мы можем сказать, что одной из основных характеристик ценностно-смысловой ориентаций студентов 1 курса, обучающихся как по кредитной, так и по линейной технологиям обучения, является оптимистический взгляд на окружающую действительность и на свое настоящее и будущее. В результате исследования выяснилось, что большинство опрошенных молодых людей сводят жизненную позицию к стремлению достижения высоких результатов в жизни, их жизненная позиция проявляется, прежде всего, в том, ориентацией на социальные нормы поведения – честность, аккуратность, установление доброжелательных близких отношений с другими; наиболее значимая сфера – общение, организация собственной жизни насыщенной событиями. Для студентов первокурсников очень значимы все аспекты человеческих взаимоотно-

ношений, они часто бывают убеждены в том, что самое ценное в жизни – это возможность общаться и взаимодействовать с другими людьми.

Однако следует отметить тенденцию к недостаточному принятию ответственности за происходящие события, рационализм, умение контролировать жизнь в соответствии с поставленными целями. В то же время актуальными становятся вопросы, связанные с личностным и, в частности, с профессиональным самоопределением, особое значение приобретает стремление к самоутверждению в отношениях со значимыми другими.

Рассмотрим особенности ценностно-смысловой ориентации студентов 4 курса, обучающихся по кредитной и линейной технологиям обучения.

Изучение смысложизненных ориентаций, проводимое с помощью методики СЖО позволили выявить следующие усреднённые результаты среди студентов четверокурсников, которые мы отразили в таблице 3.

Таблица 3

Средние показатели смысложизненных ориентаций студентов 3 курса, обучающихся по кредитной технологии

Субшкалы жизненных ориентаций	Средние значения по тесту
Цели	35,85
Процесс	33,75
Результат	28,95
Локус контроля Я	21,6
Локус контроля жизнь	32,2

По данным таблицы мы видим, что субшкала цели преобладает над другими субшкалами жизненных ориентаций. Высокие значения по этой шкале характеризуют не только целеустремлённых людей,

но и студентов, чьи планы имеют реальную опору в настоящем. В целом все показатели находятся в пределах средних с тенденцией к высоким значениям.

Таблица 4

Средние показатели смысложизненных ориентаций студентов 4 курса, обучающихся по линейной технологии

Субшкалы жизненных ориентаций	Средние значения по тесту
Цели	35,7
Процесс	34,2
Результат	29,55
Локус контроля Я	20,5
Локус контроля жизнь	31,8

По данным таблицы мы видим, что субшкала цели преобладает над другими субшкалами жизненных ориентаций. Высокие значения по этой шкале характеризуют не только целеустремлённых людей, но и студентов, чьи планы имеют реальную опору в настоящем. В то время как минимальным показателем отличается локус контроля Я, что указывает на неверие в свои силы. В целом все показатели

находятся в пределах средних с тенденцией к высоким значениям.

На основе данного исследования можно сделать вывод о ценностных ориентациях студентов 4 курса, обучающихся как по кредитной, так и по линейной технологиям.

1. Студенты 4 курса предпочитает «вещные» формы богатства «духовным».

2. Наблюдается сознательная ориентация больше на профессиональный рост, чем на семью.

3. Основная потребность – это усиление роли профессионально-трудового типа стратегии экономического поведения.

4. Свойственно прагматическое отношение к жизни.

Учитывая отношения испытуемых к своему прошлому, настоящему, будущему и возможности контроля своей жизненной позиции, показанные на рисунке 1, можно отметить тенденцию к более высоким значениям по перечисленным шкалам методики СЖО в группе студентов 4 курса обучения.

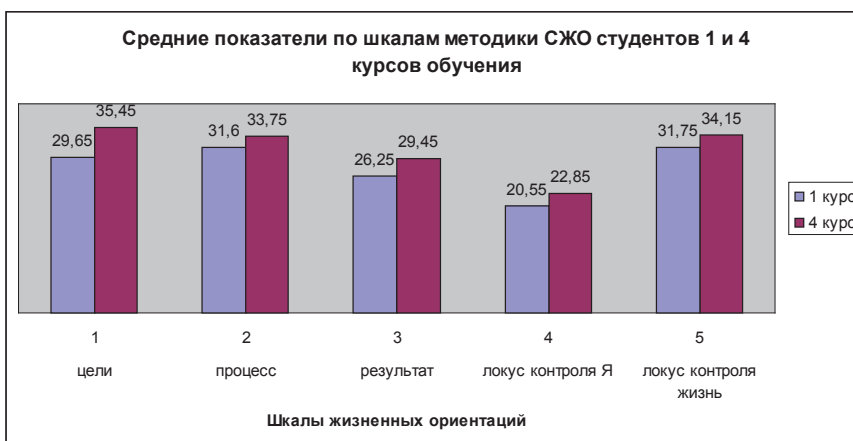

Рисунок 1. Средние показатели по шкалам методики СЖО студентов 1 и 4 курсов, обучающихся по кредитной и линейной технологиям

Для проверки значимости различий по шкалам мы учитывали высокие значения, сопоставляя их с тестовыми нормами и критерий φ^* - угловое преобразование Фишера. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5

Показатели высоких значений по шкалам опросника СЖО студентов 1 и 4 курсов, обучающихся по кредитной и линейной технологиям

Шкалы	Студенты 1 курса обучения	Студенты 2 курса обучения	φ^*
Цели	15%	60%	3,08 ($p<0,001$)
Процесс	15%	35%	1,49 ($p<0,07$)
Результат	30%	65%	2,26 ($p<0,012$)
Локус контроля Я	15%	55%	2,77 ($p<0,01$)
Локус контроля жизнь	40%	50%	0,63

Как видно из таблицы 5 значимые различия в преобладании высоких значений наблюдаются по таким шкалам, как цели в жизни, отражающие ориентацию на будущее, с учетом настоящего (процесс) и удовлетворенностью прошлым опытом (результат), так же значительное преобладание уверенности в собственных силах, принятии ответственности за происходящее в жизни у студентов 4 курса обучения (локус контроля Я). Таким образом, молодые люди, находящиеся на этапе завершения обучения в вузе, в значительно большей степени целеустремленны, ответственны за реализацию поставленных целей, имеют выраженную временную перспективу – нацелены на будущее, при этом вкладывающие смысл

жизни в настоящем, и осмысленно относящиеся к прошлому.

У студентов 1 курса обучения баллы по шкалам находятся в пределах средних значений. Однако, по шкале Локус контроля Я наблюдается тенденция к средне-низким значениям, в то время как у четверокурсников – к средне-высоким значениям, что позволяет сделать вывод о том, что студентам 4 курса присуща гораздо большая уверенность в собственных силах и ответственность за реализацию поставленных целей.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ценностные ориентации студентов различаются на разных этапах обучения и при этом не имеют различия в зависимости от технологии обучения.

Для определения корреляций между адаптивными способностями и научным направлением подготовки студентов мы пользовались коэффициентом ранговой корреляции Спирмена:

$$R_s = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^n d_i^2}{n^3 - n}$$

Предполагаемая зависимость не установлена. На основании чего мы можем сделать вывод, что успешность процесса адаптации студентов к условиям обучения в вузе не зависит от выбранного ими научного направления. Предполагаем, что это происходит на основании выбора студентами специальности для поступления в вуз соответственно своим личностным особенностям.

Для определения корреляций между адаптивными способностями и кредит-

ной технологией обучения студентов мы пользовались коэффициентом ранговой корреляции Спирмена. Получен коэффициент корреляции равный 0,128, значимый на уровне 0,05.

На основании чего мы можем сделать вывод, что кредитная технология обучения оказала положительное влияние на адаптацию студентов к условиям обучения в вузе.

Литература

1 Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. С.487.

2 Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992. С.16.

3 Леонтьев Д.А., Калашников М.О., Калашникова О.Э. Факторная структура теста смысложизненных ориентаций.// Психол. журн. 1993. Т.14. № 1. С.150.

Бовин Б.Г., Федорова Е.М. (Москва, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УИС

Аннотация. В статье раскрыты некоторые проблемы психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы, описаны признаки (критерии) профессионального отчуждения как деструкции профессиональной направленности личности, осуществлен анализ методик диагностики профессионального отчуждения, профессиональной идентичности личности.

Abstract. The article deals with some problems of psychological alienation prevention of professional staff of the penal system, describes signs (criteria) of professional alienation as destruction of professional orientation of the person, carried out an analysis of methods of diagnosis of professional alienation, professional personal identity.

Ключевые слова: профессиональное отчуждение, профессиональная идентичность, профессиональная деструкция, профессиональные кризисы, психологическая профилактика, психологическая коррекция, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Keywords: professional alienation, professional identity, professional destruction, professional crises, psychological prevention, psychological correction, staff of the penal system.

Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) проходит в неблагоприятных и часто экстремальных условиях, следствием которых могут быть нарушения, проявляющиеся в виде различных деструктивных явлений. В целях своевременной профилактики деструктивного поведения сотрудников УИС, возникающих в результате выполнения служеб-

ной деятельности, руководство ФСИН России сформулировало ряд задач, среди которых основными были следующие: организация целенаправленных психологических исследований; организация обучения специалистов психотерапевтическим методам; разработка программ психологического обеспечения деятельности сотрудников различных служб УИС и др. [6].

Одной из причин деструктивного поведения сотрудников возможно является профессиональное отчуждение, характеризующееся ухудшением качества профессиональных характеристик и личностной позицией непричастности к общественно приемлемой для данной профессии морали [2, с. 44–46]. Деструктивные изменения затрагивают следующие подструктуры личности: профессиональную направленность, компетентность, профессионально важные психологические качества и другие характеристики, которые негативно сказываются на профессиональной деятельности сотрудника УИС.

В целях выявления проблем, связанных с профессиональным отчуждением сотрудников УИС, был проведен экспертный опрос, в котором участвовало 57 практических психологов территориальных органов ФСИН России. Использовалась анкета, разработанная авторским коллективом в целях исследования профессиональных трудностей, возникающих в деятельности практических психологов УИС [5]. Анализ полученных данных выявил две основные проблемы, возникающие в процессе психопрофилактики профессионального отчуждения сотрудников УИС:

- 1) отсутствие методов для психодиагностики профессионального отчуждения;
- 2) недостаток теоретических и методических разработок по профилактике и психокоррекции профессионального отчуждения.

В связи с этим необходима, в первую очередь, разработка методов психодиагностики состояний профессионального отчуждения сотрудников УИС на различных этапах служебной деятельности.

Вначале приведем признаки или критерии отчуждения:

1. Деятельность не развивает человека ни физически, ни духовно.
2. Профессиональная деятельность вынужденная, т.к. это лишь средство для удовлетворения жизнеобеспечивающих базовых потребностей.
3. Деятельность человека является чем-то внешним, не принадлежащим к его внутренней сущности (эти три признака по К. Марксу).
4. Профессиональная деятельность сотрудника УИС осуществляется в условиях чуждой и враждебной субкультуры осужденных, что способствует невротизации личности сотрудника (по исследованиям личного состава исправительных учреждений в 80-годы прошлого столетия 10% из них страдали ипохондрическим синдромом, проявляющимся так называемым «уходом в болезнь») – психоаналитический критерий
5. При отчуждении происходит переживание утраты контроля над своей жизнью, стойкая неудовлетворенность и нигилизм (признак отчуждения по Э. Фромму).
6. Нарушение нормальных взаимоотношений личности и окружающих людей. По К. Хорни у личности формируется отношение «против людей» или «от людей», что является одним из признаков отчуждения.
7. Актуализация враждебности, разрушительных импульсов, властных мотивов.
8. Возникновение морального конфликта, что также способствует развитию невроза, поскольку сотрудник вынужден принять навязанные неформальные правила, противоречащие его установкам.

9. Утрата смыслообразующих мотивов профессиональной деятельности. И если деятельность продолжается, то только на основе внешней стимуляции и отсутствия других источников жизнеобеспечения.

10. Утрата веры в способность влиять на профессиональные ситуации при сохранении понимания их важности.

11. Дезорганизация норм, когда сотрудник сталкивается с противоречивой ситуацией, когнитивным диссонансом и для его разрешения вынужден прибегать к социально неодобряемому поведению.

12. Отчуждение сотрудника от декларируемых целей и ценностей, которые противоречат его личным убеждениям.

13. Ощущение, что самого сотрудника, его способности и умения используют как инструмент, нужный другим, но не ему самому.

14. Рассогласование объективного значения деятельности сотрудника с его субъективным личностным смыслом.

Все эти признаки профессионального отчуждения, выявленные многочисленными зарубежными и отечественными исследователями, возможно характерны и для сотрудников УИС. В этой связи желательно разработать опросник, анкету или использовать исследовательское интервью, включающие перечисленные выше признаки профессионального отчуждения.

В большинстве научных работах, рассматривающих проблему диагностики дихотомии «идентичность – отчуждение» использовались следующие методики: опросник «Изучение профессиональной идентичности» Н.Н. Егоровой (разработанный на основе опросника Дж. Марсия) [1, с. 69–74]; тест М. Куна,

Т. Макпартленда «Кто Я?» (модификация Т.В. Румянцевой); авторские методики Л.Б. Шнейдер, в том числе используемые в процессе тренинга профессиональной идентичности: мини-тест для первоначальной и завершающей диагностики, анкета целей профессионального и личностного развития, методика незавершенных предложений и др. [8, 13, 14]. Наиболее известная и апробированная методика из вышеперечисленных – это тест М. Куна, Т. Макпартленда «Кто Я?» (модификация Т.В. Румянцевой), остальные методики – авторские, разработанные для исследования в конкретных профессиональных группах. Результаты применения этих методик интерпретируются, в основном, с помощью контент-анализа и не всегда дают четкую картину при диагностике профессионального отчуждения как профессиональной деформации личности.

В качестве дополнительных методов диагностики профессионального отчуждения используются: тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева; экспресс-диагностика уровня социальной изолированности личности Д. Рассела, М. Фергюссона; методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко) [9]. Однако нужно учитывать, что эти методики направлены на диагностику не профессионального, а социального отчуждения и могут лишь косвенно указывать на состояние профессионального отчуждения.

Некоторые исследователи отмечают, что приведенные в различных работах определения дихотомии «идентичность–отчуждение» личности метафоричны и широки, что затрудняет операционализа-

цию переменных эмпирического исследования и подбор психодиагностических методик для оценки состояния профессиональной идентичности – отчуждения личности [1, с. 70]. Н.Н. Егоровой была разработана методика изучения профессиональной идентичности педагогов, основанная на статусной модели идентичности Дж. Марсиа; методике изучения статусов профессиональной идентичности А.А. Азбель и А.Г. Грецова; исследованиях профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер и других научных работах.

Статусная модель идентичности Дж. Марсиа (Марсиа Дж., 1980) широко применяется в психологических исследованиях подростков и в настоящее время приобрела самостоятельное значение. Критериями для выделения статусов послужили два параметра: 1) наличие или отсутствие кризиса; 2) принятие обязательств по двум основным сферам функционирования: профессия и идеология. Понятие «кризис» относится к тому периоду жизни подростка, когда он раздумывает, о профессиональном пути, целях, ценностях и формирует убеждения и установки, которым он хочет следовать в жизни. Осознание ответственности предполагает принятие решений относительно выбора профессии и идеологии, а также выработку целевых стратегий для реализации принятых решений [15].

Н.Н. Егоровой выделены четыре типа профессиональной идентичности [1, с. 72–73]:

1. Диффузная идентичность, или неопределенное состояние профессиональной идентичности. Характерна для специалиста, не задумывающегося над смыслом своего труда, просто делающего то, за что ему платят. Возможны сле-

дующие проявления: негативная оценка своего дела; его демонстративное избегание вплоть до агрессивной враждебности; избегание причисления себя к низко оцениваемой профессиональной группе; отсутствие стремления к самосовершенствованию в профессиональной сфере; отсутствие конкретных профессиональных целей и карьерных планов; пребывание в функциональном вакууме, отстранение от профессионального будущего как такового; стремление освободиться от восприятия профессиональной информации (знаний), необходимости совершать профессиональный выбор, от профессионально-обусловленных переживаний, компонентов профессиональной деятельности; нередко характерно переживание ряда негативных состояний, включая пессимизм, апатию, тоску, ненаправленную злобу, отчуждение, тревогу, чувства беспомощности и безнадежности.

2. Преждевременная, или навязанная, профессиональная идентичность. Характерна для человека, который приобретает профессию и работает по ней, но этот выбор был сделан им несамостоятельно, который никогда не переживал состояния кризиса идентичности, но тем не менее обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений. У таких людей элементы идентичности формируются достаточно рано в жизни, но это происходит не в результате самостоятельного поиска и выбора, а чаще всего вследствие идентификации с родителями или другими значимыми людьми. Принятые таким образом цели, ценности и убеждения могут быть сходными с родительскими или отражать ожидания родителей.

Работа воспринимается обычно как долг, обязательство. Такой профессионал

не часто меняет место работы, а если меняет, все равно стремится остаться там же, где работал раньше. Выполняя профессиональные обязанности, он стремится не ощутить себя «хуже других», что может проявляться в подчеркнутой «целостности» со своим делом. Все это может перерасти в конформизм, стремление к уподоблению, неумение мыслить самостоятельно, нежелание задавать вопросы и искать истину. Нередко такой специалист продолжает вне работы носить служебную одежду, использует профессиональный лексикон и особую терминологию, часто апеллирует к своим профессиональным примерам; стремится снять с себя ответственность за свои профессиональные действия и предпочитает действовать по указке, трафаретно.

3. Мораторий, или кризис профессионального выбора. Такое состояние возможно у специалиста, который долго находится на стадии кризиса профессиональной идентичности или кризиса профессионального выбора; он может стать «вечным искателем», который меняет множество профессий, но ни на чем не может остановиться. Такое состояние предполагает свободное владение человеком профессиональной ролью, умение отодвигаться от личного и концентрироваться на профессиональной ситуации, умение сознательно и адекватно использовать свой профессиональный опыт в личной жизни. Могут наблюдаться: сознательный отход от профессиональной группы, дела, отдельного человека; освобождение от вынужденного общения, необходимости постоянно находиться в формальном контакте, играть с другими в социальные игры, от внешних условий и условностей жизни, от ожиданий

и оценок другими людьми, не совпадающими со своим представлением о себе, от манипуляций, попыток внедрения на территорию личностного пространства. Если человек свободный, но ответственный (нередко такие люди талантливые или одаренные), то он транслирует другим свое свободолобие, независимость, оригинальность мышления. Нередко случается, что работа интересует такого специалиста только до тех пор, пока он не достигнет в ней мастерства, после чего ему становится скучно, неинтересно, и он меняет место работы или профессию. Такой специалист активно пытается разрешить кризис, пробуя различные варианты.

4. Достигнутая, или сформированная, профессиональная идентичность. При этом статусе, человек, как правило, искренне заинтересован в том деле, которым занимается, считает его своим призванием; достигает высокого уровня профессионализма и знает себе цену; уверен в правильности своего профессионального выбора и не склонен его изменять, хотя и вполне может поменять место работы; разделяет профессиональные традиции, ценности и смыслы творческой деятельности; проявляет сотрудничество и сопереживания в коллективном труде, созидание; обсуждает значимые вопросы преимущественно в пределах профессиональной группы; самоактуализировал свой идеал Человека-Мастера, свои творческие возможности; стремится к самосовершенствованию в профессиональной деятельности; достигая высших, достойных целей профессиональной деятельности, несет ответственность за свои действия; сформированы мотивационно-ценностное отношение к своей

деятельности и устойчивый образа Я; специалист, обычно прошедший период кризиса и самоисследований и сформировавший определенную совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений; знает, кто он, чего он хочет, и соответственно структурирует свою жизнь; свойственно чувство доверия, стабильности, оптимизм в отношении будущего; осознание трудностей не уменьшает стремления придерживаться избранного направления; свои цели, ценности и убеждения переживает как личностно значимые и обеспечивающие чувство направленности и осмысленности жизни.

В рамках проведенного нами исследования проблем психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников УИС [5, 7] был апробирован опросник «Изучение профессиональной идентичности» Н.Н. Егоровой. В опросе участвовали 1470 аттестованных сотрудников (мужчин и женщин в возрасте от 21 до 50 лет) УФСИН (ГУФСИН) России по Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Удмуртской Республике, Еврейскому автономному округу, Алтайскому, Краснодарскому, Красноярскому, Приморскому краям, по г. Москва, г. Санкт-Петербург и Ленинградской области, Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Иркутской, Калининградской, Кемеровской, Кировской, Курской, Липецкой, Новосибирской, Орловской, Омской, Пермской, Псковской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Свердловской, Тверской, Томской, Тульской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской, Ярославской областям.

Участвовавшие в опросе сотрудники были разбиты на две группы: 1) молодые,

менее опытные, недавно пришедшие на службу в УИС, стаж службы в УИС – не более 2 лет (50 % респондентов); 2) наиболее опытные профессионально успешные сотрудники, по мнению руководства учреждений, достаточно давно служащие в УИС (50 % респондентов).

Анализ результатов, полученных с помощью опросника «Изучение профессиональной идентичности» Н.Н. Егоровой, показал, что среди менее опытных сотрудников, стаж службы в УИС – не более 2 лет (рис. 1):

1) диффузная идентичность, или неопределенное состояние профессиональной идентичности (средняя степень выраженность статуса) – 11,7 %;

2) преждевременная, или навязанная, идентичность (средняя степень выраженности статуса) – 2,9 %;

3) мораторий, или кризис профессионального выбора (средняя степень выраженности статуса) – 3,1 %;

4) достигнутая, или сформированная, идентичность:

- статус выражен незначительно – 23,2 %;

- средняя степень выраженности статуса – 59,1 %;

- статус выражен – 0 %.

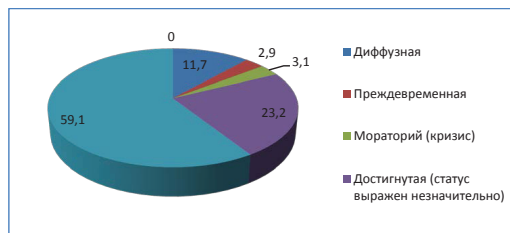

Рис. 1. Статусы профессиональной идентичности менее опытных сотрудников, срок службы в УИС – менее 2 лет (%)

Опрос наиболее опытных сотрудников, стаж службы в УИС – более 2 лет, показал следующие результаты (рис. 2):

1) диффузная идентичность, или неопределенное состояние профессиональной идентичности (средняя степень выраженности статуса) – 4,8 %;

2) преждевременная, или навязанная, идентичность (средняя степень выраженности статуса) – 1,3 %;

3) мораторий, или кризис профессионального выбора (средняя степень выраженности статуса) – 9,7 %;

4) достигнутая, или сформированная, идентичность:

- статус выражен незначительно – 8,2 %;
- средняя степень выраженности статуса – 72,4 %;
- статус выражен – 3,6 %.

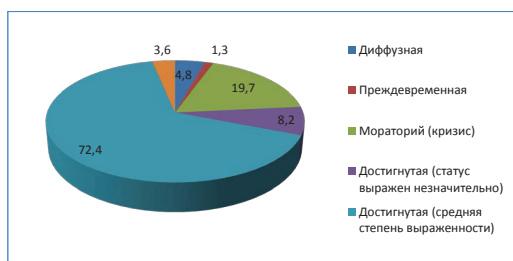

Рис. 2. Статусы профессиональной идентичности более опытных сотрудников, срок службы в УИС – более 2 лет (%)

Если рассмотреть полученные результаты по степени выраженности профессиональной идентичности, в соответствии с предложенной классификацией, то можно получить следующую последовательность: диффузная – навязанная – незначительная – средняя – выраженная идентификация. Кризис можно оценить

как обратное движение от идентичности к отчуждению, т.е. то, что было своим, стало чужим.

Диффузная идентичность, характеризующаяся негативной оценкой деятельности; отсутствием интереса и стремления к самостоятельности в профессии; низкой оценкой своей профессиональной группы; переживанием негативных эмоциональных состояний и т.п., отмечается почти у 12 % сотрудников, начинающих службу в УИС, но значительно снижается в процессе прохождения службы до 5 % у опытных сотрудников.

Навязанная идентичность, характеризующаяся несамостоятельностью профессионального выбора; восприятием работы как обязанности, навязанной родителями или социальным окружением; конформистским поведением; подражательностью другим; отсутствием стремления к достижениям («лишь бы не хуже других»); боязнью ответственности, – характерна для 3 % сотрудников. В процессе профессиональной деятельности количество подобных индивидов снижается примерно до 1 %.

Сформированная профессиональная идентичность характеризуется профессиональным интересом; уверенностью в правильности выбора; следованием традициям; стремлением к совершенству в профессии; ответственностью; наличием ясно сформулированных целей и ценностей; осознанностью смысловых образований. Это наиболее распространенная категория сотрудников УИС, как среди начинающих – 82 %, так и среди опытных сотрудников – 84%. Различие между ними лишь в уровнях идентичности: незначительный у 23 % начинающих служб и 8 % – у опытных; средний – 59 % и

72% соответственно; выраженный – 0% и 4% соответственно.

Кризисные явления профессиональной идентичности характерны для 3 % начинающих службу и 10 % опытных сотрудников УИС. Возможно, подобный кризис связан с потерей интереса к службе, невозможностью дальнейшего профессионального развития, профессиональной истощаемостью – так называемым «выгоранием», потерей смысла и обесцениванием службы.

Пристатейный список литературы

1. Егорова Н.Н. Психологические особенности профессионального отчуждения педагогов: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М., 2007.

2. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. С. 44–46.

3. Коданева М.С. Становление профессиональной идентичности психологов уголовно-исполнительной системы: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03. М.: Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008.

4. Мешкова Л.В., Федорова Е.М. Об актуальности развития организационной идентичности сотрудников, включенных в резерв руководящих кадров ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 5. С. 17-19.

5. Проблемы психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы: аналитический обзор с предложениями / Е.М. Федорова [и др.]; ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2014.

6. Решение коллегии ФСИН России «Особенности организации и перспективы развития психологической работы с личным составом уголовно-исполнительной системы в рамках реализации положения Концепции

развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»: приказ ФСИН России от 07.12.2012 «Об объявлении решений коллегий Федеральной службы исполнения наказаний».

7. Теория и практика психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы: методическое пособие / Е.М. Федорова [и др.]; ФКУ НИИ ФСИН России; УВСПР ФСИН России. М., 2014.

8. Тренинг профессиональной идентичности: руководство для преподавателей вузов и практикующих психологов / автор-составитель Л.Б. Шнейдер. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008.

9. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие. М.: Психотерапия, 2009.

10. Федорова Е.М., Мешкова Л.В. Формирование профессиональной идентичности курсантов вузов ФСИН России // Подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы в современных условиях: от бакалавриата до адъюнктуры: сборник материалов научно-методической конференции (13–14 февраля 2014 г., г. Рязань, Академия ФСИН России). Рязань: Академия ФСИН России, 2014. С. 273–279.

11. Федорова Е.М. Особенности психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников правоохранительных органов // Психология управления в органах внутренних дел: становление методологии и помощь практике: сборник материалов Международной научно-практической конференции (15 декабря 2014 г., Академия управления МВД России, г. Москва). М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 266–271.

12. Федорова Е.М. Особенности психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Современная психология:

теория и практика: сборник материалов международной научной конференции (Институт стратегических исследований, г. Москва, 29 июня 2013 г.). М., 2013. С. 151–154.

13. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2001.

14. Шнейдер Л.Б. Экспериментальное изучение профессиональной идентичности. М.: ООО «Принт», 2000.

15. Marcia J. Identity in adolescence // Handbook of adolescence psychology. N.Y. 1980. P. 159–187.

16. Serafini T.E. Functions of Identity: Scale Construction and Validation / T.E. Serafini, G.R. Adams // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. Vol. 2. №4. P. 363–391.

REFERENCES

1. Egorova N.N. Psihologicheskie osobennosti professional'nogo otchuzhdenija pedagogov: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.07. M., 2007.

2. Zeer Je.F., Symanjuk Je.Je. Psihologija professional'nyh destruk-cij: uchebnoe posobie dlja vuzov. M.: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2005. P. 44–46.

3. Kodaneva M.S. Stanovlenie professional'noj identichnosti psihologov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.03. M.: Fakul'tet psihologii MGU im. M.V. Lomonosova, 2008.

4. Meshkova L.V., Fedorova E.M. Ob aktual'nosti razvitija organizacionnoj identichnosti sotrudnikov, vkljuchennyh v rezerv rukovodjashhijh kadrov FSIN Rossii. Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2014. № 5. P. 17–19.

5. Problemy psihologicheskoj profilaktiki professional'nogo otchuzhdenija sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: analiticheskij obzor s predlozhenijami / E.M. Fedorova [i dr.]; FKU NII FSIN Rossii. M., 2014.

6. Reshenie kollegii FSIN Rossii «Osobennosti organizacii i perspektivy razvitija psihologicheskoj raboty s lichnym sostavom ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v ramkah

realizacii polozenija Konceptii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda»: prikaz FSIN Rossii ot 07.12.2012 «Ob ob#javlenii reshenij kollegij Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij».

7. Teorija i praktika psihologicheskoj profilaktiki professional'nogo otchuzhdenija sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: metodicheskoe posobie / E.M. Fedorova [i dr.]; FKU NII FSIN Rossii; UVSPR FSIN Rossii. M., 2014.

8. Trening professional'noj identichnosti: rukovodstvo dlja prepodavatelej vuzov i praktikujushhijh psihologov / avtor-sostavitel' L.B. Shnejder. M.: Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izd-vo NPO «MODJeK», 2008.

9. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp: uchebnoe posobie. M.: Psihoterapija, 2009.

10. Fedorova E.M., Meshkova L.V. Formirovanie professional'noj identichnosti kursantov vuzov FSIN Rossii. Podgotovka sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v sovremennyh uslovijah: ot bakalavriata do ad#junkтуры: sbornik materialov nauchno-metodicheskoi konferencii (13–14 fevralja 2014 g., g. Rjazan', Akademija FSIN Rossii). Rjazan': Akademija FSIN Rossii, 2014. P. 273–279.

11. Fedorova E.M. Osobennosti psihologicheskoj profilaktiki professional'nogo otchuzhdenija sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. Psihologija upravlenija v organah vnutrennih del: stanovlenie metodologii i pomoshh' praktike: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii (15 dekabnja 2014 g., Akademija upravlenija MVD Rossii, g. Moskva). M.: Akademija upravlenija MVD Rossii, 2014. P. 266–271.

12. Fedorova E.M. Osobennosti psihologicheskoj profilaktiki professional'nogo otchuzhdenija sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. Sovremennaja psihologija: teorija i praktika: sbornik materialov

mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Institut strategicheskikh issledovanij, g. Moskva, 29 ijunja 2013 g.). M., 2013. P. 151–154.

13. Shnejder L.B. Professional'naja identichnost': monografija. M.: MOSU, 2001.

14. Shnejder L.B. Jeksperimental'noe izuchenie professional'noj identichnosti. M.: OOO «Print», 2000.

15. Marcia J. Identity in adolescence // Handbook of adolescence psychology. N.Y. 1980. P. 159–187.

16. Serafini T.E. Functions of Identity: Scale Construction and Validation / T.E. Serafini, G.R. Adams // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. Vol. 2.No.4. P. 363–391.

*Колодин В.В., Усатаева Г.М.,
Калматаева Ж.А. (Алматы, Казахстан)*

СКРИНИНГ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РИСКА У ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ НЕИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПМСП.

Аннотация: Психологические факторы риска такие как наличие признаков тревоги и депрессии характерно для всех групп пациентов с ХНИЗ, однако в большей степени подвержены пациенты с онкологическими заболеваниями 58,53% ($\pm 4,29$) и пациенты у которых диагностировано более одного ХНИЗ 46,67% ($\pm 4,34$). У пациентов с ССЗ признаки тревоги и депрессии выявляются у 28,13% ($\pm 3,91$), у пациентов с диабетом 2 типа 15,38% ($\pm 3,4$). Необходимо дальнейшие исследования с большим количеством выборки. Использованием инструментов направленных на оценку проявлений стресса, тревоги и депрессии, с возможностью изучения корреляций между данными нескольких психометрических инструментов. Так же необходима работа по адаптации и валидации на казахский и русский языки Дистресс термометра (DT), Шкалы восприятия стресса (PSS-10).

Ключевые слова: первичная медико-санитарная помощь, хронические неинфекционные заболевания, психологические факторы риска, скрининг.

Screening of psychological risk factors in patients with chronic non-communicable diseases in primary health care organizations.

Abstract: Psychological risk factors such as the presence of symptoms of anxiety and depression is typical for all groups of patients with NCD, however, are more susceptible to cancer patients 58,53% ($\pm 4,29$) and patients diagnosed with more than one NCD 46.67% ($\pm 4,34$). In patients with CVD symptoms of anxiety and depression detected in 28,13% ($\pm 3,91$), in patients with type 2 diabetes 15,38% ($\pm 3,4$). Further research is needed with a large number of samples, using tools for evaluating the manifestations of stress, anxiety and depression, with the possibility of studying the correlations between the number of psychometric instruments. Also need to work on the adaptation and validation of the Kazakh and Russian languages Distress Thermometer (DT), Perceived Stress Scale- 10 Item (PSS-10).

Key words: primary health care, chronic non-communicable diseases, psychological risk factors, screening.

Приоритет в развитии организаций первичной медико-санитарной помощи (ПМСП) один из ключевых векторов развития современных систем здравоохранения. Уже несколько десятилетий, Казахстан демонстрирует приверженность этим принципам. В государственной программе «Саламатты-Казахстан», значимое место отводится, развитию социально-ориентированной ПМСП. На которую, возлагается значительная ответственность по снижению уровня хронических неинфекционных заболеваний (ХНИЗ), обусловленных поведенческими факторами риска, путем комплексного подхода к профилактике [1].

Хронические неинфекционные заболевания (ХНИЗ), ежегодно являющиеся основной причиной смерти более чем 36 млн человек, представляет собой одну из значительных вызовов перед современным здравоохранением. При этом наибольшую угрозу представляет группа из ограниченного количества ХНИЗ, включающая сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) 17,5 миллионов человек, онкологические заболевания (ОНКО) 8,2 миллиона, сахарный диабет 1,5 миллиона, хронические респираторные расстройства 4 миллиона [2]. На их долю приходится основная часть (более 80%) всех случаев смерти от неинфекционных заболеваний в мире, их также называют основными ХНИЗ [3].

Так же по данным ВОЗ, относительный показатель смертности (% от общего числа случаев смерти, все возрастные группы, оба пола) в Казахстане, от данных 4-х групп заболеваний составляет сердечно-сосудистые заболевания 54%, онкологические заболевания 15%, диабет 1%. [4]. По данным статистического сбор-

ника за 2013 по г. Алматы заболеваемость на 100 тыс населения по основным ХНИЗ представлена следующим образом: заболевания характеризующиеся повышенным кровяным давлением 2799.0, на 100 тыс, ИБС 971.6, инфаркт миокарда 53.0, цереброваскулярные 192.5, онкологические заболевания 580.5, диабет 220.0 [5].

Многочисленные исследования доказывают, о тесной взаимосвязи таких заболеваний как, сердечно-сосудистые, онкологические, эндокринные с повышенным риском развития проблем психического здоровья. Наиболее часто, у пациентов данных нозологических групп отмечается, ПТСР, депрессивные и тревожные расстройства [6,7,8].

По данным нескольких эпидемиологических исследований, проведенного на российской популяции, наличие ХНИЗ увеличивало вероятность тревоги и депрессии не менее чем в 2,5 раза [9, 10].

В некоторых исследованиях отмечается, что для онкологических пациентов риск развития депрессивных расстройств варьируется от 11% - 93%, в зависимости от локализации заболевания [11,12]. Умеренные признаки тревожных расстройств отмечаются у 29%, пациентов с онкологическими заболеваниями, груди, желудочно-кишечного тракта, печени, щитовидной железы [13]. Онкологическое заболевание так же может вызвать значительный дистресс в психологической, социальной и духовной сфере, у 10-50% пациентов и их родственников [14,15].

В одном из исследований указывается, что риск депрессии ассоциируется с 60% риском развития диабета [16]. Более трети пациентов с диабетом 2 типа, отмечают симптомы стресса и тревоги [17]. Для пациентов перенесших инфаркт, риск раз-

вития тревожных расстройств составляет около 40 %, депрессивных расстройств 60% [18, 19]. А так же признаки психологического дистресса около 20 – 28 %, причем дистресс оказывает значительное влияние, в том числе на функционирование пациентов в их социальной и семейной сфере [20].

Так же для всех групп пациентов, с сопутствующими психическими расстройствами, значительно возрастает, риск преждевременной смертности, более длительный период реабилитации, и социальной адаптации. [21] Так, доказано, что психические расстройства ответственны за 27% бремени, непосредственно связанного с исходами ХНИЗ — нетрудоспособностью и смертностью. Кроме того, рассчитано, что люди с проблемами психического здоровья имеют шансы преждевременной смерти на 40–60% выше, чем в общей популяции, из-за коморбидности с хроническими соматическими заболеваниями [22].

Начиная с 2000-х годов, организации занимающиеся изучением глобального здоровья, в частности ВОЗ, рассматривают длительно текущие психические расстройства — депрессия, тревожные расстройства, в составе единого кластера с основными ХНИЗ. Общность в системе рисков всех этих заболеваний, открывает, возможность для исследования единых подходов к предотвращению и снижению их глобального бремени [23].

Учитывая приоритетное развитие первичной медико-санитарной помощи (ПМСП), интеграцию служб по охране психического здоровья в организации ПМСП, специалистам этих учреждений отводится ключевая роль при скрининге проблем психического здоровья [24].

Всемирной организацией здравоохранения были определены основные факторы по которым ведение пациентов с основными проблемами психического здоровья должно быть неотъемлемой частью специалистов, работающих в первичном звене. Этими факторами являются: социальная значимость психических расстройств, особенности течения и многообразии вариантов коморбидности ХНИЗ, проблем психического здоровья и их факторов риска в первичном звене. А так же возможность эффективного и приемлемого ведения пациента в первичной сети (помощь больному и семье может быть оказана быстро, доступно, с высокой вероятностью пользы для пациента, семьи и общества) [25].

В мировой практике в скрининге проблем психического здоровья на уровне ПМСП, участвуют, практически, все специалисты, в том числе врачи психиатры, медсестры и социальные работники. Но все же основная роль отводится психологам ПМСП, одна из ключевых компетенций которых, психологическая оценка эмоциональных, интеллектуальных, поведенческих, расстройств возникающих у людей на протяжении всей жизни. В КЗ уже начато системное привлечение специалистов с немедицинским образованием, должности специалиста-психолога включены в номенклатуру должностей работников здравоохранения, в штатное расписание и нормативы. [26] В тарификации услуг здравоохранения указываются такие виды деятельности как психодиагностика.

Таким образом, скрининг и оценка психологических факторов риска у пациентов с ХНИЗ является значимым междисциплинарным направлением наук о

человеке и его здоровье, в том числе психологии и общественного здравоохранения. Одним из первых шагов на пути реализации исследований, направленных на изучение, распространенности и связей проблем психического здоровья с основными ХНИЗ, является выбор адекватных инструментов исследования.

В международной практике для проведения скрининга проблем психического здоровья в ПМСП разработано и активно применяется большое количество валидных стандартизированных инструментов скрининга. В клинических и практических руководствах для скрининга тревоги и депрессии часто рекомендуется Шкала госпитальной тревоги и депрессии (HADS), чувствительность по которому составляет 80%, специфичность = 84%, положительная и отрицательная прогностическая ценность 55% и 95% соответственно. Данный инструмент используется с начала 1980 годов, имеет обширные данные подтверждающие его эффективность при использовании в различных медицинских учреждениях, в особенности при оценки коморбидной тревоги и депрессии, возникающих у пациентов на фоне других соматических заболеваний [27,28]. Для оценки стресса часто рекомендуется шкала восприятия стресса (ШВС-10) PSS-10, чувствительность = 77%, специфичность = 97,5%, положительная и отрицательная прогностическая ценность 91% и 93% соответственно [29,30].

Еще одним популярным инструментом для быстрой оценки дистресса у пациентов, является «Дистресс-термометр» (ДТ). «Дистресс-термометр» быстрая, надежная и удобная альтернатива, более длинным психометрическим инструмен-

там. [31]. Несколько недавних мета-анализов указывают на то, что ДТ демонстрирует чувствительность равную

77.1% и специфичность 66.1% для выявления дистресса связанного с онкологическим заболеванием, а так же 80.9% чувствительности и 60.2% специфичности для определения депрессии. [32]. Эффективность скрининга при помощи ДТ сопоставима с такими более полными и обширными методиками как, Шкала госпитальной тревоги и депрессии, (HADS), Быстрая оценка симптомов (Brief Symptom Inventory), Общая оценка состояния здоровья (The General Health Questionnaire-12), Шкала депрессии-центра эпидемиологических исследований, (The Center for Epidemiological Studies-Depression Scale). Дистресс-термометр является удобным инструментом для скрининга психологических факторов риска. Наибольшую популярность данный инструмент получил при оценке дистресса у онкологических пациентов, но так же имеются исследования подтверждающие эффективность при его использовании у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями [33,34].

На данный момент в Российской Федерации ведется работа по валидации инструмента на русский язык. [35] Данный инструмент, так же был использован нами на выборке пациентов с ХНИЗ, однако результаты не были включены в публикацию, так как на данный момент ведется работа по получению разрешения для валидации инструмента на казахский язык.

Исследование проводилось на базе ГКП на ПХВ «Городская поликлиника №3» г. Алматы. В выборку были включены 72 пациента, не менее 3-х месяцев

состоящие на учете с одним из основных ХНИЗ. Пациенты с сердечно сосудистыми заболеваниями (ССЗ) (n-32), в данную группу вошли пациенты с ишемической болезнью сердца (ИБС), артериальной гипертензией (АГ), пациенты у которых в анамнезе за последний год отмечен перенесенный инфаркт или инсульт. Пациенты с онкологическими заболеваниями (ОНКО), различной локализации, (n-12). Пациенты, у которых диагностировано два или более заболевания из основных ХНИЗ (n-15), диабет + АГ, диабет + ИБС, диабет + инфаркт + АГ. Пациенты с диабетом второго типа (Д2) (n-13). Рисунок 1. Выборка по нозологиям. Мужчин (n -32) и женщин (n -40). Все пациенты старше 18 лет.

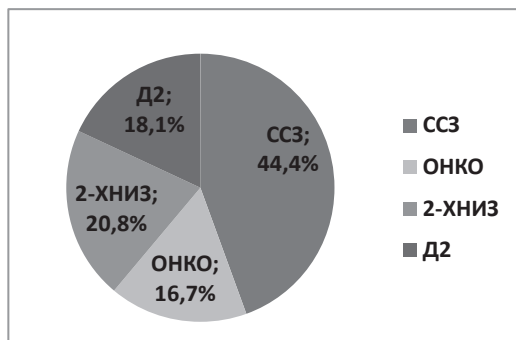

Рис.1. Выборка по нозологиям

На данном этапе исследования в качестве психометрического инструмента нами была выбрана валидизированная русскоязычная версия шкалы госпитальной тревоги и депрессии. Данный инструмент содержит 14 вопросов, и две субшкалы, по 7 вопрос в каждой. Одна шкала оценивает признаки тревоги, вторая депрессии. Результаты обрабатываются отдельно для каждой из шкал, выраженность признаков оценивается следующим образом от 0 до 7 баллов

отсутствие признаков, от 7 до 11 баллов субклинически выраженная тревога/депрессия, выше 11 клинически выраженные признаки тревога/депрессии.

Были получены следующие результаты у 27 пациентов обнаружены признаки тревоги или депрессии, из них у 18 пациентов (25% \pm 3,77) субклинически выраженные признаки от 7 до 11 баллов, еще у 9 (12,5% \pm 2,88) пациентов клинически значимые признаки тревоги и депрессии, больше 11 баллов. При этом в большей степени пациентами отмечаются депрессивные симптомы (n -17), из них 12 субклинически значимых и 5 клинически значимых результата. Клинически выраженные симптомы тревоги отмечают у себя 2 пациента, признаки субклинически выраженных признаков тревоги были отмечено у 10 пациентов. Рисунок 2 Наличие дистресса.

При анализе психологических факторов риска у различных групп пациентов с ХНИЗ были получены следующие результаты из 27 пациентов, у которых были выявлены признаки тревоги и депрессии 9 человек из группы ССЗ что составило 28,13% (\pm 3,91) от общего количества пациентов из данной нозологической группы, 7 человек с онкологическим заболеваниями, 58,533 (\pm 4,29). 7 46,67% (\pm 4,34) пациентов у которых диагностировано сочетание 2-х заболеваний из группы основных ХНИЗ. И2 пациента с диабетом второго типа, 15,38% (\pm 3,4). Рисунок 3. Дистресс и нозология.

Таким образом, результаты можно сделать выводы, что для пациентов с ХНИЗ обслуживаемых в поликлинике г. Алматы, характерны те же психологические факторы риска, что и для пациентов в других странах[36]. Психологические

факторы риска такие как наличие признаков тревоги и депрессии характерно для всех групп пациентов с ХНИЗ, однако в большей степени подвержены пациенты с онкологическими заболеваниями и пациенты с сочетанием нескольких заболеваний. Необходимо дальнейшие исследования с большим числом выборки, и использованием нескольких инструментов оценки, направленных на оценку проявлений стресса, тревоги и депрессии, с возможностью изучения корреляций между данными нескольких психометрических инструментов. Валидизация инструментов на казахский и русский языки в частности ДТ, ШСП. Исследование корреляций между различными психологическими факторами риска и нозологическими группами.

Рис. 2. Наличие дистресса. Рисунок 3

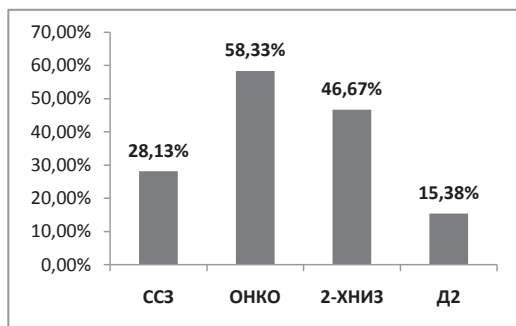

Рис.3. Дистресс и нозологии.

Литература

1. Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Қазақстан» на 2011 – 2015 годы. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mz.gov.kz>. (дата обращения: 12.03.2015)
2. Неинфекционные заболевания Информационный бюллетень №355 Январь 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs355/ru/> (дата обращения: 01.03.2015).
3. Lim SS, Vos T, Flaxman AD, Danaei G, Shibuya K, Adair-Rohani H et al. A comparative risk assessment of burden of disease and injury attributable to 67 risk factors and risk factor clusters in 21 regions, 1990-2010: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2010. *Lancet*, 2012; 380(9859):2224-2260.
4. Всемирная организация здравоохранения - Ситуация с НИЗ в Казахстане, 2014 г. [Электронный ресурс] URL: www.who.int/nmh/countries/kaz_ru.pdf (accessed 12 January 2015).
5. Здоровье населения Республики Казахстан и деятельность организаций здравоохранения в 2013 году. Статистический сборник. МЗ РК. Астана 2014.
6. Kulkarni V, Chinnakali P, Kanchan T, Rao A, Shenoy M, Papanna MK. Psychiatric Co-morbidities among Patients with Select Non-communicable Diseases in a Coastal City of South India. *International Journal of Preventive Medicine*. 2014;5(9):1139-1145.
7. Cardiac Rehabilitation. A national clinical guideline Scottish Intercollegiate Guidelines Network 2002.
8. Health Psychology: A textbook 3rd edition Two Penn Plaza, New York, Jane Ogden 2004.
9. А. Г. Закроева, О. М. Лесняк. Биопсихосоциальный подход к видению пациентов с основными хроническими заболеваниями в первичном звене здравоохранения. [Электронный ресурс] Электронный журнал. Лечащий врач. 2014. № 10. URL: <http://www.lvrach.ru/2014/10/15436069/>. (дата обращения: 04.03.2015).

10. Закроева, А. Г., Лесняк О. М. Проблемы психического здоровья в первичном звене здравоохранения по данным клинического исследования и анкетирования врачей // Справочник врача общей практики. 2014. № 4. С. 46–50.
11. Onitilo AA, Nietert PJ, Egede LE. Effect of depression on all-cause mortality in adults with cancer and differential effects by cancer site. *Gen Hosp Psychiatry*. 2006 Sep-Oct; 28(5):396-402
12. Massie MJ J Prevalence of depression in patients with cancer. *Natl Cancer Inst Monogr*. 2004; (32):57-71.
13. Nikbakhsh N, Moudi S, Abbasian S, Khafri S. Prevalence of depression and anxiety among cancer patients. *Caspian Journal of Internal Medicine*. 2014;5(3):167-170.
14. Vitek L, Rosenzweig MQ, Stollings S. Distress in Patients with Cancer: Definition, Assessment, and Suggested Interventions. *Clinical Journal of Oncology Nursing*. 2007;11:413–418. doi: 10.1188/07.CJON.413-418.
15. Hodges LJ, Humphris GM, Macfarlane G. A meta-analytic investigation of the relationship between the psychological distress of cancer patients and their carers. *Social Science & Medicine*. 2005;60:1–12.
16. Depression and type 2 diabetes over the lifespan: a meta-analysis. Mezuk B, Eaton WW, Albrecht S, Golden SH *Diabetes Care*. 2008
17. Gois C, Dias VV, Raposo JF, do Carmo I, Barbosa A. Vulnerability to stress, anxiety and depressive symptoms and metabolic control in type 2 diabetes. *BMC Res Notes*. 2012;5:271.
18. Epidemiology of comorbid coronary artery disease and depression. Rudisch B, Nemeroff CB *Biol Psychiatry*. 2003 Aug 1; 54(3):227-40
19. MI: secondary prevention Secondary prevention in primary and secondary care for patients following a myocardial infarction Clinical guideline. National Institute for Health and Clinical Excellence, May 2007.
20. Grimsrud A, Stein DJ, Seedat S, Williams D, Myer L. The association between hypertension and depression and anxiety disorders: Results from a nationally-representative sample of South African adults. *PLoS One*. 2009;4:e5552.
21. Depression and Chronic Diseases: It Is Time for a Synergistic Mental Health and Primary Care Approach Boris Voinov, MD, William D. Richie, MD, FAPA, and Rahn K. Bailey, MD, FAPA *Prim Care Companion CNS Disord*. 2013; 15(2): PCC.12r01468.
22. 2013–2020 A Global action plan for the prevention and control of NCDs. [Electronic resource]/The World Health Organization [Электронный ресурс] URL: <http://www.who.int/nmh/publications/ncd-action-plan/en/> (дата обращения: 14.03.2015)
23. Comprehensive mental health action plan 2013–2020: Sixty-sixth world health assembly/WHA 66.8. Agenda item 13.3. ISBN 92 4 156296. [Electronic resource] // The World Health Organization [Official website]. URL: http://www.who.int/mental_health/mhgap/consultation_global_mh_action_plan_2013_2020/en/index.html.
24. Mike Pignone, Bradley N. Gaynes Screening for Depression Systematic Evidence Review, PMC. 2002
25. WHO Guide to Mental and Neurological Health in Primary Care: A guide to mental and neurological ill health in adults, adolescents and children, 2 nd Edition World Health Organization/Ed. Rachel Jenkins. 2004. 305 p. ISBN-10: 1853155608 | ISBN-13: 978–1853155604.
26. [Электронный ресурс] URL: http://www.zakon.kz/top_news/4534032-reforma-zdravookhraneniya-strany-itogi.html. (дата обращения: 09.03.2015)
27. Generalised anxiety disorder and panic disorder (with or without agoraphobia) in Adults NICE clinical guideline 113. 2011
28. Depression Management of depression in primary and secondary care. NICE clinical guideline 23. 2004
29. Rehabilitation after critical illness.

NICE clinical guideline 83, 2009.

30. Post-traumatic stress disorder (PTSD). NICE clinical guideline 26. 2005.

31. Karen L Hughes, Hilary Sargeant, Anna L Hawkes Acceptability of the Distress Thermometer and Problem List to community-based telephone cancer helpline operators, and to cancer patients and carer. BMC Cancer. 2011; 11: 46. Published online 2011 January 31. doi: 10.1186/1471-2407-11-46 PMID: PMC3040161

32. Zwahlen D, Hagenbuch N, Carley M, Recklitis C, Buchi S. Screening cancer patients' families with the distress thermometer (DT): A validation study. Psycho-Oncology. 2008;17:959–966. doi: 10.1002/pon.1320.

33. Hughes KL, Sargeant H, Hawkes AL. Acceptability of the Distress Thermometer and Problem List to community-based telephone cancer helpline operators, and to cancer patients and carers. BMC Cancer. 2011;11:46.

doi:10.1186/1471-2407-11-46.

34. Mitchell AJ. Pooled results from 38 analyses of the accuracy of distress thermometer and other ultra-short methods of detecting cancer-related mood disorders. Journal Of Clinical Oncology: Official Journal Of The American Society Of Clinic Oncology. 2007;25:4670–4681.

35. Олейникова И.Н., Генс Г.П., Сирота Н.А. Исследование дистресса у женщин, больных злокачественными новообразованиями // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. – 2014. – N 3 (5). – С. 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 23.03.2015).

36. Kadam UT, Jordan K, Croft PR. Clinical comorbidity was specific to disease pathology, psychologic distress, and somatic symptom amplification. Journal of Clinical Epidemiology. 2005;58:909–17.

Метельская Ю.С. (Ярославль, Россия)

РОЛЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ УЧАЩИХСЯ ОТКРЫТЫХ СМЕННЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

В статье рассматривается роль эмоциональной сферы учащихся открытых сменных общеобразовательных школ в социально-психологической адаптации. Выявлены особенности эмоциональной сферы учащихся этой группы: недифференцированность эмоций, амбивалентность эмоциональной сферы, высокая степень актуальности негативных эмоций. Указана связь данных особенностей со структурой социально-психологической адаптации.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, личностный адаптационный потенциал, структура адаптации, уровни эмоциональной регуляции, дифференцированность, амбивалентность эмоциональной сферы, объектные отношения.

The article discusses the role of the emotional sphere of students of public secondary schools in socio-psychological adaptation. The peculiarities of the emotional sphere of students of this group: undifferentiated emotions, ambivalence emotional sphere, a high degree of relevance of negative emotions. The relation of these features is linked with the structure of socio-psychological adaptation.

Keywords: social and psychological adaptation, personal adaptive potential, structure of adaptation, levels of emotional regulation, differentiation, ambivalence of the emotional sphere, object relations.

В настоящее время социальная среда современного российского общества предъявляет высокие требования к адаптационным возможностям личности. Исследование компонентов личностного адаптационного потенциала представляет интерес, поскольку дает возможность на основе понимания психологических механизмов и закономерностей социально-психологической адаптации предотвращать и своевременно корректировать ее нарушения.

К компонентам личностного адаптационного потенциала относится и система эмоциональной регуляции [3]. Нарушения эмоциональной регуляции поведения, а так же нарушения эмоционального развития значительно снижают способность к социально-психологической адаптации, увеличивая риск ухудшения выполнения жизненных функций и возникновения дезадаптации. [1] Особенно подвержены этим рискам дети с проблемами развития, так как нарушения эмоциональной сферы в той или иной степени присутствуют практически при всех типах отклоняющегося развития [5].

Особую категорию составляют подростки – учащиеся открытых сменных общеобразовательных школ как максимально подверженные риску нарушения социально-психологической адаптации. Этому способствуют особенности их допубертатного развития, неблагоприятная социальная ситуация и особенности возраста.

Нами была изучены особенности

эмоциональной регуляции и структура адаптации учащихся открытых сменных общеобразовательных школ (ОСОШ) и средних общеобразовательных школ (СОШ) г. Ярославля. В исследовании приняли участие учащиеся СОШ и ОСОШ старшего подросткового возраста (от 14 до 16 лет). Общий объем выборки составил 120 человек: 60 учащихся СОШ №55, 73 и 60 учащихся ОСОШ №96, №22, №97, №95.

В исследовании были использованы следующие методики: методика диагностики дифференциаций эмоциональной сферы О.А.Ореховой «Домики», методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда.

Проведенный статистический анализ выявил значимые различия в показателях и структуре адаптации в группах учащихся ОСОШ и СОШ. У учащихся ОСОШ значимо ниже показатели по шкалам «адаптация» ($p < 0,05$), «самопринятие» ($p < 0,01$), «интернальность» ($p < 0,01$) и «стремление к доминированию» ($p < 0,05$).

Изучение корреляционных взаимосвязей показателей шкал адаптивности и дезадаптивности с интегральными шкалами методики К. Роджерса и Р. Даймонда («самопринятие», «принятие других», «эмоциональный комфорт», «интернальность» и «стремление к доминированию») выявило особенности структуры адаптации в группах СОШ и ОСОШ. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Корреляционные взаимосвязи показателей шкал адаптивность и дезадаптивность с другими шкалами методики К. Роджерса и Р. Даймонда в группах учащихся средних общеобразовательных школ и открытых сменных общеобразовательных школ.

Интегральные показатели	СОШ		ОСОШ	
	Адапт-ть	Дезапт-ть	Адапт-ть	Дезапт-ть
Самопринятие	0,473780*	-0,647893**	0,325403*	
Принятие других	0,635549**	-0,466947*	0,389694*	
Эмоциональный комфорт	0,436402*	-0,549304**		-0,398379*
Интернальность	0,569375**	-0,531378**	0,387773*	
Стремление к доминированию	0,420725*	-0,419968*		

** - $p < 0,001$ * - $p < 0,01$

Из Таблицы 1 видно, что у учащихся СОШ показатель «адаптивность» значительно положительно коррелирует со всеми интегральными показателями: на уровне значимости $p < 0,001$ - с «принятием других» и «интернальностью», на уровне значимости $p < 0,01$ - с «самопринятием», «эмоциональным комфортом» и «стремлением к доминированию». В то время как показатель «дезадаптивность» коррелирует со всеми интегральными показателями отрицательно. На уровне значимости $p < 0,001$ - с «самопринятием», «интернальностью» и «эмоциональным комфортом», на уровне значимости $p < 0,01$ - с «принятием других» и «стремлением к доминированию». Таким образом, мы видим, что в группе учащихся СОШ адаптация имеет довольно четкую структуру, где «адаптивность» и «дезадаптивность» дифференцированы

между собой и являются, по сути, противоположностями друг друга. То есть, учащиеся СОШ дифференцируют особенности личности и межличностных отношений, а так же поведенческие паттерны, приводящие к адаптации, от тех, что приводят к дезадаптации. Такого рода «расщепление» «адаптивности» и «дезадаптивности» позволяет иметь довольно ясные ориентиры для выстраивания стратегии социально-психологической адаптации. У учащихся ОСОШ такого «расщепления» не наблюдается, что может говорить об отсутствии у учащихся ОСОШ четкой дифференциации поведенческих, эмоциональных и когнитивных реакций, приводящих к адаптации или дезадаптации.

Различия в структурах адаптации учащихся СОШ и ОСОШ подтверждают показатели структурных индексов, представленные в таблице 2.

Таблица 2.

Индексы структур адаптации по методике К. Роджерса и Р. Даймонда учащихся открытых сменных и средних общеобразовательных школ по системе структурных индексов

Индекс	Учащиеся открытых сменных общеобразовательных школ	Учащиеся средних общеобразовательных школ
Индекс когерентности структуры	18	30
Индекс дивергентности структуры	10	0
Индекс организованности структуры	8	30

Как видно из таблицы 2, индексы когерентности и организованности структуры адаптации учащихся СОШ выше, чем у учащихся ОСОШ. Это может свидетельствовать о больших адаптационных возможностях учащихся СОШ. При этом группа учащихся ОСОШ отличается от учащихся СОШ наличием отрицательных связей внутри системы адаптации.

Исследование структуры адаптации методом кластерных связей в группах учащихся СОШ и ОСОШ так же выявляет ряд особенностей, позволяющих судить о специфике адаптации в этих группах.

В группе учащихся ОСОШ интегральные показатели условно разбиваются на две группы (рис. 1). Внутри каждой группы элементы кластера высоко связаны между собой, но сами группы являются достаточно автономными образованиями. В первую группу входят: «эмоциональный комфорт», «адаптация», «самопринятие». «Стремление к доминированию», «интернальность», «принятие других» и «стремление к доминированию».

Во вторую – «интернальность» и «принятие других». Таким образом, мы имеем дело с двумя различными механизмами адаптации. Мы предполагаем, что адаптация в первом случае идет за счет использования защитно-компенсаторных механизмов, позволяющих удерживать уровень самопринятия и эмоционального комфорта на приемлемом для субъекта уровне, независимо от реальных обстоятельств, за счет стремления к доминированию. Входящее в эту группу элементов «стремление к доминированию», не связанное с «принятием других» и «интернальностью», компенсирует собственную несостоятельность за счет попыток манипулятивного, «незрелого» управления окружающими. Вероятнее всего, именно такой механизм адаптации приводит к реализации конфронтационного поведения по отношению к окружающим, неконструктивным способам межличностного взаимодействия.

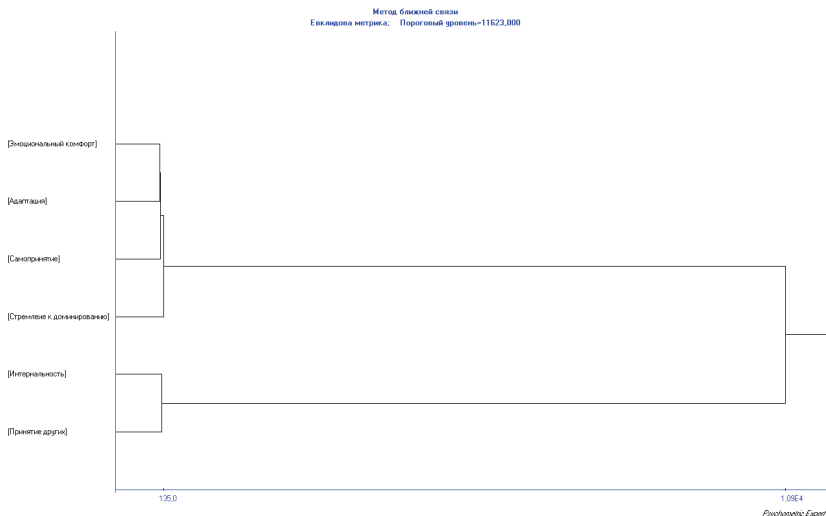

Рисунок 1. Кластерные связи интегральных показателей адаптивности по методике К. Роджерса и Р. Даймонда в группе учащихся ОСОШ.

Второй механизм адаптации основан на «интернальности» и «принятии других», что само по себе видится как более зрелая стратегия, но без других составляющих адаптации, особенно «самопринятия», может приводить к недостаточному уровню самоподдержки и сдвигу в сторону формирования чувства вины.

Анализ кластерных связей интегральных показателей адаптивности в группе учащихся СОШ по методике К. Роджерса и Р. Даймонда показывает, что элементы данного кластера представляют единую иерархически организованную структуру, в основе которой находится адаптация, связанная с «интернальностью», «принятием других» и «эмоциональным комфортом», «стремлением к доминированию» и «самопринятием». (рис. 2)

Таким образом, мы видим, что у учащихся СОШ и ОСОШ структура адаптации имеет существенные различия, объясняющие различия в уровне и качестве социально-психологической адаптации у учащихся данных групп.

Результаты исследования эмоциональной сферы учащихся открытых сменных общеобразовательных и средних общеобразовательных школ по методике «Домики» О.А.Ореховой показывают, что существуют значимые статистические различия в группах учащихся ОСОШ и СОШ в оценке значимости эмоций «горе» ($p < 0,001$) и «скука» ($p < 0,01$). В группе учащихся ОСОШ наблюдается актуализация негативных эмоций «горя» и «скуки», что отражает тенденцию к частому переживанию такого рода эмоций.

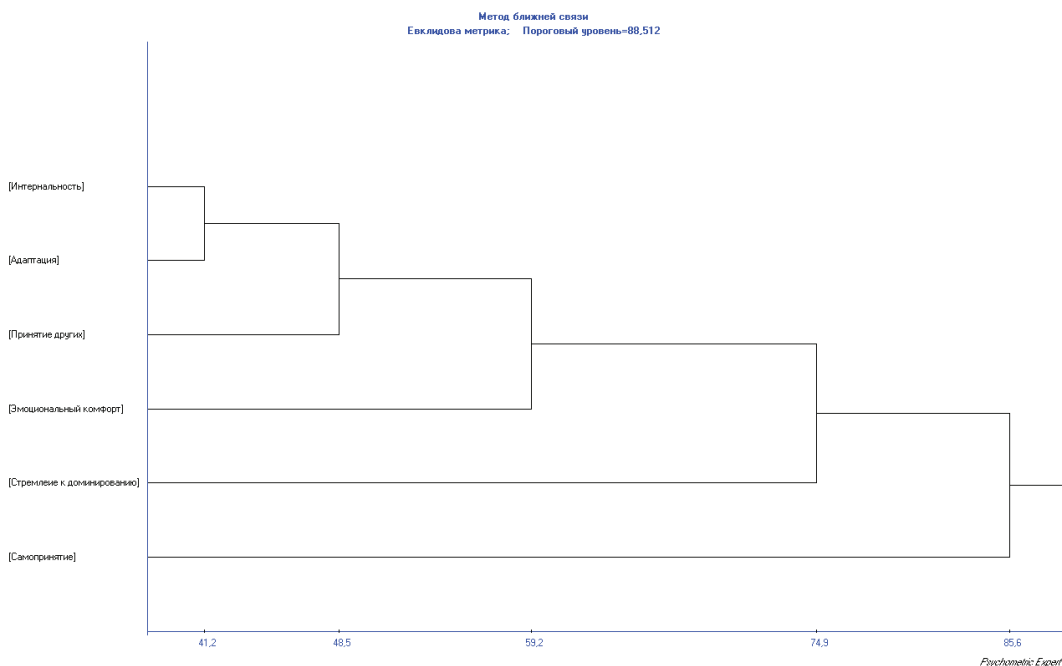

Рисунок 2. Кластерные связи интегральных показателей адаптивности по методике К. Роджерса и Р. Даймонда в группе учащихся СОШ.

Мы рассматриваем это как проявление нарушения межличностных отношений, или, если использовать психоаналитическую терминологию - объектных отношений. Частота переживаний эмоций «горя» и «скуки» указывает на то, что имеется определенная тенденция в эмоциональном анализе ситуации, проявляющаяся в склонности воспринимать ситуации межличностного взаимодействия как неудовлетворяющие, приносящие негативные эмоции. Корень этого мы видим в особенностях отношений со значимым объектом, а точнее с его внутренней репрезентацией, когда данный объект воспринимается как потерянный, отсутствующий. Объект –репрезентации формируются на ранних этапах развития ребенка и проявляются в дальнейших межличностных отношениях в форме определенных эмоциональных установок, ожиданий, тенденций эмоционального анализа межличностного взаимодействия и тенденциях к переживанию определенного рода эмоций, характеризующих ранние объектные отношения [2]. Мы считаем, что актуальность переживания эмоции «скуки» указывает на такую особенность объектных отношений, где значимый объект является отсутствующим. Скука связана с переживанием пустоты, внешней и внутренней. Именно отсутствие объекта (значимого взрослого) вызывает у ребенка ощущение пустоты и скуки, особенно на ранних этапах его развития, когда он, значимый взрослый, выполняет роль мотиватора к деятельности, берет на себя функцию вызывания и поддержания интереса к общению, внешней познавательной и игровой активности. Формирование объ-

ект-репрезентации по типу «отсутствующего объекта» объясняет особенности поведения подростков данной группы, проявляющиеся в недоверии к окружающим, особенно взрослым, трудностях установления доверительного контакта, неспособности принимать адекватную помощь, часто – в саморазрушительном или провокативном поведении, направленном на вызывание у окружающих эмоций неприятия, отторжения, гнева.

Это подтверждается и разницей в актуальности эмоции «доброта» в группах учащихся открытых сменных общеобразовательных и средних общеобразовательных школ. У учащиеся средних общеобразовательных школ рейтинг доброты статистически значимо выше ($p < 0,05$), чем у учащихся открыты сменных общеобразовательных школ, что так же указывает на особенности объектных отношений. У учащихся открытых сменных общеобразовательных школ имеется дефицит переживания удовлетворяющих отношений с окружающими, в которых они чувствовали бы себя защищенными, испытывающими положительные эмоции сами и вызывающими положительные эмоции у окружающих. Дефицит переживания эмоции «доброта» в межличностных отношениях приводит к снижению или отвержению социальной ценности «доброта». В целом снижение социальной ценности положительных эмоций и возрастание актуальности негативных переживаний отрицательно сказывается на способности к социально-психологической адаптации.

Кроме оценки степени актуализированности различного рода эмоций, методика О.А.Ореховой позволяет выявить

следующие особенности эмоциональной сферы: дифференцированность, инвертированность и амбивалентность.

Из таблицы 3 мы видим, что имеются статистически значимые различия в степени амбивалентности эмоциональной сферы у учащихся открытых сменных общеобразовательных и средних общеобразовательных школ. У учащихся открытых сменных общеобразовательных школ выше показатели амбивалентности ($p < 0,001$) эмоциональной сферы. Наличие и степень амбивалентности указывает на нарушения развития эмоциональной сферы и сказывается на ее роли в регуляции поведения. Амбивалентность есть результат работы защиты «расщепление», использующейся при невозможности разрешить конфликт и интегрировать противоречивые установки и чувства, направленные на один и тот же объект. Наличие амбивалентности как черты личности является одним из важных критериев уровня организации личности [2]. Амбивалентность эмоциональной сферы учащихся открытых сменных общеобразовательных школ

указывает на особенности объектных отношений и проявляется в конфликтном отношении к объекту с одной стороны, а с другой - в амбивалентности самого объекта, который расчленяется на «хороший» и «плохой». При этом образ объекта становится не интегрированным, не целостным, а значит, внутренне конфликтным. Наличие амбивалентности эмоциональной сферы учащихся открытых сменных общеобразовательных школ проявляется в противоречивом, непоследовательном, конфликтном отношении к внешним и внутренним объектам, что в свою очередь проявляется в конфликтном, противоречивом и непоследовательном поведении, что негативным образом сказывается на способности к социально-психологической адаптации.

Для объективной оценки различий в структурах эмоций обследованных учащихся открытых сменных и средних общеобразовательных школ нами был произведен анализ структур по системе структурных индексов. Результаты представлены в Таблице 4.

Таблица 4.

**Индексы структур эмоций учащихся
открытых сменных и средних
общеобразовательных школ по системе структурных индексов.**

№	Индекс	Учащиеся открытых сменных общеобразовательных школ	Учащиеся средних общеобразовательных школ
	Индекс когерентности структуры (ИКС)	68	28
	Индекс дивергентности структуры (ИДС)	0	10
	Индекс организованности структуры (ИОС)	68	18

Индекс когерентности структуры указывает на степень связанности, скоррелированности эмоций. У учащихся открытых сменных общеобразовательных школ данный индекс существенно выше, чем в группе учащихся средних общеобразовательных школ, что позволяет сделать вывод о большем количестве связей между эмоциями в первой группе. Индекс дивергентности структуры (ИДС) указывает на то, в какой мере в структуре представлены дифференцирующие тенденции. В группе учащихся открытых сменных общеобразовательных школ его значение равно 0, что говорит о фактическом отсутствии дифференцированности эмоциональной сферы. Отсутствие дифференциации проявляется как в слабой дифференцированности отдельных эмоций друг от друга, так и в отсутствии дифференциации между «положительными» и «отрицательными» эмоциями. Если первое проявляется в неспособности учащихся открытых сменных общеобразовательных школ понимать свои эмоции и эмоции окружающих, что ведет к трудностям адекватного восприятия и интерпретации реальности в процессе социального взаимодействия и коммуникации, то второе (отсутствие дифференциации между положительными и отрицательными эмоциями) – к трудностям формирования ценностных установок, в основе которых, по мнению многих авторов, лежат эмоции[4]. Учащиеся открытых сменных общеобразовательных школ не имеют четких ценностных установок, так как нет эмоциональных ориентиров для их формиро-

вания. Внутренний мир учащихся данной группы характеризуется спутанностью эмоциональной сферы, трудностью понимания, каким социальным ориентирам следовать в данный момент времени. «Положительные» и «отрицательные» эмоции спутаны, не отделены друг от друга и по этой причине не могут выполнять сигнальную, ориентировочную функцию. В поведении учащихся открытых сменных общеобразовательных школ это проявляется в непоследовательности поведения, не способности удерживать программу действий, постоянной смене мотивов и ценностных установок в зависимости от ситуации или социального контекста, что является уже фактором произвольной регуляции психической деятельности.

Таким образом, недифференцированность, амбивалентность эмоциональной сферы учащихся открытых сменных общеобразовательных школ ведет к дефициту понимания социальной реальности, а так же к дефициту или нарушению эмоциональной и произвольной регуляции психической деятельности, что в итоге значительно снижает возможности социально-психологической адаптации.

Так же для изучения особенностей структур эмоций в группах учащихся нами была использована процедура кластерного анализа по методу ближней связи. Результаты кластерного анализа эмоций по методике О.А.Ореховой «Домики» в группах учащихся средних общеобразовательных и открытых сменных общеобразовательных школ представлены на рисунках 5 и 6.

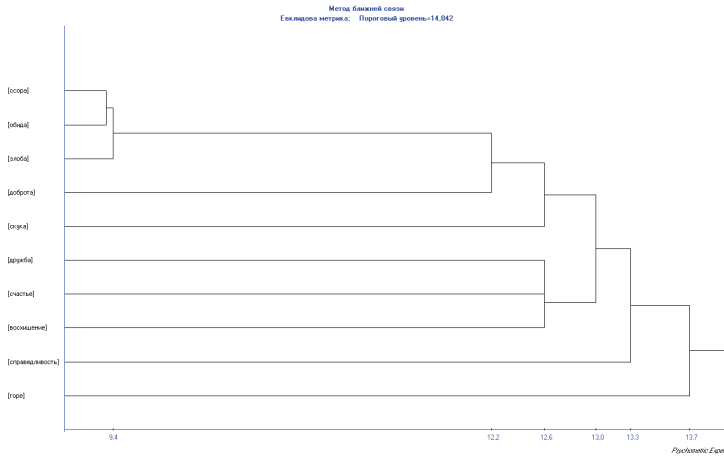

Рисунок 5. Кластерные связи эмоций в группе учащихся открытых сменных общеобразовательных школ по методике О.А.Ореховой домики.

В результате анализа кластера эмоций в группе учащихся открытых сменных общеобразовательных школ нами было выявлено, что наиболее близкие связи существуют между эмоциями «обида», «злоба» и «ссора». Они образуют отдельный кластер. Существование данного кластера говорит о том, что в данной группе учащихся эмоции «обида», «злоба» и «ссора» максимально не дифференцированы между собой, что проявляется в слабой способности отличать эмоции данной группы и тенденции переживать их в комплексе. Анализ интеркорреляционных связей показывает, что именно эти эмоции имеют максимальное количество связей между собой с другими эмоциями и являются в этом смысле системообразующими для эмоциональной сферы подростков данной группы. Остальные эмоции имеют менее близкие связи и не выделяются в отдельные группы. Таким образом, выявляется внутренняя структура эмоций учащихся открытых сменных общеобразовательных школ, где особен-

но актуальными являются эмоции «обида», «злоба» и «ссора» как единая группа недифференцированных между собой эмоций, что в социальном взаимодействии проявляется как преимущественное переживание эмоций данной группы, а так же в тенденции эмоционального анализа ситуации, при которой эти эмоции обнаруживаются в первую очередь. При этом их слабая дифференцированность может приводить к неадекватной оценке эмоционального контекста межличностного взаимодействия, неверным интерпретациям состояний самого субъекта и окружающих его людей. Если интерпретировать выявленные особенности с точки зрения репрезентации объекта, то можно предположить, что внутренние объекты учащихся ОСОШ носят преимущественно «преследующий» характер. Проекция «преследующих» объектов на других людей приводит к ожиданию агрессивного поведения со стороны окружающих и ответному конфронтационному поведению.

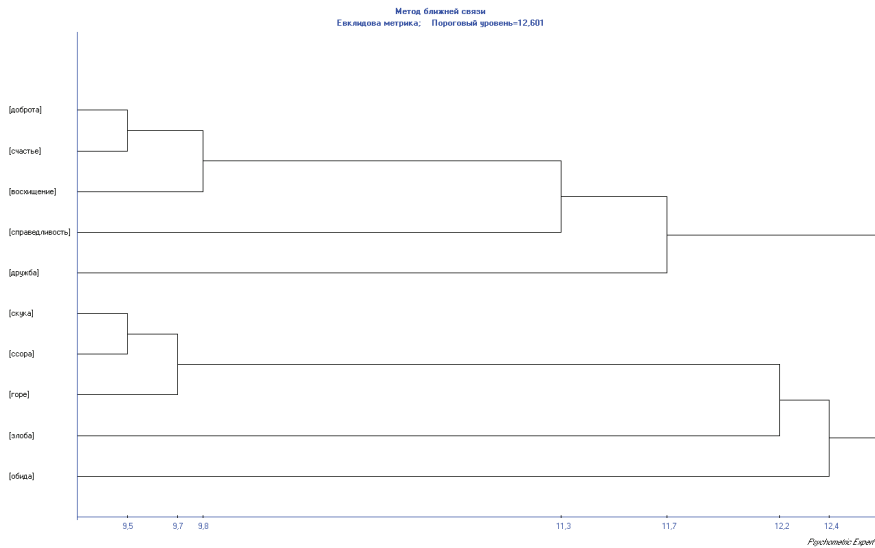

Рисунок 6. Кластерные связи эмоций в группе учащихся средних общеобразовательных школ по методике О.А.Ореховой домки.

Анализ кластерных связей эмоций в группе учащихся средних общеобразовательных школ, представленных на рисунке 6 показывает, что все эмоции разделяются на два кластера. В первом находятся «доброта», «счастье», «восхищение», «справедливость», «дружба», во втором – «скука», «ссора», «горе», «злость», «обида». То есть эмоции делятся на кластеры по принципу «положительных» и «отрицательных» эмоций. Такая группировка говорит о том, что в группе учащихся средних общеобразовательных школ имеется четкая дифференциация «положительных» и «отрицательных» эмоций. Сравним данные результаты с результатами теста Роджерса-Даймонда, где мы так же в группе учащихся средних общеобразовательных школ обнаружили четкое разделение «адаптивных» и «дезадаптивных» форм поведения. Мы предполагаем, что в основе того и дру-

го явления лежит базовая способность разделять, дифференцировать «хорошее» и «плохое», «положительное» и «отрицательное». Такого рода дифференциация является условием способности к символическому представлению эмоционального опыта и формированию уровня символических регуляций эмоциональных процессов [1]. На основе развития всех уровней эмоциональной регуляции идет формирование ценностных установок, в том числе и в социально-психологической сфере, на которые в дальнейшем и опирается субъект, реализуя процесс социально-психологической адаптации. Символическая регуляция эмоций (символизация, анализ и трансформация эмоционального опыта) является одним из факторов, дающих возможность субъекту последовательно и целенаправленно справляться с жизненными трудностями, следовать намеченным целям. Роль ситу-

ативных внешних обстоятельств в таком случае значительно снижается, что ведет к большей последовательности, целеустремленности поведения, способности не отклоняться от намеченных целей, то есть к большей внутренней регуляции поведения. В случае слабой дифференцированности эмоциональной сферы, развитие эмоциональной регуляции затруднено. Субъект не имеет внутренней опоры на собственные ресурсы, его поведение слабо внутренне мотивировано, и в большей степени определяется внешними, случайными факторами и обстоятельствами, что приводит к непоследовательности, неустойчивости, нерегулируемости поведения. Именно такой тип поведения и наблюдается в группе учащихся открытых сменных общеобразовательных школ. Мы предполагаем, что недифференцированность эмоциональной сферы и, в частности, недифференцированность «положительных» и «отрицательных» эмоций, является для них фактором, затрудняющим процесс формирования внутренних ценностей и мотивации, регулирующих поведение, и, как следствие, процесс социально-психологической адаптации.

Таким образом, нами были обнаружены особенности структуры адаптации и эмоциональной сферы учащихся ОСОШ, заключающиеся в нарушении

дифференциации адаптационных и дезадаптационных механизмов, «положительных» и «отрицательных» эмоций. Эмоциональная сфера учащихся ОСОШ характеризуется высокой степенью амбивалентности, актуальностью отрицательных эмоций «горя», «скуки», «обиды» и «злости», низкой дифференцированностью эмоций. Глубинной причиной формирования данных особенностей является опыт объектных отношений, зафиксированный в объект-репрезентациях. Мы считаем, что выявленные нами особенности эмоциональной сферы учащихся ОСОШ лежат в основе нарушения эмоциональной и произвольной регуляции и, как следствие, нарушения социально-психологической адаптации.

Список использованной литературы:

1. Бардышевская М.К., Лебединский В.В. Диагностика эмоциональных нарушений у детей. М., 2003.
2. Кернберг Отто Ф. Тяжелые личностные расстройства. М., 2000.
3. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях. Психологический журнал. - 2001. - Т. 22. - № 1. - С. 16 - 24.
4. Орехова О. А. Цветовая диагностика эмоций. Типология развития. СПб., 2008.
5. Семаго Н.Я., Семаго М.М. Проблемные дети. Основы диагностической и коррекционной работы психолога. М., 2003.

Мухамедова Д. Г. (Бухара, Узбекистан)

**СТРУКТУРА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация: Деятельность управленца является сложной по функциональной структуре и социально-психологическому содержанию, следовательно для эффективной деятельности требуется различные методические подходы с учетом условий.

Ключевые понятия: менеджер образования, инновационная деятельность, вектор, критерии.

Abstract: The activity of manager of education is complicated by the functional structure and socio-psychological content, therefore for effective action requires a variety of instructional approaches to meet the conditions.

Key concepts: manager of education, innovation, vector, criteria.

Деятельность менеджера образования, в какой бы форме она не протекала, является сложной по функциональной структуре и социально-психологическому содержанию труд, требующий от человека проявлений всех свойств и характеристик его личности [4]. Вместе с тем, проведенный анализ научной литературы показал, что при изучении инновационной деятельности менеджера образования исследователи применяют различные методические подходы, преимущественно не стандартизированные к нашим условиям, что несомненно, имеет негативное влияние на достоверность и объективность получаемых результатов [1, 2, 3, 5].

В рамках нашего исследования, для определения эффективности инновационной деятельности менеджера образования в современных условиях, нами на основе введенных 11 статистически значимых критериев (новизна (оригинальность) инноваций; значимость инновационной деятельности ; интеллектуально-творческий ресурс; организационно-управленческий ресурс;

социально-психологический климат; инструментальность (управляемость) инновационной деятельности ; проверка степени успешности внедрения новшества; полнота структуры инновационной деятельности; системность инновационной деятельности; реалистичность инновационной деятельности; сопоставление новшества с другими новациями) была разработана стандартизированная диагностическая методика, которая предусматривает Опросник оценки эффективности инновационной деятельности менеджера образования, а также Опросник самооценки эффективности инновационной деятельности менеджера образования. По своему составу и содержанию данные факторы взаимосвязаны, имеют преимущественно социально-психологический характер, в связи с этим их можно интерпретировать как социально-психологические особенности менеджера образования.

В целях повышения объективности получаемых результатов изучения, заключительная оценка строилась на основе трех векторов (рис. 1).

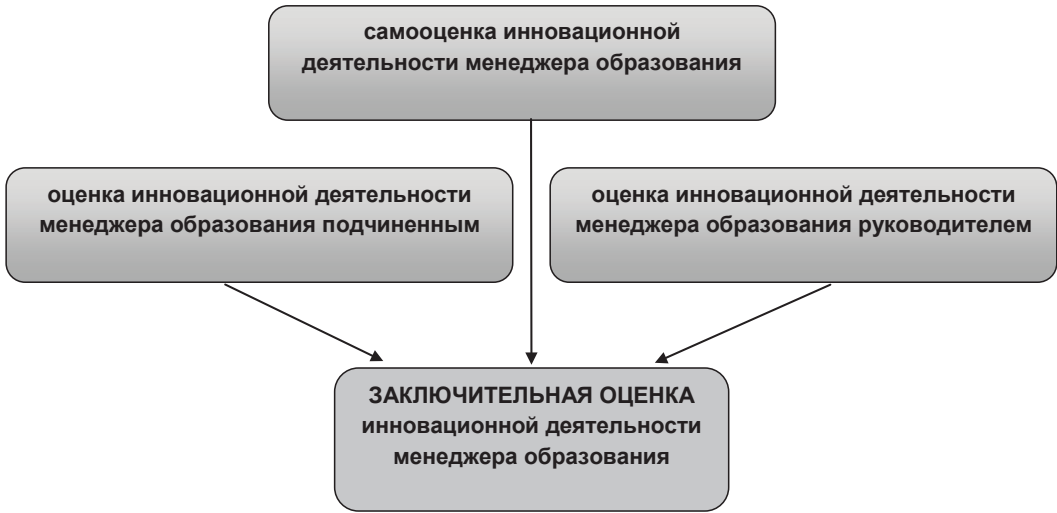

Рис. 1. Трехвекторная оценка инновационной деятельности менеджера образования в современных условиях

Так первый вектор предусматривает оценку инновационной деятельности менеджера образования подчиненным при помощи специально разработанного опросника. Второй вектор предусматривает оценку инновационной деятельности менеджера образования его непосредственным руководителем, также при помощи специально разработанного опросника. Третий вектор предусматривает самооценку инновационной деятельности менеджера образования с помощью разработанного опросника самооценки.

Применение на практике трехвекторной оценки инновационной деятельности менеджера образования позволяет выделить следующие преимущества данной методики:

- получение разносторонней оценки (менеджер образования получает оценку от людей, с которыми непосредственно сталкивается при выполнении инновационной деятельности, в отличие от других

методик круг оценивающих значительно расширен);

- демократичность методики (оценка производится как руководителем, так и подчиненными а также дополняется самооценкой менеджера образования).

При этом, трехвекторная оценка инновационной деятельности менеджера образования не лишена следующих ограничений:

- сложность получения откровенной информации от подчиненных в оценке (мнение подчиненных о руководителе) – для повышения достоверности получаемых оценок необходимо перед процедурой оценки разъяснить цель проведения данных мероприятий и характер применения результатов оценки;

- трудоемкость в обработке результатов - данное ограничение решается с помощью автоматизированных систем оценки, благодаря которым значительно облегчается процесс сбора и обработки информации.

Исходя из вышеизложенного видно, что данная методика оценки инновационной деятельности менеджера образования имеет свои преимущества и ограничения. Соответствующее применение методики, с учетом выделенных преимуществ и ограничений позволит получать более достоверные результаты и на их основе вырабатывать оптимальные выводы.

Таким образом, оценка инновационной деятельности производилась на общей выборке (менеджеров образования) нашего исследования ($n=293$). Также для оценки инновационной деятельности были привлечены эксперты хорошо знающие оцениваемую деятельность менеджера образования - как подчиненные, так и руководители. В среднем на каждого изучаемого менеджера образования было задействовано от 3 до 5 таких экспертов (483 чел., рис. 2).

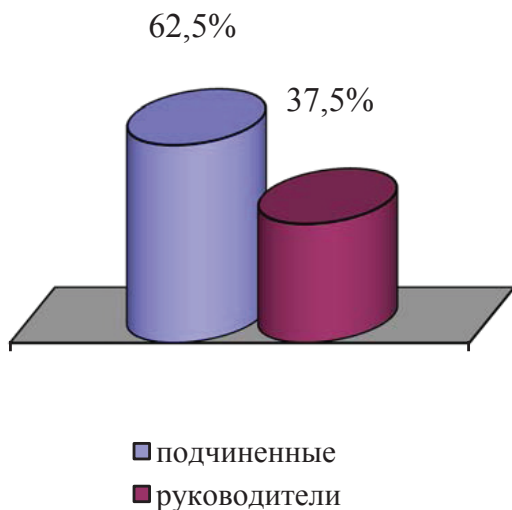

Рис. 2 Характеристика выборки экспертов оценивающих инновационную деятельность менеджеров образования ($n=483$)

При этом опросы экспертов и самих менеджеров образования с помощью разработанных опросников проводился с учетом общепризнанных требований к проведению психодиагностических процедур.

По итогам проведенных опросов подчиненных, руководителей и менеджеров образования была проведена стандартизация или нормирование полученных результатов с помощью наиболее распространенной «Шкалой стэнов» предложенной Кеттеллом Р. [101, 395], которая позволила определить балловые границы уровней инновационной деятельности менеджера образования:

- от - 99 до 25 баллов - «низкий» уровень;
- от 26 до 38 баллов - «ниже среднего» уровня;
- от 39 до 51 балла - «средний» уровень;
- от 52 до 64 баллов - «ниже среднего» уровня;
- от 65 до 99 баллов - «низкий» уровень.

Таким образом, проведенные опросы согласно разработанной методики, а также стандартизация полученных результатов позволило сформировать заключительные оценки инновационной деятельности менеджера образования в современных условиях (таб. 1).

Из представленных в таблице 3.1 данных видно, что преобладающее количество (32,4%) менеджеров образования имеют средний уровень эффективности инновационной деятельности. Вместе с тем, 37,2% менеджеров испытывают трудности в организации инновационной деятельности. Из них, у 21,2% менеджеров образования наблюдается ниже сред-

него, а у 16% низкий уровни инновационной деятельности. 30,4% менеджеров образования преуспевают в плане организации и проведения инновационной деятельности. Из них у 11,3% наблюдается высокий и 19,1% выше среднего уровни инновационной деятельности.

Одной из важнейших профессиональных задач практического социального психолога является снятие возникающих психологических барьеров. При этом о каком бы виде психологических барьеров не шла речь, в любом

Для определения надежности полученных результатов заключительных оценок инновационной деятельности менеджера образования нами было проведено повторное изучение (оценка) с помощью разработанной методики (ретест через 20 дней), с последующим корреляционным анализом итоговых результатов (таб. 2).

Из приведенных в таблице данных видно, что результаты корреляционного анализа оценок подчиненных, руководителей, а также самооценки менеджерами образования инновационной деятельно-

Таблица 1

Результаты оценки инновационной деятельности менеджера образования в современных условиях (n=293)

№	Наименование итоговых результатов сравнения	Коэффициент корреляции SpearmanR при $p < 0,05$
1	первая оценка инновационной деятельности подчиненным / вторая оценка инновационной деятельности подчиненным	0,75
2	первая оценка инновационной деятельности руководителем / вторая оценка инновационной деятельности руководителем	0,76
3	первая самооценка инновационной деятельности менеджером образования / вторая самооценка инновационной деятельности менеджером образования	0,75

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа итоговых оценок инновационной деятельности менеджера образования (n=293)

№	Наименование итоговых результатов сравнения	Коэффициент корреляции SpearmanR при $p < 0,05$
1	первая оценка инновационной деятельности подчиненным / вторая оценка инновационной деятельности подчиненным	0,75
2	первая оценка инновационной деятельности руководителем / вторая оценка инновационной деятельности руководителем	0,76
3	первая самооценка инновационной деятельности менеджером образования / вторая самооценка инновационной деятельности менеджером образования	0,75

случае именно психолог, как правило, выступает компетентным посредником между взаимодействующими сторонами и носителем научно выверенных техник купирования и снятия психологического барьера.

сти подтверждают удовлетворительную надежность разработанной в рамках нашего диссертационного исследования методики.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы показал, что при

изучении инновационной деятельности менеджера образования исследователи применяют различные методические подходы, преимущественно не стандартизированные к нашим условиям, что несомненно, имеет негативное влияние на достоверность и объективность получаемых результатов. В рамках нашего диссертационного исследования, для достоверного определения эффективности инновационной деятельности менеджера образования в современных условиях, нами на основе ранее введенных одиннадцати статистически значимых критериев была разработана стандартизированная диагностическая методика. В целях повышения объективности получаемых результатов изучения, заключительная оценка строилась на основе трех векторов:

- первый вектор предусматривает оценку инновационной деятельности менеджера образования подчиненным при помощи специально разработанного опросника;

- второй вектор предусматривает оценку инновационной деятельности менеджера образования его непосредственным руководителем, также при помощи специально разработанного опросника;

- третий вектор предусматривает самооценку инновационной деятельности менеджера образования с помощью разработанного опросника самооценки.

По полученным результатам исследования ($n=293$) с помощью разработанной стандартизированной методики было выяснено, что преобладающее количество (32,4%) менеджеров образования имеют средний уровень эффективности инновационной деятельности. Вместе с тем, 37,2% менеджеров испытывают трудно-

сти в организации инновационной деятельности. Из них, у 21,2% менеджеров образования наблюдается ниже среднего, а у 16% низкий уровни инновационной деятельности. 30,4% менеджеров образования преуспевают в плане организации и проведения инновационной деятельности. Из них у 11,3% наблюдается высокий и 19,1% выше среднего уровни инновационной деятельности.

Так менеджеры образования, эффективно осуществляющие инновационную деятельность в условиях высшего образовательного учреждения, характеризуются высокой мотивированностью, коммуникативностью, осуществляющие в ходе профессиональной деятельности сотворчество, обладают развитой контактностью, организаторскими способностями, пользуются в коллективе заслуженным авторитетом, умеют тактично разрешать конфликтные ситуации.

Литература

1. Аксенова Е.А. Технология конкурсного набора в современном кадровом менеджменте: Учебно-методическое пособие. - М.: «ИПК РФ», 2002. - 111 с.
2. Веснин В.Р. Практический менеджмент персонала. - М.: Юрист. - 1998. - 488 с.
3. Зайцева Н.А. Изучение личности современного менеджера в процессе профессионального отбора: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. - 23 с.
4. Коломинский Н. Л. Научно-психологические основы менеджмента в образовании / Н. Л. Коломинский // Образование и управления. - 1998. - № 3. - С. 67-74.
5. Потеряхин А. Л. Психология управленческого общения: Учеб. пособие. - К., 2001. - 98с.

*Сандомирский М.Е. (Москва, Россия),
Николаева Е.Ю. (Екатеринбург, Россия)*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОВЕГЕТАТИВНЫХ СООТНОШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Аннотация: При обследовании студентов ВУЗа на донозологическом этапе формирования психосоматических расстройств выявлена взаимосвязь их вегетативно-го компонента с психоэмоциональным и социально-психологическим.

Ключевые слова: психосоматические расстройства, адаптация, вегетативная регуляция, социальная когерентность

Psychovegetative correlations in university students
Sandomirsky Mark E, Nikolaeva Elena Y.

Abstract: The preclinical stage of psychosomatic disorders in university students was studied. Relationships of maladjustment and autonomous disorders with psycho-emotional and psychosocial status were revealed.

Keywords: psychosomatic disorders, adaptation, vegetative regulation, social coherence

Актуальность исследования: В рамках биопсихосоциальной модели (G.L. Engel), этиопатогенез соматических заболеваний рассматривается как результат сочетания биологических, психологических и социальных факторов. Особенно значимое влияние последние оказывают на формирование и протекание психосоматических расстройств (Engel G.L., 1967), в первую очередь в аспекте социальной поддержки (Fava G.A., Sonino N., Wise T.N., 2012). С нашей точки зрения (Сандомирский М.Е., 2005, 2014, 2015), психосоматические расстройства (ПСР) включают такие интегративные синдромы, как психобиологический, неспецифический психосоматический (вегетативный), специфический психосоматический, психоэмоциональный, психовегетативный (W.Thiele) и психосоциальный.

Цель исследования: Целью данного исследования являлось изучение взаи-

мосвязи вегетативного (неспецифического психосоматического), психовегетативного и психосоциального компонентов генеза психосоматических расстройств у студентов вуза при формировании ранних, донозологических этапов ПСР.

Методы исследования: Суммарные показатели вегетативной регуляции анализировались по психовегетативному опроснику ПВО (Сандомирский М.Е., 2005), на основе диагностических таблиц А.М.Вейна и соавт. (1986). Для оценки проявлений психовегетативного синдрома использованы как показатели вербального тестирования - соматизации, тревожности и депрессии по симптоматическому опроснику SCL-90-г (в адаптации Н.В. Тарабриной, 2001), так и показатели невербального тестирования. В качестве последних выступали коэффициенты экспресс-оценки 8-цветного теста Люшера (Филимоненко Ю. И., Юрьев А. И., Нестеров В. М., 1982): психическое

утомление, тревожность, психическое напряжение, эмоциональный стресс, совместно с вегетативным коэффициентом (К. Шипош, 1980), а также суммой отклонений от аутогенной нормы.

С учетом сходства соматических проявлений вегетативных и микроконверсионных расстройств, для их дифференциации использована шкала диссоциативного опыта Dissociative Experiences Scale (Bernstein E.M., Putnam F.W., 1986) в варианте DES-II (Putnam F.W., Carlson E.B., 1988, 1993).

Для оценки социально-психологических детерминант психосоматического статуса (психосоциальный синдром ПСР) использовались шкала чувства социальной когерентности (Sense of Coherence SOC-13, A.Antonovsky), оценка социального капитала по анкете ОСК-10 (Сандомирский М.Е., 2014) и анализ инстинктивных потребностей по тесту ТИП (Сандомирский М.Е., 2014).

Результаты исследования: Всего обследовано 73 человека (16 мужчин, 57 женщин), средний возраст составил 27,49 лет. Все обследованные на момент диагностики с клинической точки зрения были условно здоровы, не имели острых соматических заболеваний либо клинически манифестированных хронических заболеваний в стадии обострения. При этом вегетативный статус рассматривался нами как критерий психосоматической адаптации (Сандомирский М.Е., 2014). Соответственно по результатам ПВО обследованные разделены на 2 группы: удовлетворительной адаптации (19 респондентов) и неудовлетворительной адаптации (54 респондента). Резуль-

таты сравнения групп представлены в таблице 1.

При сравнении состояния вегетативной регуляции в группах удовлетворительной и неудовлетворительной психосоматической адаптации по данным психовегетативного опросника, послужившим основой группирования данных обследования, достоверно отличаются как суммарный вегетативный тонус ($16,89 \pm 1,602$ против $34,07 \pm 1,160$, $p < 0,001$), так и его составляющие: парасимпатический тонус ($7,672 \pm 0,589$ против $16,911 \pm 0,737$, $p < 0,001$) и симпатический тонус ($7,945 \pm 0,680$ против $16,367 \pm 0,552$, $p < 0,001$).

При сравнении показателей психоэмоционального состояния по тесту SCL-90-г в группе удовлетворительной психосоматической адаптации достоверно ниже уровень соматизация ($0,361 \pm 0,052$ против $1,232 \pm 0,086$, $p < 0,001$), тревожности ($0,632 \pm 0,149$ против $1,016 \pm 0,082$, $p < 0,05$) и депрессии ($0,786 \pm 0,187$ против $1,356 \pm 0,104$, $p < 0,01$). Таким образом, по показателям вербального теста наблюдаются отчетливые проявления психовегетативного синдрома в форме триады "тревога-депрессия-соматизация" (Сандомирский М.Е., 2005). Фактор соматизации в генезе психосоматических нарушений дополняется фактором диссоциации, поскольку группы отличаются также по уровню диссоциативного опыта ($43,18 \pm 2,002$ против $50,83 \pm 2,008$, $p < 0,05$). Однако, по показателям невербальной психодиагностики - количественной оценки теста Люшера (методика Филимоненко Ю. И. и соавт.) достоверных межгрупповых различий не выявлено.

Таблица 1.

Сравнение показателей психологического и психофизиологического (вегетативного) статуса в группах удовлетворительной и неудовлетворительной психовегетативной адаптации

Показатели психологической и психофизиологической диагностики	Удовлетворительная психовегетативная адаптация, M±m	Неудовлетворительная психовегетативная адаптация, M±m				
Психовегетативный опросник						
Суммарный парасимпатический тонус	7,672	±	0,589	16,911	±	0,737***
Суммарный симпатический тонус	7,945	±	0,680	16,367	±	0,552***
Суммарный вегетативный тонус	16,89	±	1,602	34,07	±	1,160***
Тест SCL-90-г						
Соматизация	0,361	±	0,052	1,232	±	0,086***
Депрессия	0,786	±	0,187	1,356	±	0,104**
Тревожность	0,632	±	0,149	1,016	±	0,082*
Шкала DES-II						
Оценка диссоциативного опыта	43,18	±	2,002	50,83	±	2,008*
Тест Люшера (коэффициенты Филимоненко и соавт.)						
психическое утомление	7,63	±	0,568	8,02	±	0,427
тревожность	8,37	±	0,622	8,34	±	0,324
психическое напряжение	5,68	±	0,680	5,94	±	0,333
эмоциональный стресс	7,21	±	0,538	7,36	±	0,293
вегетативный коэффициент	0,983	±	0,113	0,943	±	0,071
сумма отклонений	17,58	±	1,729	15,83	±	0,872

Примечание: достоверность различий средних величин * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

При анализе социально-психологических детерминант генеза ПСР (таблица 2), в группе удовлетворительной и неудовлетворительной психосоматической адаптации достоверно выше когнитивная составляющая чувства социальной когерентности ($6,11 \pm 0,802$ против

$4,70 \pm 0,314$, $p < 0,05$) и меньше суммарный уровень инстинктивных потребностей ($55,84 \pm 2,234$ против $60,85 \pm 0,994$, $p < 0,05$). Неожиданным результатом оказалось то, что в группе достоверно больше численность семьи ($13,86 \pm 3,120$ в сравнении с $7,80 \pm 0,827$, $p < 0,05$).

Таблица 2.

**Сравнение социально- психологических показателей в группах
удовлетворительной и неудовлетворительной психовегетативной адаптации**

Показатели психологической диагностики	Удовлетворительная психовегетативная адаптация, M±m	Неудовлетворительная психовегетативная адаптация, M±m				
Тест чувства социальной когерентности						
Социальная когерентность в целом	14,58	±	1,660	12,19	±	0,776
Когнитивная когерентность	6,11	±	0,802	4,70	±	0,314*
Аффективная когерентность	8,47	±	0,971	7,49	±	0,467
Тест ОСК-10						
Респондент считает близкими	8,16	±	1,236	7,00	±	0,614
Респондента считают близким человеком	8,05	±	1,419	7,38	±	0,689
Респондент доверяет близким	7,05	±	0,863	7,04	±	0,841
Респонденту доверяют	7,68	±	1,137	9,32	±	1,300
Респонденту готовы помогать	17,58	±	6,623	11,16	±	1,298
Респондент готов помогать	19,32	±	6,530	19,84	±	3,329
Авторитетны для респондента	4,70	±	1,476	4,43	±	2,448
Авторитетен респондент	6,60	±	2,151	7,00	±	2,828
Члены семьи, проживающие с респондентом	4,00	±	0,730	3,43	±	0,481
Общая численность семьи респондента	7,80	±	0,827	13,86	±	3,120*
Близкое окружение	16,21	±	2,638	14,38	±	1,242
Социальное доверие	14,74	±	1,893	16,36	±	2,019
Социальная поддержка	36,89	±	13,133	31,00	±	3,724
Социальный авторитет	11,30	±	3,215	11,43	±	4,975
Семья	11,80	±	1,373	17,29	±	3,099
Тест инстинктивных потребностей						
суммарная оценка инстинктивных потребностей	55,84	±	2,234	60,85	±	0,994*
потребности самосохранения	23,63	±	0,608	24,24	±	0,438
потребности продолжения рода	27,53	±	1,321	27,44	±	0,506
социальные потребности	23,26	±	0,794	22,76	±	0,570
потребности поиска смысла	25,79	±	1,263	25,59	±	0,523

Примечание: достоверность различий средних величин * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Вывод: Описанные достоверные различия, выявленные при сравнении обследованных групп студентов ВУЗа с удовлетворительной и неудовлетворительной психовегетативной адаптацией, показывают взаимосвязь на донозологическом этапе генеза психосоматических

расстройств вегетативного компонента ПСР с психоэмоциональным (соматизация, тревога, депрессия, диссоциация) и социально-психологическим (чувство социальной когерентности, численность семьи, интенсивность инстинктивных потребностей).

Старцева К.Н. (Ярославль, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ И СИТУАЦИИ БЕРЕМЕННОСТИ НА ИНТЕНСИВНОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО КРИЗИСА

Аннотация. В данной статье представлено исследование влияния архетипически обусловленной гендерной идентичности женщины на ее восприятие ситуации беременности как кризисной (беременность рассматривается в контексте смысложизненного кризиса личности). В качестве пусковых механизмов кризиса рассматриваются сама ситуация беременности (ситуативный фактор) и гендерная идентичность женщины (личностный фактор).

Ключевые слова: архетип, беременность, гендерная идентичность, личностный кризис, материнство, смысложизненный кризис, ценностно - смысловая сфера, эмоции.

Abstract. This article presents a study of the influence of archetypal due to the gender identity of a woman on her perceptions of pregnancy as a crisis (pregnancy is considered in the context of the life crisis of identity). As a trigger of the crisis examines the situation of pregnancy (situational factor) and gender identity women (personal factor).

Keywords: archetype, pregnancy, gender identity, identity crisis, motherhood, life crisis, value - semantic sphere, emotions.

Проблема сохранения здоровья матери и ребенка является одной из наиболее актуальных проблем современного общества. Долгое время беременная женщина находилась под наблюдением и контролем только медиков. Но в последние годы все больший интерес специалистов вызывают психологические проблемы материнства: изучаются психологические особенности женщин в период беременности, их личностные особенности, переживания, эмоции, страхи. Исследования

показывают, что психоэмоциональное состояние женщины во время беременности оказывает влияние на протекание беременности и родов, на психическое и физическое здоровье ребенка и последующее его развитие. Беременность является экзистенциальной ситуацией, затрагивающей все жизненные основания женщины, обуславливающей глубокие изменения самосознания, отношения к себе, другим, миру. Изменения происходят на физиологическом, эмоциональ-

ном, когнитивном, социальном, экзистенциальном уровнях. Все это обуславливает рассмотрение явления беременности как личностного кризиса. Преобразования, происходящие в ценностно-смысловой сфере женщины в период беременности, и сопровождающие их переживания дают основание для рассмотрения данной ситуации как предпосылки возникновения смысложизненного кризиса личности. В психологии понятие "смысл" неразрывно связано с гармонично развивающейся личностью. Соответственно, отсутствие смысла приводит к дисгармонии - личностному конфликту - кризису. Смысложизненный кризис (кризис смысла жизни) – это наиболее общее понятие, обозначающее психологические проблемы личности, связанные с поиском и реализацией смысла жизни. В качестве пусковых механизмов смысложизненного кризиса могут выступать особенности ситуации (в нашем случае это беременность) и особенности личности (в нашей работе мы рассмотрели 12 аспектов архетипически обусловленной гендерной идентичности женщин). Для облегчения переживания кризиса, для создания более благоприятной обстановки развития ребенка женщина может обратиться за помощью к психологу. Все большее распространение получает психологическое сопровождение беременности и материнства, а соответственно, актуальными являются исследования психологических аспектов беременности.

Целью нашего исследования является изучение влияния архетипически обусловленной гендерной идентичности женщины на ее восприятие ситуации беременности как кризисной.

Нами были выдвинуты следующие

предположения:

- архетипические сценарии в рамках гендерной идентичности женщины оказывают влияние на ее восприятие ситуации беременности как кризисной.

- ситуация беременности оказывает влияние на интенсивность проявления кризисной феноменологии.

В исследовании приняло участие 120 женщин: было обследовано 80 женщин в период беременности и послеродовом периоде (40 из них с первой беременностью, 40 женщин со второй и более беременностями) и 40 нерожавших женщин.

Исследование проведено с применением личностного опросника Козлова Анима (ЛЮКА, Козлов В.В.) и опросника «Смысложизненный кризис» (Карпинский К.В.).

В результате проведенного анализа полученных данных мы установили, что смысложизненный кризис переживается женщинами с первой беременностью и женщинами с повторной беременностью практически с одинаковой интенсивностью, кризисная феноменология достаточно ярко проявляется как во время первой, так и во время второй беременности.

Каждая беременность, независимо от количества ей предшествующих, имеет свои специфические особенности, течение каждой беременности индивидуально. Каждая беременность протекает в новых условиях – как внешних, так и внутренних. К внешним условиям можно отнести семейную ситуацию: отношения с супругом, желанность наступившей беременности, наличие детей, их возраст, пол; социальный статус и материальное положение. К внутренним условиям можно отнести психологическую готовность женщины, готовность организма к

вынашиванию второго ребенка, течение предыдущих беременностей и родов. Эти особенности не всегда складываются в идеальную ситуацию для вынашивания и рождения ребенка. Каждое из выше описанных условий может оказать негативное воздействие на течение беременности и родов. В связи с этим нельзя дать однозначного ответа о том, какая беременность является наиболее трудной для женщины и ее семьи. Для семьи каждая беременность является нормативным кризисом, так как она влечет за собой изменение ее структуры. Появление в составе семьи нового члена приводит к изменению ролей, отношений внутри нее, требует повышения ответственности супругов, перераспределения материальных благ. Эти изменения усиливают переживания женщины, обусловленные беременностью как таковой. Каждая беременность женщины имеет те или иные предпосылки для возникновения кризисной феноменологии, что и имеет отражение в полученных результатах.

В период беременности женщины демонстрируют большую выраженность феноменологии смысложизненного кризиса по сравнению с послеродовым периодом, а, следовательно, более интенсивно переживают данный кризис. Во время беременности происходят глобальные изменения в психике и организме женщины, постепенно подготавливающие ее к материнству, вырабатывается отношение к будущему ребенку. Таким образом, можно рассматривать период беременности как период подготовки к более сложному и ответственному периоду, к тому, что ждет женщину с рождением ребенка - к материнству. Во время беременности происходит перестройка ценностных

ориентаций, смыслов, расстановка приоритетов таким образом, что ценность ребенка является одной из доминирующих. Васильева О.С. и Могилевская Е.В. считают, что к концу беременности у женщины должна сформироваться психологическая позиция, которая будет способствовать принятию ею ребенка во всех его проявлениях, точному пониманию его потребностей и особенностей, осознанию ответственности за его жизнь и развитие. Именно эта позиция дает гарантию того, что мать не будет разочарована первыми трудностями жизни с младенцем.

На протяжении всего периода беременности женщина ждет роды как некий итоговый момент, который завершит важный этап в ее жизни. А итогом данного периода является рождение ребенка, материнство. Всю беременность женщина с нетерпением ждет появления ребенка на свет, трудно переоценить интенсивность и яркость проявления эмоций при встрече с ним. Беременность является стрессом для женщины, сопровождается различными переживаниями, напряжением. Пик этих переживаний приходится на момент родов. Д. Тандер для обозначения эмоции женщин при родах использовал термин А. Маслоу «пиковое переживание», указав, что оно «сильнее любого упоения счастьем». Маслоу считал подобные переживания важной частью самоактуализации человека. Он отмечал долговременные эффекты воздействия данных переживаний, связанные с изменением мировоззрения, отношения человека к себе и окружающим, запоминание такого переживания как значительного и желанного события. Таким образом, можем говорить, что роды имеют некое ка-

тарсическое значение для женщины как некое очищение, возвышение, как процесс высвобождения психической энергии, эмоциональной разрядки, уменьшение тревоги, конфликта, фрустрации.

Данные преобразования также обуславливают значимые различия при сравнении группы родивших женщин с группой нерожавших, которые демонстрируют более высокую интенсивность переживания кризиса. Таким образом, интенсивность проявления кризисной феноменологии у родивших женщин наименьшая по сравнению не только с беременными, но и с нерожавшими женщинами.

Во время беременности женщина преобразуется, духовно обогащается, развивается. Материнство преобразует женщину, раскрывает ее лучшие качества, причем не только по отношению к своему ребенку, но и по отношению к окружающим. Материнство является необходимым условием развития личности женщины, оно влечет за собой самопознание, самосовершенствование, самореализацию женщины.

Помимо особенностей ситуации на интенсивность смысложизненного кризиса оказывают влияние и личностные факторы. Так был выявлен ряд значимых взаимосвязей (как прямых, так и обратных) показателей гендерной идентичности и смысложизненного кризиса. Среди аспектов гендерной идентичности можно назвать следующие: София-тамас, Елена-раджас, Ева-сатьва, Ева-раджас.

Беременность требует от будущей матери ответственности, направленности, ориентации на будущее, выстраивания жизненных планов таким образом, чтобы в первую очередь были удовлет-

ворены потребности ребенка. В связи с этим чувственность, иррациональность, непостоянство и непоследовательность Елены-раджас имеют положительную корреляционную связь с показателем интенсивности смысложизненного кризиса. Ценность материнства с наступлением беременности у таких женщин вступает в конфликт с другими ценностями, приводит к их фрустрации (реализация одной ценности мешает реализации других), что создает конфликтный смысл жизни, который в свою очередь вызывает чувство неудовлетворенности, дисгармонии смысла жизни по содержательным параметрам.

Тип София-тамас характеризуются эгоистическими установками относительно других людей, она предпочитает управлять людьми, направлять их в нужное для нее русло, а с наступлением беременности она становится зависимой от своего положения, снижается субъективный контроль жизненного пути, возникает чувство утраты контроля над жизнью, что, естественно, сопровождается фрустрированностью личности. Именно этим объясняется положительная связь данного типа с показателем смысложизненного кризиса.

Напротив, отрицательную связь с показателем смысложизненного кризиса имеет тип Ева-сатьва. Главная цель жизни у женщин с преобладанием данного аспекта – это рождение детей, продолжение жизни несмотря ни на какие обстоятельства. Перед ними не стоит вопрос о сохранении/прерывании беременности, женщина готова с легкостью отказаться от привычного образа жизни, готова пересмотреть планы на ближайшее время, полностью посвятить себя материнству.

То есть ценность ребенка изначально велика, а с наступлением беременности становится главенствующей в иерархии ценностей, что снижает вероятность возникновения кризисной феноменологии.

Однако не всегда изначально существует самостоятельная ценность ребенка. К сожалению, нередко у женщин встречается замена ценности ребенка на ценности из социально-комфортной сферы, то есть ребенок является средством для достижения других ценностей (повышение социального и семейного статуса, сохранение семьи, здоровья, избавление от страха одиночества). Подобные мотивы рождения ребенка во многом соответствуют установкам Евы-раджас, у таких женщин мотив «беременность ради ребенка» занимает далеко не первое место. Такая подмена может вызывать столкновение ценностей, их конфликт. Как правило, подобная ситуация наиболее вероятна в случае психологической неготовности женщины к материнству, что более типично для первородящих женщин.

В ходе сравнения показателей женщин в период беременности и в послеродовом периоде нами были выявлены различия относительно следующих аспектов гендерной идентичности женщин: Мария-саттва, Елена-раджас, Елена-тамас и Ева-тамас. При более подробном анализе мы видим, что первый из этих аспектов – Мария-саттва – наиболее подвержен изменениям у группы женщин с повторными беременностями, последние же три аспекта – у группы женщин с первой беременностью.

Женщины с первой беременностью демонстрируют в период гестации более высокий уровень выраженности аспекта

Ева-тамас, который характеризуется разнуданной чувственностью, сексуальностью. В данном случае речь, вероятнее всего, идет не о той самой безудержной сексуальности (что мы имеем в случае ярко выраженной Евы-тамас), а скорее о потребности женщины во внимании мужчины, ее желании быть сексуально привлекательной для него, несмотря на свое положение (изменение параметров тела особенно остро воспринимаются женщинами в первую беременность).

Беременность преобразует женщину, прежде всего, это касается ее ценностно-смысловой сферы. Женщина начинает выстраивать свое поведение, ориентируясь на ребенка и его потребности, которые теперь занимают лидирующую позицию в системе ценностей. Вместе с этим происходит духовный рост и, как мы уже отметили выше, происходит раскрытие лучших качеств женщины, которые проявляются, в том числе и в отношении окружающих. Поэтому неудивительным становится снижение таких форм активности, как интриги, коварство, измены. Подобные преобразования обуславливают снижение выраженности аспекта гендерной идентичности Елена-тамас, который является воплощением лживости, подлости и безнравственности женской души.

С рождением ребенка женщина может быть растеряна, так как она впервые столкнулась с «обязанностями матери» на практике, у нее отсутствует опыт заботы, ухода и общения с детьми. Поведение женщины еще характеризуется некоторой непоследовательностью. Безусловно, женщина руководствуется знаниями, полученными ею ранее, советами уже опытных в плане материнства жен-

щин, но при этом взаимодействие матери и ребенка на первых месяцах его жизни во многом основано на интуиции женщины, на ее материнских чувствах – спустя некоторое время после родов женщина уже способна распознавать плач ребенка и обуславливающие его потребности. Общение, речь, поведение женщины часто отличается инфантильными чертами, что способствует ее сближению с ребенком. Взаимодействие матери и ребенка характеризуется любовью, отдачей, эмоциональностью, вовлеченностью в эти отношения. Подобные характеристики во многом соответствуют аспекту гендерной идентичности Елена-раджас, выраженность которого возрастает в послеродовом периоде - в большей степени это касается первородящих матерей.

Аспект Мария-саттва - это духовный, материнский аспект гендерной идентичности, он является выражением безусловной, безграничной любви к ребенку. Данные чувства доступны любой женщине, но наивысшего расцвета они достигают именно в материнстве - осознанном материнстве, когда высока самостоятельная ценность ребенка, ценность состояния быть матерью. Согласно модели пути женской индивидуации Лавровой О.В., женщина в своем развитии проходит ряд топосов, один из которых - топос «Мать». Данный момент трансформации связан не столько с самим фактом становления матерью, сколько с проявлением материнских свойств души: забота, принятие, отдача, поддержка, любовь. Эти свойства во всей своей полноте раскрываются при непосредственном взаимодействии с ребенком – именно в этот период проявляется весь тот опыт, который женщина сумела накопить к этому времени. Цен-

ности ребенка и материнства, уже имеющиеся в некоторой форме на основе культурной, семейной и материнской моделей, взаимодействуют с собственным опытом и становятся своими собственными ценностями.

Подтверждением этого являются полученные результаты, согласно которым высшие свойства женщины как матери наиболее выражены в послеродовом периоде, причем в большей степени при повторных беременностях.

Сравнение выборок (женщины в период беременности и послеродовом периоде) с группой нерожавших женщин показало, что трансформация личностного сценария происходит после родов, сама по себе беременность в меньшей степени оказывает на него влияние – она, скорее, является подготовительным этапом для грядущих изменений. Освоение роли матери, прежде всего, связано с развитием таких качеств, как доброта, забота, внимание, готовность к отдаче, мудрость. В основном эти качества развиваются по мере взаимодействия с ребенком. Если во время беременности ребенок был предметом фантазий, ожиданий, то после родов он – объект любви и заботы. Мать, как никто другой, отдает всю себя ребенку, осознавая насколько это важно. Стараясь дать своему ребенку все самое лучшее, в частности это касается воспитания, нравственных и культурных норм, женщина и сама преобразуется, что усиливает эффект, который ей принесло материнство как таковое (духовный рост, раскрытие лучших качеств). Вместе с этим уходят деструктивные качества, существование которых требует отдачи от женщины в виде сил и энергии, которые женщина отныне предпочитает направлять на семью.

Это имеет отражение в полученных результатах: в послеродовом периоде снижена выраженность таких качеств, как коварство, месть, интриги, злословие, прагматичность в отношениях, прагматичность чувственности и телесности, измены.

Можно отметить, что аспекты гендерной идентичности имеют внутренние связи – деструктивные, с точки зрения материнства, подкрепляют друг друга, повышая тем самым, вероятность возникновения конфликта в ценностно-смысловой сфере женщины при наступлении беременности. Аналогично дело обстоит и с конструктивными, с точки зрения материнства, аспектами – они также имеют прямые связи. Соответственно конструктивные и деструктивные связи имеют обратные связи. Вместе с такой логичностью результатов выявлены взаимосвязи противоположных начал: деструктивная материнская любовь/ чистое проявление природы матери, сострадание к ближнему – данные взаимосвязи являются оправданными в случае беременности.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать такие общие выводы:

1) Ситуацию беременности можно рассматривать как предпосылку возникновения смысложизненного кризиса;

2) Первая и повторные беременности характеризуются одинаковой интенсивностью переживания смысложизненного кризиса;

3) Интенсивность переживания смысложизненного кризиса в период беременности зависит от выраженности аспектов гендерной идентичности женщины.

Также можно отметить следующее:

1) Качества, способствующие возникновению и развитию смысложиз-

ненного кризиса в период беременности – это эгоцентризм, иррациональность, непостоянство интересов и влечений, корысть, манипуляция другими, прагматичность чувственности и телесности, безнравственность; препятствующие же его возникновению качества – это способность к безусловной любви и принятию, сочувствию и отдаче, видение своей жизненной задачи в рождении и воспитании детей независимо от социально-экономических условий, высокие нравственные и моральные качества;

2) Материнство влечет за собой духовный рост, раскрытие высших качеств женщины как матери: безусловная любовь, добродетель, забота, жертвенность, мудрость и др., а также подавление деструктивных, с точки зрения материнства, качеств – эгоцентризм, безнравственность, отсутствие моральных ограничений, сексуальная распушенность.

Беременность – это, безусловно, прекрасное время в жизни каждой женщины. Но будет ли оно таким или же будет восприниматься женщиной как нечто негативное зависит от многих факторов – личностной зрелости женщины, ее психологической готовности к материнству, поддержки окружающих. Беременность – это динамический процесс, который влечет за собой ряд изменений как в физиологии, так и в психике женщины. Главной задачей для женщины является выработка адекватной реакции на стрессы с целью ограждения ребенка от их негативного воздействия, освоение роли матери, безусловное принятие еще не родившегося ребенка, выработка позитивного отношения к нему, которое в последующем будет перенесено на младенца. За помощью в реализации

этих задач, в адаптации к своему новому положению женщина может обратиться к психологу. Но женщине нужна помощь в адаптации не только к актуальному состоянию, но также и к послеродовому периоду жизни.

Литература:

1. Васильева Т.Н., Могилевская Е.В. Групповая работа с беременными женщинами: социально-психологический аспект // Психологический журнал. – 2001. – № 1.

2. Карпинский К.В. Опросник смысло-жизненного кризиса: монография.- Гродно: ГрГУ, 2008.-108с.

3. Козлов В.В. Тест «ЛОКАА». Опросный метод исследования глубинных личностных сценариев мужчины и женщины. Методическое руководство. Москва, - 2010. – 59с.

4. Козлов В.В., Шухова Н.А. Гендерная психология: Учебник для вузов. – М. – 2010. – 269 с.

5. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 240 с.

Стёганцев А.В. (Москва, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВЫБОРА В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена использованию технологий выбора в социально-психологической практике. В работе можно выделить две основные идеи.

Первая идея заключается в том, что освоение и использование технологий выбора может стать основным содержанием и целью социально-психологической практики в широком смысле этого термина (как в профессиональной деятельности специалистов системы "человек-человек", так и в практике отдельных людей и социальных групп).

Вторая идея заключается в том, что процесс выбора можно рассматривать как особую деятельность, технологизация которой позволяет резко повышать её интенсивность.

Кроме этого в статье описаны основные теоретические положения теории выбора, представлена рабочая типология технологий выбора, рассмотрена авторская технология "Турбина Выбора", приведён пример внедрения технологий выбора в социально-психологическую практику.

Ключевые слова: технология, выбор, принятие решений, субъектность, самоопределение.

The article is devoted to the use of the choice technology in the socio-psychological practice. In the work there are two main ideas:

- the first idea is that the development and the use of the choice technology can become the principal content and purpose of socio-psychological practice in the broad sense of the term (and in the professional activities of the system "person - person" specialists, and in the practices of individuals and social groups).

- the second idea is that the choice process can be considered as a special activity, which technologization let dramatically increase its intensity.

Furthermore the article describes the basic theoretical principles of the choice theory, presents a working typology of the choice technology, submits the

author's technology "Turbine Selection" and gives an example of the choice technology implementation into the social and psychological practice.

Keywords: technology, choice, decision-making, subjectivity, self-determination.

Введение

На наш взгляд, социально-психологические практики в текущий момент времени переживают острый кризис. С одной стороны, это проявляется в том, что внутри отдельных практик утерян стержневой элемент и целевой ориентир. С другой стороны, это проявляется в нарастающей раздробленности между отдельными практиками, что замедляет их развитие, препятствует возникновению синергетических эффектов, создаёт сложности для пользователей. И это при том, что многие специалисты сходятся в том, что именно социально-психологические практики могут стать ведущим инструментом преодоления системного кризиса, которое переживает современный мир.

На наш взгляд, развитию отдельных социально-психологических практик, а также их интеграции может способствовать выделение ключевого - наиболее универсального и адекватного текущему моменту - элемента социально-психологической сферы жизни людей, который станет главным системообразующим фактором как для социально-психологической практики, так и для отдельных социально-психологических практик, определяя их основания, смысл, цели, содержание, форму.

Мы предлагаем в качестве такого элемента использовать понятие "выбор", а точнее - "технологии выбора". Выдвигая эту гипотезу, мы исходили из того, что именно способность выбирать (самоопределяться, быть субъектом, быть автором своей жизни и т.д.) отличает зре-

лого человека, а если говорить жестко, то человека вообще. С другой стороны, мы считаем, что сейчас существует острая потребность именно в технологиях выбора, т.к. интуитивные способы осуществления выбора в современном мире в большинстве случаев неэффективны и/или рискованны.

О технологиях

Под технологией в данной работе мы будем понимать теоретически обоснованный и технически описанный способ деятельности.

Исходя из данного определения, в любой технологии можно выделить теоретическую и техническую составляющие. Теоретическая составляющая технологии отвечает на вопросы "Зачем это делать?" и "Почему делать именно это и именно так?", позволяя подбирать и/или модифицировать технологии под актуальные ситуации, а также способствуя более эффективному освоению техники. Техническая составляющая технологии отвечает на вопросы "Что делать?" и "Как это делать", позволяя планировать и осуществлять конкретные действия, дающие с высокой вероятностью желаемые результаты.

Теоретическая составляющая фиксируется с помощью моделей и определений ключевых понятий. Техническая составляющая технологии фиксируется с помощью алгоритмов и принципов деятельности.

Таким образом, любую технологию (в том числе и технологию выбора) можно зафиксировать в виде системы из теоре-

тических моделей и определений, и соответствующих им алгоритмов и принципов деятельности.

Методологические основания теории выбора

Мы утверждаем, что общей теории выбора до сих пор не создано. Нами выделено три главных причины такого положения дел:

1. Онтологии, лежащие в основе всех теорий, не соответствуют сложности рассматриваемого явления.

2. Все теорисоздавались в классическом научном подходе - вне контекста актуальных практических задач.

3. При создании данных теорий существовал большой разрыв между теоретической, практической и педагогической деятельностью.

Для преодоления выявленного дефицита мы предлагаем использование трёх методологических принципов, призванных преодолеть описанные выше проблемы и затруднения:

1. Онтологическая полнота и обоснованность.

2. Ориентация на решение актуальных задач.

3. Неразрывная связь теории, практики и дидактики.

В соответствии с первым принципом в качестве онтологического основания исследования была выбрана онтология Выбора (А.В.Стёганцев, А.Е.Овчинников).

В соответствии со вторым принципом, использована концепция постнеклассического типа научной рациональности (по В.С.Степину).

В соответствие с третьим принципом все практические действия тщательно обосновывались с точки зрения теории и методологии, после чего за счет рефлексии

практики и дидактики осуществлялось «обратное обогащающее движение: от технологии и эмпирии – обратно к теории» (по Ф.Е.Василюку).

О выборе

Под выбором мы понимаем процесс определения мира.

Данное определение базируется на онтологии выбора (А.В.Стёганцев, А.Е.Овчинников), ядро которой состоит из трёх базовых аксиоматически определённых понятий и одной базовой аксиомы.

Каждое понятие определено через два других, а в комплексе они представляют собой самоописывающую систему:

- Мир - выбранная определенность.
- Определенность - выбранность мира.
- Выбор - определение мира.

Базовая аксиома является главным принципом онтологии выбора. Она сформулирована так:

- Выбор определяет мир.

Для лучшего понимания данных положений, их можно "приземлить" в виде следующего полуафористического тезиса:

- Выбор - это перевод возможности в актуальность; это активность, обусловленная "изнутри", а не "снаружи".

Поскольку из онтологии выбора следует, что всё в мире есть процесс и результат выбора, для оценки и планирования социально-психологической деятельности нами были выделены четыре дифференциальные характеристики выбора:

- Осознанность – удержание результатов предыдущих выборов. Критерий: видение элементов и связей. «Что выбрал, то и существует!».

- Свободность – удержание существования выбора. Критерий: видение вариантов выбора. «Выбор есть всегда!».

- Гармоничность – удержание связи с предыдущими выборами. Критерий: внешняя и внутренняя положительная обратная связь. «Выбирай лучшее для всего Мира!»

- Ответственность – удержание сделанного выбора. Критерий: соответствие действий сделанному выбору. «Что выбрал, то делай!».

Или в более операциональных формулировках:

- Осознанность – полнота описания ситуации выбора.

- Свободность – количество вариантов выбора.

- Гармоничность – соответствие выбранного варианта предыдущим выборам.

- Ответственность – соответствию действий выбранному варианту.

Таким образом, любое действие человека мы описываем как его выбор, но при этом выделяем в этом выборе различную степень осознанности, свободы, гармоничности и ответственности (т.е. можно говорить об осознанном, но не достаточно свободном выборе, о выборе ответственном, но не гармоничном и т.д.).

Эти же характеристики являются базовыми способностями человека, показывающими насколько выражено и стабильно человек способен проявлять данные характеристики выбора.

Они же являются и базовыми ценностями человека, указывающими на то, что человек стремится повышать показатели данных характеристик выбора.

Интегральную характеристику выбора - то, насколько действие человека обусловлено им самим, а не внешними обстоятельствами, а также соответствующую способность и ценность, мы предлагаем называть субъектностью.

Выбор и самоопределение

Термин "самоопределение" в социально-психологической практике является достаточно распространенным. Несмотря на то, что в большинстве случаев контексты использования терминов "самоопределение" и "выбор", мы различаем эти два понятия следующим образом:

а) Самоопределение - это частный случай выбора.

б) При самоопределении ситуация выбора непосредственно связана с выбирающим - при её описании им используются слова "Я", "Мне", "Мой" и т.д. ("Куда МНЕ пойти учиться, "Где припарковать МОЮ машину?", "Как Я отношусь к этому человеку?").

в) Применительно к самоопределению можно использовать все технологии выбора, строя их на описаниях внутреннего мира человека (пространства, в котором человек делает выбор).

Таким образом, в данной работе под самоопределением понимается выбор человеком его отношений с миром в какой-либо области.

Способность к самоопределению фиксирует способность человека к выбору вообще, а кроме того, самоопределённость по ключевым вопросам задаёт ориентиры для его последующих выборов (рис. 1).

В качестве ключевых самоопределений человека (а также социальной группы) мы выделяем пять:

1. Мировоззрение ("Картина мира");
2. Образ "Я" (описание своей личности);
3. Система ценностей;
4. Система целей;
5. Образ жизни.

Рис. 1. Модель "Аттестат Зрелости"

Созданная получила название "Аттестат Зрелости", т.к. мы считаем, что самоопределение в этих областях должно стать прагматической целью социально-психологических практик, а освоение технологий выбора на уровне, необходимом и достаточном для их успешного осуществления, должно стать их образовательной целью.

Технологии выбора

Необходимость в любых технологиях возникает в случае, если:

а) субъект деятельности не обладает достаточной экспертностью для интуитивных действий на желаемом уровне качества в данной ситуации;

б) необходимо повысить результативность деятельности и/или снизить затраты и риски;

в) деятельность осуществляется рас-пределённым (коллективным) субъектом.

Все перечисленные обстоятельства относятся к выбору, как особому виду человеческой деятельности. Это обусловлено четырьмя основными обстоятельствами современного мира:

1) С учетом высокой скорости, резкости и непредсказуемости изменений инстинктивные и эмоциональные реакции всё чаще и чаще дают сбои ("Полководцы всегда готовятся к прошедшей войне!");

2) Цена ошибки от неверных решений высока, как никогда;

3) Перебор вариантов в большинстве случаев делают этот способ принятия решений неэффективным, рискованным или вообще невозможным;

4) Решения зачастую принимаются коллективно, что требует согласованности, а вследствие этого - общей структуры деятельности.

Таким образом, интуитивное выборание в большинстве случаев уже не работает - требуются технологии выбора.

Типы технологий выбора

Технологии, связанные с осуществлением выбора, можно условно разделить на четыре группы:

1. Собственно технологии выбора;
2. Технологии совместного выбора
3. Технологии сопровождения выбора;
3. Технологии сопровождения совместного выбора

Собственно технологии выбора

Напомним, что техническая составляющая технологии отвечает на вопросы "Что и как делать?!". Главным способом

2. Составление списка вариантов выбора.

3. Определении лучшего варианта.

4. Реализация выбранного варианта.

Данный алгоритм и технология в целом получили название "Турбина Выбора", т.к. графическое изображение блок-схемы деятельности напоминает турбину реактивного самолёта (рис. 2).

Несмотря на всю простоту данного алгоритма, он показал свою эффективность, а возможность его масштабирования и совмещения с другими техниками и технологиями позволяет решать практически любые задачи, связанные с выбором.

Важное замечание! Определение лучшего варианта из имеющихся часто называют выбором. Однако из онтологии выбора следует, что выбор - это опреде-

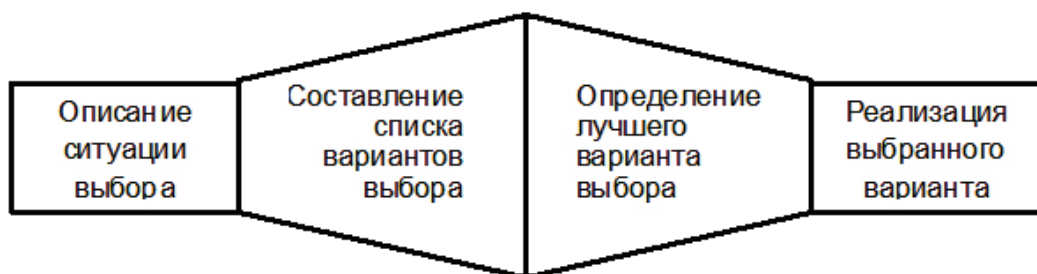

Рис. 2. Модель "Турбина Выбора"

фиксации ответов на вопрос "Что делать?" является алгоритм деятельности.

При выборе базового алгоритма выбора мы исходили из следующих граничных условий:

- 1) Универсальность;
- 2) Компактность;
- 2) Масштабируемость.

Созданный алгоритм состоит из четырех основных этапов:

1. Описание ситуации выбора.

ление мира, а не заявление об этом намерении (если только вопрос не стоит так "Что мне сказать про это?"). Поэтому при согласовании этих двух терминологий действия по определению лучшего варианта выбора мы называем "принятие решения", а последующие действия - "реализация решения".

Принципы применения технологии "Турбина Выбора"

Если главным способом фиксации от-

ветов на вопрос "Что делать?" является алгоритм, то главным способом фиксации ответа на вопрос "Как делать?" являются принципы.

В качестве основных принципов технологии "Турбина Выбора" мы выбрали семь:

1. Последовательность

Каждый последующий этап начинается после окончания предыдущего.

2. Масштабируемость

При необходимости, на каждом этапе (и даже подэтапе) выбора применяется вся "Турбина Выбора".

3. Дополняемость

Каждый этап при необходимости может дополняться любыми другими адекватными инструментами:

- Описание ситуации - аналитическими и рефлексивными техниками и технологиями;

- Составление списка вариантов выбора - техниками и технологиями повышения креативности, методами решения творческих задач, работой с информационными источниками, экспертным консультированием и т.д.

- Определение лучшего варианта - техниками и технологиями рейтингования (в первую очередь, осмысления выделенных вариантов - оценки их связи с системой целей и ценностей), пробами и экспериментами, проективными техниками и технологиями, гадательными методами, экспертным консультированием и т.д.

- Реализация выбранного варианта - техниками и технологиями поддержания мотивации, само- и взаимоконтроля, позитивного и негативного подкрепления.

4. Процессуальность

При необходимости, "Турбина Выбо-

ра" может применяться на любом этапе для форматирования самого процесса выбора (т.е. одна и та же технология используется и для содержательной и для процессуальной работы).

5. Возвратность

В случае затруднений (если результаты работы на каком-либо этапе не удовлетворяют выбирающего, а использование Турбины Выбора не помогло), происходит возврат к предыдущему этапу, вплоть до нулевого.

6. Соразмерность

Все инструменты и сама технология используются только там, где без этого не обойтись, и в объёме, соответствующим сложности задачи.

7. Радостность

Технология выбора призвана повышать уровень счастья выбирающего, а не понижать его. (Как писал Лев Толстой, "Если радость кончается, ищи, в чём ошибся!")

Технологии сопровождения выбора

В ряде случаев человек (или группа) не может успешно подобрать и/или применить технологию выбора. Это, как правило, связано с тем, что он с не знаком с адекватной задаче технологией выбора, или он её еще только осваивает, или это может быть вызвано нересурсным состоянием выбирающего. Именно в таких случаях следует воспользоваться помощью специалиста, владеющего подходящей технологией сопровождения выбора.

В рамках технологий сопровождения выбора, мы смогли выделить четыре относительно независимых подхода:

1. Вербальный (коучинг, тьюторство).

2. Визуальный (схематизация, визуализация).

3. Экспериментальный (организация пробных действий).

4. Игровой (организация отдельных игр, внедрение игровых элементов в жизнедеятельность).

Вербальный подход строится на управлении процессом выбора с помощью речевых инструментов.

В вербальном подходе можно выделить три главных составляющие.

Первая - это структурирование и оптимизация процесса выбора, в первую очередь, с помощью вопросов. С некоторой натяжкой эту составляющую вербального подхода можно назвать майевтикой.

Вторая - это передача актуальной дополнительной информации, которая может помочь в выборе (например, расширив список вариантов выбора). Эту составляющую вербального подхода можно назвать информированием или консультированием.

Третья - это поддержание выбирающего в оптимальном психофизическом состоянии. Эту составляющую можно назвать эмпатия. Главным инструментом её инструментом является эмпатическая обратная связь.

Визуальный подход к сопровождению выбора проявляется в том, что на всех или на отдельных этапах выбора схематизируются и/или визуализируются процесс выбора и его промежуточные итоги.

Это позволяет выбирающему в каждый момент времени более ясно понимать, какую задачу он сейчас решает, а также видеть ключевые элементы и связи ситуации выбора, плюсы и минусы рассматриваемых вариантов и т.д.

Экспериментальный подход проявляется в том, что у выбирающего есть возможность не только провести мысленный эксперимент, но и получить реальный,

хотя и компактный, опыт принятия и реализации разных решений.

Наиболее широко экспериментальный подход используется на 3 этапе Турбины Выбора ("Определение лучшего варианта").

Наверное, самый яркий пример использования экспериментального подхода в сопровождении выбора - это прохождение старшеклассниками профессиональных проб в процессе профессионального самоопределения.

Игровой подход к сопровождению выбора включает в себя четыре относительно различных способа. Рассмотрим их более подробно.

Первый способ использования игрового подхода для сопровождения выбора можно условно назвать "игровое моделирование". Суть его в том, что в игре создаётся более компактное и наглядное, чем в актуальной ситуации пространство выбора (но без потери его существенных характеристик!), в котором игрок более ясно видит основные элементы и связи ситуации (с этой точки зрения, этот способ близок визуальному подходу).

Второй способ можно назвать "игровая проба". Суть его в том, что в игре создаётся пространство проб, в котором игрок может в режиме перебора относительно быстро "примерить на себя" различные варианты выбора (с этой точки зрения этот способ близок экспериментальному подходу).

Третий способ использования игрового подхода для сопровождения выбора - это модная сейчас геймификация. В упрощённом виде геймификацию можно определить так: геймификация - это дополнение неигровых ситуаций игровыми элементами. Наиболее яркие примеры

использования геймификации - это введение метафор на 1-м и 2-м этапе Турбины Выбора для расширения видения ситуации и поиска неожиданных вариантов выбора, а также использование современных элементов и элементов оперативной обратной связи на 4-м этапе Турбины Выбора для поддержания мотивации выбирающего.

Четвёртым способом использования игрового подхода для сопровождения выбора является игроформация. В упрощенном виде игроформацию можно определить так: игроформация - это использование игрового языка для описания неигровой ситуации с целью изменения отношения к ней человека, затрудняющегося сделать выбор.

Технологии совместного выбора

Главная проблема при осуществлении совместного выбора (совыбора) - это отсутствие непосредственной явленности содержания сознания участников друг другу.

Отсюда вытекают три следствия:

1. Необходимо дать участникам доступ к содержанию сознания друг друга.
2. Необходимо организовать процесс эффективной коммуникации.
3. В большинстве случаев необходим координатор процесса.

Поэтому можно сказать, что принципиально коллективный выбор ничем не отличается от индивидуального - при проведении оптопрактического процесса с группой, используются все рассмотренные ранее подходы (вербальный, визуальный, экспериментальный, игровой).

Но в дополнение к ним решается задача объективизации содержания сознания - здесь широко используется техники и технологии визуализации, а также ор-

ганизация эффективной коммуникации между участниками.

Технологии выбора в социально-психологической практике

В качестве примера внедрения технологий выбора в социально-психологическую практику рассмотрим образовательную практику.

Мы выделили пять областей использования технологий выбора в образовательном процессе:

1. Использование технологий выбора для построения индивидуальной образовательной программы.

2. Использование технологий выбора при планировании и организации отдельных мероприятий образовательного процесса (занятие, мероприятие, конкурс).

3. Использование технологий выбора для сопровождения самоопределения обучающихся по актуальным для них вопросам.

4. Использование технологий выбора (в первую очередь, технологий самоопределения) для самоосознания и развития картины мира обучающихся.

5. Использование технологий выбора как основного содержания образовательного процесса, а их освоение - как его основной цели.

На наш взгляд, последнее направление является наиболее радикальной образовательной новацией из всех нам известных. И первые эксперименты в этом направлении уже идут. Например, согласно концепции Муниципальной системы дополнительного образования города Красноярска, миссией системы является "предоставление участникам образовательного процесса возможностей для освоения ключевой компетенции зрелого человека - способности делать выбор".

Заключение

Главные итоги настоящей работы можно сформулировать в виде трёх тезисов:

1. Использование технологий выбора может стать главным системообразующим фактором как для социально-психологической практики в целом, так и для отдельных социально-психологических практик, определяя их основания, смысл, цели, содержание, форму.

2. Процесс выбора можно рассматривать как особую деятельность, технологизация которой позволяет резко повышать её эффективность.

3. Одной из технологий выбора является представленная в работе технология "Турбина Выбора", включающая в себя комплекс теоретических моделей и определений, а также комплекс соответствующих им алгоритмов и принципов деятельности.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система. М.: Изд-

во МГППУ, 2007.

2. Карицкий И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических наук – М.; Челябинск: Социум, 2002.

3. Козлов В.В. Духовный кризис – структура и динамика. Электронный ресурс, код доступа <http://psi-net.ru>.

4. Козлов В.В. Методологические аспекты интенсивных интегративных психотехнологий в социальной психологии кризисного общества. Электронный ресурс, код доступа <http://zi-kozlov.ru>.

5. Стёганцев А.В., Овчинников А.Е. Использование технологий выбора в дополнительном образовании. Выпускная аттестационная работа. Красноярский институт непрерывного образования. Красноярск, 2015.

6. Стёганцев А.В., Овчинников А.Е. Онтология выбора. Электронный ресурс, код доступа <http://igropraktika.ru>.

7. Стёганцев А.В., Овчинников А.Е. Онтология игры. Электронный ресурс, код доступа <http://igropraktika.ru>.

8. Стёпин В.С. Смена типов научной рациональности. Электронный ресурс, код доступа <http://spkurdyumov.ru>.

ХелдеА. (Рига, Латвия)

РЕКЛАМА СОЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА, КАК МЕТОД ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ БРЕНДА: ОБЗОР ССЫЛКОЙ НА ЛАТВИЙСКИХ СМИ

Аннотация

Это исследование рассматривает природу социального дискурса рекламы, используемой в качестве позиционирования бренда, акцентом на потребительскую рекламу, которая направлена на продвижение какого-либо продукта или услуги широкой публики. Исследование, однако, не ставит перед собой задачу, чтобы исчерпать все аспекты данного конкретного дискурса, или представить ответ на все проблемы. Эта статья направлена на анализ нескольких различных коммерческих объявлений (рекламный продукт / не продукт), чтобы исследовать намерения и методы компании, как привлечь больше потребителей и продавать больше продукции. Норман Файрклуг (N.Fairclough) и "3-D модель", Кресса и ван Лиувен (Krees and Van Leewen) и "Визуальная грамматика дизайнера" - были использованы для анализа данных для

специалистов, но мы используем метод стереотипов. По традиции, стереотипы определяются как образцы или схемы, через которые люди организуют свое поведение, различную деятельность. Психологи были крайне заинтересованы в методах убеждения, используемых рекламодателями. Вопрос в том, что большинство таких исследований хочет понять, привела ли реклама к изменениям в формировании культурных нравов и в индивидуальном поведении, или нет, является ли это более чем "зеркалом" глубоких культурных тенденций в урбанизированном современном обществе. Одна вещь, с которой соглашаются все, является то, что реклама стала одним из самых узнаваемых и привлекательных форм социальных связей, которой в обществе подвергаются все.

Тем не менее, это может быть понято из тех результатов, что производители, как правило, имеют тенденцию использовать свою власть и идеологию, чтобы изменить поведение и мысли людей. Более эффективно используется «старые» стереотипы, чтобы сохранить прежнее поведение, и попытаться усилить существующее поведение как традиционное значение, что усиливает идентичность клиентов. Когда мы рассматриваем гендерные стереотипы мы смотрим на традиционное поведение мужчин и женщин, на характеристики этого поведения, которое приоритетно в нашей культуре и в обществе. Эта идея позволяет производителям вовлечь клиента, принадлежащего к этому обществу, психологически в историю, созданную рекламодателями. Содержание визуальных образов воспроизводят особые качества отдельных групп людей, это также определяет их потребительские характеристики. Вот почему это важно понять, как культурные схемы достигают человека. Сегодня информационное пространство, средства массовой информации являются основным средством для передачи и воспроизводства культурного форм информации.

Кроме того, это исследование дает анализ некоторых рекламных объявлений, используя различные способы интерпретации. Все материалы взяты из латвийских СМИ.

Ключевые слова: анализ социального дискурса, стереотипы, Бренд, поведение клиента, печатная реклама, визуальный образ, 3D Файрклуга, "Визуальная грамматика дизайна" Криса и Лиувена, гештальт-психология, культура.

Abstract

This study examines the nature of the social discourse of advertising used as a brand positioning discourse. The focus is on consumer advertising, which is directed towards the promotion of some product or service to the general public. The study, however, is not meant to exhaust all the aspects of this particular discourse, or present an answer to all the problems it poses. This paper aimed at analyzing some different commercial advertisements (product/non-product ads) to investigate the intentions and techniques of consumer product companies to reach more consumers and sell more products. Norman Fairclough's 3-D model and Kress and van Leeuwens grammar of visual design were used to analyze the data for professionals, but we are pointed on using stereotypes. Traditionally, stereotypes are defined as patterns or shemes via which people organise their behaviors and activities. Psychologists have been extremely interested in the persuasion techniques used by advertisers. The implicit question that most of such studies have entertained is whether

advertising has become a force molding cultural mores and individual behaviors, or whether it constitutes no more than a "mirror" of deeper cultural tendencies within urbanized contemporary society. The one thing which everyone agrees is that advertising has become one of the most recognizable and appealing forms of social communication to which everyone in society is exposed.

However, it could be understood from the results that the producers, generally tend to use their power and ideology to change people's behaviour and thought. Some time more efficiently is used "old" stereotypes and do not try to go to change people's behaviour but do conversely use their power to preserve previous behaviour try to reinforces this behaviour, shown this like some traditional value what confirmed customers identity. When we consider gender stereotypes we look at notions about the supposedly traditional behaviours of men and women and the characteristics and standards of this behaviours, as grounded in our culture and society. This idea allows to producers make customer feel belonging to this society and psychologically be involved into story what is shown by advertisers. Culture covers human values, action patterns, ideas, and material and artificial surrounding which enable interaction among people. The content of culture determines the particular qualities of certain groups of people, and it also determines their consumer characteristics. That is why it is essential to understand the way in which culture reaches individuals. In today's information area, the media are the primary means for the transmission and reproduction of cultural information. They shape the image of culture in people's consciousness.

In addition this study provides analyses of some ads, using different ways of interpretations. All materials are taken from Latvian media.

Keywords: Social discourse analysis, stereotypes brand, customer behaviour, print advertisement, Image, Fairclough-3D, Kress and van Leeuwen's grammar, Gestalt psychology, culture.

Статья рассматривает социальный дискурс, используемый в рекламе для позиционирования бренда. Внимание фокусируется на коммерческой рекламе, создающей продвижение товара или услуги на рынке, способствует их распознаванию или усиливает распознавание, используя безусловные стимулы. Однако, нужно принимать во внимание, что настоящая статья не ставит своей задачей найти решение всех проблем, возникающих в этой связи. Целью статьи является исследование влияния разнообразных техник коммерческой рекламы, используемых компаниями, предоставляющими услуги, для привлечения по возможности больше

потребителей, реализуя таким образом как можно больше товаров.

Модель Нормана Фейрклака 3-D, а также «Визуальная грамматика» Криса и Ванлуена используется для анализа данных профессионалами, а мы в основном, фокусируемся на использовании стереотипов. Традиционные стереотипы могут быть определены как модели и схемы, помогающие людям организовать их отношение и поведение по отношению к какому-либо делу или явлению (Л.Н. Борн, Н.Фелипа Руссо «Психологическое поведение в контексте», 1998). Это поведение можно также назвать символической репрезентацией (Р.Чалдини, 1999).

В области рекламы, практикующие психологи искренне заинтересованы распознать те техники убеждения, которые используются профессионалами рекламы. Неявный вопрос, рассматриваемый в статье – стала ли реклама определенной силой, формирующей культурные привычки и индивидуальное поведение, или же реклама – это ничего больше, чем зеркальное отражение современного урбанизированного общества в рамках культурной тенденции. Нужно отметить, что современная реклама стала одной из распознаваемых и привлекательнейших форм социальной коммуникации, которой подчиняется все общество. Поэтому и производители стараются использовать всю свою идеологию и влияние, чтобы изменить желаемым образом модель поведения потребителя.

Исследование показывает, что часто гораздо эффективнее работают «старые» стереотипы, позволяющие потребителю продемонстрировать свою идентичность путем использования силы и значения традиционных ценностей. Рассматривая гендерные стереотипы, внимание сосредоточивается на традиционных отношениях мужчины и женщины, на моделях их поведения, характеристиках и стандартах, характерных для нашего общества и его культуры. Именно эта установка позволяет чувствовать свою принадлежность и быть вовлеченным в исследование. Уровень культуры определяет конкретные свойства определенных групп людей, что, в свою очередь, служит характеристикой потребителя. Это позволяет понять, как важно понять способ, каким культура достигает индивида. В современном информационном пространстве главная роль принадлежит

средствам массовой коммуникации, являющимися главными средствами, создающими, интерпретирующими, производящими и копирующими культурную информацию. Именно масс-медиа создают культурный образ в сознании людей.

Основываясь на материалах из пространства Латвийских масс-медиа, в статье анализируются различные виды интерпретации рекламы.

Ключевые слова: Анализ социального дискурса, стереотипы, бренд, поведение потребителей, печатная реклама, 3-D Фейрклака, «Визуальная грамматика» Криса и Ванлуена, психология Гештальта, культура.

Введение

Аналогично тому, как, объединяя различные маркетинговые элементы, создается лучшее маркетинговое предложение, маркетологи должны оценить, каким образом будет использоваться эта маркетинговая программа, чтобы по возможности лучше и эффективнее реализовывать распознаваемость бренда и его позиционирование.

Хотя концепцию бренда может быть относительно легко понять, строить стратегию бренда действительно может быть довольно сложно. С технической точки зрения, бренд это имя, символ, знак, или сочетание дизайна, идентифицирующий конкретный продукт. Бренд состоит из двух частей: фирменное наименование (марка) и товарный знак (ОС Феррелл, MD Хартлайн 2014). Фирменное наименование (марка) является частью бренда, что можно произнести и выговорить, совмещающее в своем составе слова, буквы или цифры (Лайма, KDF, 7-Up). Знак бренда, который в-

ключает в себя символы, цифры или конструкции, является частью бренда, который невозможно произнести (Nike swoosh – Найк «галочка»). Дженни Романюк, профессор из Эренберг-Басс института говорит: "различные элементы Бренда являются теми уникальными знаками, что позволяет большей части потребителей идентифицировать бренды, например, такие как Nike Swoosh или красный и желтый леденец M&M. Возможности и вызовы для построения отличительного знака, который потенциально может хорошо сработать, могут прийти из абсолютно различных источников: от цвета, от шрифтов, от логотипа, от стиля рекламы с использованием знаменитостей и интересных персонажей. Хотя технические аспекты Бренда очень важны, стратегия Бренда включает в себя гораздо больше, чем просторазвитие интеллектуальных методов уникального дизайна. Lasizīmosia является то, что сразу приходит на ум, если клиент столкнулся с проблемой, и требуется понять, имеет ли эта проблема решение или нет. Таким образом, это "борьба за человеческий разум." (Райс, Дж., Траут 2009). Тем не менее, для большинства людей реклама это то, что имеется в виду, чтобы поощрять или убедить их приобрести тот или иной товар. Реклама служит не только этой цели, она должна "хорошо развлекать, информировать, дезинформировать, волновать, хотя можно утверждать, что основная функция рекламы – это предоставление услуги" (Кук, 1992).

С другой стороны, имеется реклама не-продуктов (образования имиджа, действующие на потребителя по видам стимулов), они не связаны с продвижением продукта на рынок, а обращены на

изменение модели поведения, обосновывая необходимость подобного изменения. Реклама не-продуктов используется в различных кампаниях, свидетельствуя о том, что приглашение изменить модель поведения не всегда эффективно работает.

Не всегда реклама напрямую связана с рекламной продукцией, тем не менее, у рекламы остается неявное обязательство влиять на изменения в поведении потребителей" (Кук, 1992). В настоящее время является популярным сочетать эти методы (продукт и не-продукт или, по сути, рекламу имиджа), повышая узнаваемость продукта на основе широкого круга культурных и поведенческих стереотипов. Целью подобной рекламы будет не обязательно изменение поведения, наоборот, реклама может быть направлена на поддержание или усиление существующих привычек.

Реклама связана с нашей повседневной жизнью: она отражает общество и передает его смысл и послание; реклама имеет социальное значение, она позволяет людям осознать связи явлений и их отношения. Кук (1992) добавляет, что "реклама не является удаленным специализированным дискурсом, но это значительный способ дискурса современного общества." Дискурс описывается Джи (2005), как "использование языка (устного или письменного) в дополнительной социально-политически ориентированной роли." Файрклу (1989) развивает эту идею далее и определяет, что "только определенный тип социальной практики", что центр власти и идеологии взаимодействуют друг с другом. Другими словами, речь идет о социальной практике, в тоже время, о ее природе" (Водак, 1999). Промежуточные

тексты описаны как тексты, узнаваемые по их зависимости от других соответствующих текстов. Французский социальный теоретик Мишель Фуко разработал идею дискурса в начале своей работы, особенно в работе «Археология знания (1972)». Работа дискурсивных борьбы социального обеспечения: Подростковая перекрестной по беременности и родам (И. Lessa (2006). "Дискурс борьбы в социальном обеспечении: рестадирование подросткового материнства." Британский журнал социальной работы 36(2): 283-298 Doi: 10.1093/bjsw/bch256. [])

В работе «Дискурсивные битвы в социальном благополучии: контрольная проверка материнства подростков» (И. Лесс 2006), "Discursive struggles with social welfare: Restaging teen motherhood". British Journal of Social Work 36 (2): 283–298. doi:10.1093/bjsw/bch256. []) Лесс обобщает определение дискурса, данное Фуко, как «мыслительные системы, из идей, отношений, направлений работ, убеждений и действий, систематически конструирующих субъектов и миры, о которых говорят.» Фуко прослеживает роль дискурса в разнообразных социальных процессах легитимизации и власти, обобщая конструкцию существующей истины, а именно, как она поддерживается и в каких властных отношениях включены эти истины. Позже Фуко теоретизировал, что дискурс является медиа, через которую властные отношения производят говорящих субъектов. Фуко (1977, 1980) утверждал, что власть и знание связаны между собой, и поэтому каждые отношения людей представляют собой борьбу власти и переговоры власти. К тому же Фуко утверждал, что власть присутствует всегда, и может как производить, так

и обсуждать истину (С. Стрера "The view from the poststructural margins: Epistemology and methodology reconsidered. 2005.). По мысли Фуко, дискурс нужно относить к власти, когда она действует в соответствии с исключительными условиями. Поэтому дискурс контролируют объекты, о которых можно говорить, ритуал, где и как можно говорить, и привилегированные, кто имеет право говорить (М. Фуко 1972) *Archaeology of knowledge*. New York: Pantheon. ISBN 0415287529). Характеризуя фразы власти – знания, Фуко утверждал, что знания иногда создают власть и являются созданными властью. Объект становится «узлом сети». В работе «Археология знаний» Фуко использует пример книги для иллюстрации узла сети. Книга не является сочетанием индивидуальных слов, расположенных на странице, при этом каждое слово имеет свое значение, но скорее, «включена в систему ссылок по отношению к другим книгам, другим текстам, другим предложениям». Смысл этой книги связан с широкой, всеобъемлющей сетью знаний и идей, к которой она относится. В сущности, это создает отношения между текстом и «разными языками и значениями, что культура использует в своей практике, отношениях и связях, создаваемых и производимых этой культурой». Поэтому один из приемов как успешно делать рекламу, это преподнести ее как отношения между презентациями рекламы и литературными ассоциациями, возникающими в целевой аудитории. «Создание стандартного сообщения рекламы и обычная манера ее преподнесения становится уничтожителем творчества и, в результате, сама становится старомодной. Чтобы это не произошло, рекламному агенту и заказ-

чику рекламы не так много нужно думать о своих целях, как о том, удовлетворение какой своей потребности получит потребитель.» Райпорт (BusinessHarvardreview. 2013, Март).

Проблемы и цели

Обычно рекламные исследования разделяют на составные части, которые затем исследуются, при этом, каждая в отдельности, концентрируясь лишь на одном элементе и игнорируя другие. Существуют различные, традиционно используемые теории, например, Файрклу «3D», Крис и Ван Льювен "Визуальная грамматика". Эти теории хороши для студентов и ученых, но практически не могут быть использованы для потребителей. Удачной рекламой считается такая реклама, которую можно описать тремя параметрами: стратегия, творчество, изготовление. Стратегия - это выбор конкретной цели, целевой аудитории, планирование изготовления отчетов и использования каналов связи с общественностью. Ясно и понятно.

Характеризовать рекламу с использованием социального дискурса будет гораздо сложнее, нежели использовать описательный подход, предложенный выше. Нужно иметь в виду, что реклама с использованием социального дискурса, рождается в мозгу, и лишь затем реализуется, в связи с чем при анализе подобной рекламы возникает слишком много возможностей трактовки.

Рекламные специалисты рекомендуют использовать метод, который подобно тому, как описывается пейзаж. Этот видописания делится на четыре области: общественное пространство, в котором мы передвигаемся или выполняем какую-либо деятельность, как в режи-

ме онлайн, таки офф-лайн; социальная сфера, где мы взаимодействуем независимо друг от друга; сфера коммуны (группы), в которой мы наиболее четко осознаем свою идентичность или принадлежность кодной из групп, и, наконец, психологическая сфера, в которой мы соединяем конкретные языковые мысли и чувства (Ф. Райпорт, 2013). В статье сделана попытка сосредоточиться на местном уровне латвийской рекламы, то есть использовать местные культурные схемы. Социальный дискурс используется в качестве принципа коммуникации брендом потребителями, на основе потребительских предпочтений и культурных привычек.

Социальная ответственность и реклама

Традиционные маркетологи считают, что этика и социальная ответственность являются достаточно хорошим дополнением к экономической деятельности, но можно обойтись также и без этих категорий. В то же время широко известно, что этическое поведение может не только улучшить репутацию компании, но и в значительной степени способствовать ее доходам. (Я. Майна, Т. Л. Гонсалес-Падрон, Г. Томас, М. Халт и О.С. Феррел ([//www.cloudapps.com/selesforce-carbon-reporting](http://www.cloudapps.com/selesforce-carbon-reporting), accessed мая 29, 2012) и И. Нуйи "ответственная компания", («The Economist», 31, 2008 март).

"Социальная ответственность является ключевым понятием, относящимся к обязательствам организации в целях максимизации ее позитивного влияния на общество, сводя к минимуму негативные последствия. Социальная ответственность состоит из четырех элементов: Экономических, правовых, этических и благотворительных" (А. Кэррол "Пирамиды

корпоративной социальной ответственности", Бизнес-горизонты, 34-1991). Если компания пытается игнорировать социальную ответственность, это может разрушить доверие клиента к самой компании.

Реагируя на требования заказчика, а также в условиях определенных рисков, увеличиваются требования к тому, чтобы компании в свои маркетинговые планы включали этические и социальные стратегии ответственности. Встречаются фирмы, которые только делают вид, что являются социально ответственными, тогда как на самом деле, социальная ответственность компании рассматривается как своего рода маркетинговый трюк.

Как говорит ученый Э. де Боно, не так легко объяснить, где находится грань между социальной ответственностью и представлением себя как социально ответственной личностью или компанией" (Э. Де Боно). http://www.debonoforbusiness.com/asp/six_hats.asp.

Чтобы решить эту новую проблему, рекламные исследователи считают, что рекламу можно объяснить, используя полный значения дискурс. Один из подобных разъяснительных методов может быть "метод кодирования /декодирования" Холла (Hall) (1973).

Термин "кодирование" описывает процесс создания новостей, а "декодирование" является процессом, как можно понять и воспринять, почувствовать информацию из кодированных сообщений. Холл говорит: "дискурс рекламы, можно сказать, не является «прямо указующей коммуникацией». Каждый знак визуальной рекламы включает дополнительно "качество, ситуации, ценности или выводы, что представлены как в виде прямых,

так и косвенных средств, что зависит от дополнительных ссылок". (Stuart Hall, 1973), [HTTP: //people.ucalgary.ca/~rseiler/hall.htm](http://people.ucalgary.ca/~rseiler/hall.htm)).

Эта теория может быть использована для анализа дискурса таким образом, что дает четкое понимание подразумеваемой идеологии, которая стоит за подобными рекламами. Для того, чтобы лучше проанализировать визуальный образ, мы, как исследователи можем использовать метод Файрклу (Fairclough 1995), а также в дальнейшем развита Ван Льюэном и Крессом (KRESS, van Leeuwen 1996.), известный как метод "визуальной грамматики". «Глядя на язык визуальных коммуникаций, мы можем понять гораздо более серьезно и дальше понять его роль в системе, которая отражает нашу культуру, хотя, тем не менее, каждый понимает его по-своему, используя свой особый подход и делает это полностью самостоятельно" (Кресс и ван Льюэн, 1996). Созданный Файрклоком «квадрат измерений» состоит из нескольких частей. Внутренний "квадрат" рассматривает текст, средний - дискурс практики, а внешний "квадрат" представляет социально-культурный опыт, создавая таким образом, мультимедийные сообщений печатной рекламы. При рассмотрении теории Кресса и ван Льюэна, видно, что они определяют две составляющие визуального дискурса: существуют создатели новостей и те, кто их смотрит. Таким образом, мы можем назвать их партнерами. Производители и зрители. Среди этих участников существуют определенные отношения. Отношения, формирующиеся с представленным участником, можно считать синтаксическими отношениями, а отношения, которые развиваются меж-

ду представленными и интерактивными участниками, могут быть определены как семантические. Отношения между интерактивными участниками можно охарактеризовать как прагматичные. Учитывая тот факт, что люди в своем уме обрабатывают рекламные сообщения, последние могут по-разному повлиять на поведение потребителей. Мы воспринимаем изображения в масс-медиа и их содержание, только если они соответствуют нашим предыдущим моделям знаний и таким образом облегчает нашу жизнь. Точнее было бы сказать, что реклама создает образы, которые укрепляют образ жизни и поведение. Рекламщики не являются инноваторами. Они больше занимаются улучшением образа жизни, созданием определенного поведения, а не распространяют коммерчески рискованные инновации. В этом смысле, реклама как таковая, не предназначена для подрыва "мейнстрим" системы культурных ценностей, скорее, она отражает изменения в существующей корпоративной и общественной культуре. Если такая реклама действительно психологически эффективна, то это, прежде всего, из-за того, что реклама проникает глубоко в те сознания, где укоренились мифические и метафорические конструкции (Джонсон-Лэрд, 2004; Мазербо и др.2002). (Johnson-Laird, 2004; Mothersbaughetal/, 2002).

Схемы и коммерческая реклама в социальном дискурсе.

Не будет преувеличением сказать, что большая часть современных знаний, а также полученная в результате интеллектуальной стимуляции, и установленных закономерностей моделей жизни проис-

ходят непосредственно или связаны с рекламными изображениями.

Это эпоха, в которой рекламные сообщения больше не описывает продукт как таковой, а скорее фокусируется на потребительский продукт, создавая образ продукта, который потребитель может легко идентифицировать. Мы можем сделать вывод, что реклама и рекламодатели предлагают потребителям аналогичные обещания и ожидания того, на что когда-то имелись исключительные права только у религии и социальной философии: защиту от опасностей, хорошую старость, лучшее положение в жизни, популярность и личный престиж, улучшение социального статуса, здоровье и счастье. Специалисты маркетинга, продвигая товар на рынок, и способствуя росту компании, изменили отношение к рекламе, расширили ее границы за счет создания изображений и текстов, которые не только дополняют коммерческие сообщения, но также воздействуют на потребительское подсознание, побуждая потребителей к участию. Теперь реклама стала чем-то больше, чем просто рекламным сообщением.

Этот вид рекламы значительно отличается от обычной. Этот вид рекламы обращается к потребителям, используя целостность, значимость, они говорят о фундаментальных ценностях общества. Стало совершенно ясно, что просто привлечь внимание к использованию современных медийных платформ отсутствие четкой стратегии не имеет смысла. «Если человеческий опыт (поведение) формируется под воздействием рекламы, каким образом продавцы могут привлечь потребителей, чтобы они стали как можно более лояльны продавцам?» (Райпорт,

2013). Ответ может быть, что продавцы должны сосредоточиться на коммуникационной стратегии маркетинг миксе, но начать свою кампанию, учитывая, что потребители живут своей жизнью, а также учитывая обстоятельства, в которых клиенты воспринимают рекламные сообщения. Целью исследования являлось приоткрыть «идеологический занавес», чтобы увидеть ту силу и идеологию, которая находится за изображениями и образами. Выбранные рекламы содержат больше визуальный образ, но меньше текста, то есть это рекламы, что в первую очередь привлекают своим визуальным образом. Эти рекламы взяты из латвийских СМИ, при этом здесь используется социальный дискурс как метод продвижения бренда. Размер и анализ дискурса можно описать следующим образом, используя такую методику.

Вначале проанализировать текст.

1. Описание текста а) кто представлен б) к чему он относится в) выводы.

Это позиции для анализа текста.

2. Практика дискурса (обработка, анализ / интерпретация – позиции для переработки)

3. Социальная практика, социальный анализ / объяснения.

Итак, мы можем проанализировать первое измерение в виде текстового анализа или описания, второе измерение как материал анализа процессов обработки или интерпретации, третье измерение как социальный анализ или объяснения. Все размеры являются взаимозависимыми, и поэтому не существенно, с какого типа анализа начинать. Эта теория может быть использована для анализа дискурса таким образом, чтобы четко понять неявную идеологию, которая стоит за данной рекламой.

Рассмотрим четыре рекламы, предназначенные для местного рынка и виды их воздействия. Они предназначены для продвижения продукта на рынок, а также для способствования положительной репутации этих брендов.

1. Компания «Laima» и ее бренд «Selga» - в своей рекламной кампании «За настоящее детство» использует классический метод. "Благотворительность". На изображении мы видим младенца на нежном синем фоне под упаковкой продукции (печенье), а лозунг говорит «За реальное детство». От каждой купленной пачки печенья - 1 сантим идет на благотворительность. Довольно традиционный метод, который работает больше как напоминающая усиливающая реклама, заодно демонстрирующая социальную ответственность компания "Laima". Уход за младенцами, которые не могут не повлиять на потребителя. При этом, печенье «Selga» кажется неразрывно связано с понятием «детство».

2. Компания "Элвис", который является сетью магазинов, свою рекламную кампанию «Помоги прийти в этот мир долгожданному ребенку» создает путем использования метода решения задачи. При покупке в этих магазинах, вы делаете денежные пожертвования в поддержку новых семей, помогая решить проблему. На плакате используются фирменные цвета, указан номер телефона, по которому вы можете пожертвовать, и показан новый образ счастливой семьи. Здесь оправдался фирменный лозунг «За своих», что усиливает узнаваемость бренда. Идея достаточно оригинальна и своевременна, показывающая, что компания не равнодушна к проблемам будущего.

Фирма таким образом делегирует каждому своему клиенту ответственность за общее будущее, на самом деле, легко шантажируя клиента.

3. Телевизионный канал TV3, в центре своей рекламной кампании поднял вопрос об «отношении». Особое внимание акцентируется на проблеме брошенных домашних животных. В остроумной рекламной кампании: «Не имеет смысла больше жить», эти животные показаны на примере модели человеческого поведения. В серых тонах показана безнадежность жизни, но наиболее яркий образ создается путем показа револьвера у лбасобаки, полуиспользованная упаковка лекарства, который находится у ног спящей кошки. Правда, здесь есть контактная информация, что можно пожертвовать, помогая животным, попавшим в тяжелое положение. Канал позиционирует себя как социально ответственную компанию, обращаясь к жалости людей.

4. В свою очередь компания "Aldaris" в своей рекламе использует традиционный стиль местной культуры жизни. «Лето мотоциклистов» - это не просто лозунг развлечения, он связан с созданным еще в советское время фильмом «Лето мотоциклов», в котором главная сюжетная линия основана на убегающей невесте. Далекие ассоциации адаптированы к потребностям сегодняшнего дня. Это создает одной части потребителей ностальгическую память, которая подкрепляется визуальным образом - молодая девушка с мотоциклом, гитара, и видное на заднем плане море. Здесь социальный дискурс говорит о традиции, принадлежности. Образ жизни, которые не могут быть отделены от пива.

Из проанализированных реклам можно сделать вывод, что компания, для того, чтобы как можно ближе получить доступ к своему потребителю на местном рынке, выбирает обращение через понятные образы, характеры и истории культурных систем, которые имеют отношение к местным потребителям в данный момент, даже больше, что делает их ассоциированными совместными участниками процесса, оставляя свободное пространство для творчества потребителя, что позволяет ему интерпретировать то, что они видят. В то же время, компания эмоционально воздействует на потребителя, заставляя его сделать положительную оценку фирмы, но, отзываясь на рекламу, в первую очередь потребитель ценит себя, так как фирма дает потребителю впечатление, что он стал социально ответственным. Можно сделать вывод, что социальный дискурс рекламы может быть использован в качестве усилителя самооценки потребителя, усилителя социального статуса и идентификации личности, в то же время также как метод, который позволяет компании стать еще ближе к своему клиенту и укрепить свои позиции на внутреннем рынке.

Ссылки:

1. Al Ries., Jack Trout -, „Positioning: the battle for Your mind” - Mc Graw-Hill, 2001.
2. D.Meerman Scott -, „The new rules of marketing &Pr” - Wiley, 2010.
3. Ferrell.O.C.; M.D.Hartline – „Marketing Strategy Text and Cases” South-Western Cengage Learning, 2014
4. Hohlova P.-Finansovaja reklama.Kak eta delajut v Britanii” :M.; Media Mir, 2007
5. E.A.Pesockii -”Reklamai motivācija potrebitelei”, Moskva, 2009.
6. A.Lebedev-Ljubimov – „Psihologija reklami”. Piter 2003.

7.Lails E. Borns, Nensija F.Ruso-, „Psihologija” Raka, 2001.

8.Harald Business Review September 2013-, „Seven steps to strategy making”

9.International Journal Of Linguistics, ISSN 1948-5425, 2012, Vol4, No.4

10.Cook, G the discourse of advertising. London and NY: Routledge, 1992.

11.Wodak R. —, „Gender and discourse” Sage Publications, 1997.

12.Teun A. Van Dijk-, „Discourse and manipulation”, Discourse and society Sage, 2006.

13. Kelly, Aidan, Katrina Lawlor, and Stephanie O'Donohoe. "Chapter 8- Encoding Advertisements: The Creative Perspective." The Advertising and Consumer Culture Reader. By Joseph Turow and Matthew P. McAllister. New York: Routledge, 2009.

14.Hall, Stuart. Encoding /Decoding, in Culture, Media, Language. London, Hutchinson 1980.

15.Kress G., and Van Leeuwen T. Reding images-Victoria, Deakin Univesity Press, 1990.

Чернопятова А.В. (Ярославль, Россия)

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Статья рассматривает проблему психологического благополучия в контексте психологического консультирования. Он подробно описывает особенности структуры психологического благополучия в раннем взрослом возрасте и его отношения с удовлетворенностью жизнью.

Ключевые слова: структура психологического благополучия, компоненты психологического благополучия, удовлетворенность жизнью

The article is considering the problem of psychological well-being in the context of psychological counseling. It describes in detail the features of the structure of psychological well-being in early adulthood and its relationship with satisfaction with life.

Keywords: structure of psychological well-being, the components of psychological well-being, life satisfaction

В нашем исследовании мы опирались на определение психологического благополучия К.Рифф, которая определяет его как «интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении удовлетворённости собой и собственной жизнью» [2].

Целью нашей работы: выявление взаимосвязи психологического благополучия, осмысленности жизни и удовлетворенности ею в разных возрастных периодах.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методики:

- «Шкала психологического благополучия, К. Рифф»;

- «Шкала удовлетворенности жизнью, Эл.Динера».

- Методика СЖО (смысло-жизненных ориентаций) Д.А.Леонтьева.

Среди гипотез, поставленных и дока-

занных в ходе исследования, были следующие:

1. Разные возрастные периоды различаются по структуре психологического благополучия, смысло-жизненным ориентациям и удовлетворенностью жизнью;

2. Существует зависимость между психологическим благополучием, смысло-жизненными ориентациями и удовлетворенностью жизнью;

3. В разных возрастных периодах взаимосвязь между психологическим благополучием, смысло-жизненными ориентациями и удовлетворенностью жизнью различна и имеет свою специфику.

В исследовании принимали участие 4 выборки общей численностью 120 человек. Подбор выборки осуществлялся на основе периодизации психического развития Э. Эриксона:

1. Подростковый (юношеский) возраст (11-21 лет): выборка состояла из 30 человек.

2. Ранняя зрелость/молодость (21-40 лет): выборка состояла из 30 человек.

3. Средняя зрелость/зрелость (40-60 лет): выборка состояла из 30 человек.

4. Поздняя зрелость / старость (после 60 лет): выборка состояла из 30 человек.

В работе был проведен анализ:

- средних результатов по каждой методике;

- значимых различий между выборками по У-критерию Манна-Уитни;

- корреляционных связей как между шкалами внутри одной методики, так и между шкалами методик. (Коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

В данной статье мы уделим внимание особенностям структуры психологиче-

ского благополучия и удовлетворенности жизнью в ранней зрелости.

Анализируя результаты методики "Шкалы психологического благополучия" К. Рифф у представителей ранней зрелости (21-40 лет), можем отметить, что из 6 показателей позитивного функционирования личности самые высокие баллы получили шкалы «положительные отношения с окружающими», «личностный рост», «цель в жизни» и «самопринятие». Представители данной выборки имеют доверительные отношения с другими людьми, открыты для общения, способны к установлению и поддержанию контактов, заботятся о благополучии других; способны сопереживать. Показатели по «личностному росту» свидетельствуют о стремлении представителей ранней зрелости развиваться, постигать новое и ощущать собственный прогресс, а также, об открытости новому опыту. Наличие «жизненных целей» свидетельствует о чувстве направленности, осмысленности существования и ценности того, что происходит в настоящем, и что будет происходить в будущем. Достаточно высокий балл по самопринятию свидетельствует о том, что представители этой выборки признают и принимают собственное личностное многообразие, включающее в себя как положительные, так и отрицательные качества личности. Показатели по шкалам «автономия», «управление окружающей средой» имеют средние показатели, что указывает на наличие самостоятельности в принятии решений и организации своей деятельности, умение самим выбирать и создавать условия, удовлетворяющие личностным потребностям и ценностям.

Анализируя шкалу «Положительные

отношения с окружающими», мы можем проследить следующую динамику: самый низкий показатель наблюдается в подростковом (юношеском возрасте), пик наблюдается в ранней зрелости (молодости), а затем идет спад.

Это можно объяснить тем, что для ранней зрелости (исходя из периодизации Эрика Эриксона) характерно решение такой задачи как интимность/изоляция, т.е. в этот период формируется способность устанавливать положительные, доверительные отношения разной степени близости (наличие узкого круга друзей, с которыми человек общается тесно, более широкого, с которым просто общается, и круга знакомых), т.е. в норме социальные связи должны быть разнообразны, что мы и получили по средним результатам.

По шкале «Автономия» прослеживается такая динамика: в ранней зрелости (молодости) этот показатель снижается по сравнению с возрастом подростковым, а по сравнению с остальными возрастными периодами он вообще является самым низким. Зато в зрелости автономия значительно увеличивается (в этом возрастном периоде - самый высокий показатель по этой шкале), а в старости опять снижается.

Можем предположить, что в подростковом возрасте действует чувство зрелости, повышается критичность по отношению к взрослым, и потому возникает протест социальному давлению (со стороны родителей и педагогов) в мыслях и поступках. Отсюда становится очевидным, почему баллы в выборке №1 выше, чем в выборке №2: в подростковом (юношеском) возрасте склонны оценивать себя исходя из своих принципов и стандартов. В ранней зрелости

данный показатель снижается, что может быть связано с тем, что личность в этом возрастном периоде становится более чувствительной к оценкам окружающих (коллегам по работе, членам семьи). Для человека становится важной оценка его профессиональной деятельности со стороны коллег, социальное признание его достижений, оценка личной жизни с стороны друзей и близких (создание семьи, например).

Средний балл по шкале «Управление окружающей средой» увеличивается с возрастом, и эта динамика хорошо прослеживается в результате анализа данных.

Полученные результаты могут рассматриваться как возрастная норма, т.е. с возрастом чувство уверенности и компетентности в управлении собственной жизнью, повседневными делами растет за счет приобретения жизненного опыта (и профессионального, в частности), улучшения финансовых возможностей, которые позволяют изменять условия своей жизни, за счет увеличения количества социальных связей.

Анализируя средние баллы по шкале «Личностный рост», мы увидели, что в ранней зрелости (молодости) показатель возрастает, а затем идет на спад.

В молодости происходит раскрытие своего потенциала, что может быть связано с постановкой и реализацией целей.

Что касается шкалы «Цели в жизни», что здесь наблюдается похожая картина: начиная с подросткового возраста средний балл по этой составляющей позитивного функционирования увеличивается, в ранней зрелости (молодости) он достигает своего пика, и уже к старости показатель по целям в жизни снижается.

Такая динамика объясняется тем, что в ранней взрослости (молодости) происходит профессиональное самоопределение, формирование жизненных планов, связанных и с семьёй, и с работой, которое предполагает построение их реализации.

А с «Самопринятием» всё неоднозначно: с возрастом мы можем наблюдать следующую динамику: к ранней взрослости этот показатель заметно возрастает, достигая своего пика, но к зрелости также заметно снижается, и в старости опять увеличивается.

В подростковом (юношеском) возрасте более низкий показатель обусловливается разрывом «Я-реального» и «Я-идеального», когда желаемое не совпадает с действительным; в ранней взрослости (молодости) этот разрыв сокращается, и, более того, к этому возрасту уже есть определенные достижения: и личные, и профессиональные (т.е. уже есть, что принимать).

В ранней взрослости баллы по всем шкалам психологического благополучия являются высокими, а это значит, что мы можем характеризовать представителей этого возрастного периода как людей целеустремленных, знающих, чего хотят от будущего. Текущая жизнь воспринимается ими как интересная, эмоционально насыщенная и наполненная смыслом. При этом они довольны тем, как складывалась их жизнь ранее, их удовлетворяют достигнутые в прошлом результаты. Для этих респондентов свойственна уверенность в себе, своих силах, они считают, что обладают достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле жизни. Им так же

свойственно убеждение, что жизнь подвластна сознательному контролю.

Анализируя полученные, мы обратились к интегральному показателю психологического благополучия. Здесь можно увидеть такую динамику: наиболее низкие показатели отмечаются в подростковом возрасте и в старости. А своего пика уровень психологического благополучия достигает в ранней взрослости. Данные различия могут быть объяснены тем, что уровень психологического благополучия в данном возрастном периоде складывается из тех компонентов, баллы по которым выше у этой выборки, а именно: «положительные отношения с окружающими», «личностный рост», «цель в жизни», «самопринятие». Эти параметры позитивного функционирования реализованы в ранней взрослости в большей степени, по сравнению с другими возрастными периодами.

Данные по шкале удовлетворенностью жизнью позволяют увидеть, что представители ранней взрослости имеют самый высокий балл по сравнению с остальными выборками, и он является чуть выше среднего, что говорит скорее о высокой степени удовлетворённости жизнью. Иными словами, у этих респондентов есть те жизненные сферы, которые им хотелось бы изменить, но в целом жизнь им приносит удовольствие, и дела в значимых для них областях обстоят хорошо, с их точки зрения.

Выводы по результатам эмпирического исследования:

1. В результате проведенного исследования нами было установлено, что структура психологического благополучия меняется в зависимости от возрастного периода. Мы обнаружили, что

в процессе развития уровень выраженности составляющих психологического благополучия изменяется: в каждом возрастном периоде преобладают разные составляющие психологического благополучия. В частности, в ранней взрослости это: «положительные отношения с окружающими», «личностный рост», «цель в жизни», «самопринятие». Эти параметры позитивного функционирования реализованы в данном возрастном периоде в большей степени, по сравнению с другими возрастными периодами.

2. В зависимости от возраста изменяются связи между составляющими структуры психологического благополучия (их количество и уровни значимости), а так же степень организованности системы в целом. В частности, в ранней взрослости (молодости) связи не только усиливаются, но и степень интеграции компонентов возрастает.

3. Удовлетворенность жизнью связана с возрастом: динамика удовлетворенности жизнью меняется с возрастом, достигая своего пика в молодости и старости (в этих выборках - самые высокие показатели). Высокая степень интеграции компо-

нентов психологического благополучия (личностный рост, самопринятие, положительные отношения с окружающими, цели в жизни, автономия, управление окружающей средой), а также выраженность его отдельных составляющих позволяют представителям ранней взрослости испытывать в большей степени удовлетворенность жизнью (по сравнению с представителями других возрастных периодов).

Список литературы

1. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. - 320 p.

2. Фесенко П.П. Что такое психологическое благополучие? Краткий обзор основных концепций. // Научные труды аспирантов и докторантов. 2005*9 (46) / Факультет научно — педагогических кадров Московского гуманитарного университета; Ред. совет: Е.Д. Катувльский и др.; Сост., научн. Ред. В.К. Криворученко. - М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. - Вып. 46. – 140 с. с. 35-48

16. http://www.academia.edu/2645766/Critical_Discourse_Analysis_and_Faircloughs_Model-Mirzaee_and_Hamidi_2012_

17. <http://www.uv.es/gimenez/Recursos/criticaldiscourse.pdf>

Львов В.М. Lvov V.M.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СЕРТИФИКАЦИИ ЭРГОНОМИСТОВ BASIC CONCEPT OF CERTIFICATION ERGONOMISTS

Аннотация. В статье раскрываются концептуальные положения процесса сертификации специалистов на основе оценки их компетентности, профессиональных рисков, в том числе их психологической безопасности.

Abstract. The article describes the conceptual provisions of the certification process specialists based on an assessment of their competence, occupational hazards, including their psychological security.

Ключевые слова: сертификация, компетентность, профессиональный риск, пси-

хологическая безопасность, умственная напряженность, эргономическое обеспечение.

Key words: certification, competence, professional risk, psychological safety, mental tension, ergonomic software.

Введение

Сертификацию специалистов должна проводиться в специально созданной системе сертификации. Сертификацию специалистов в Системе будет проводить комиссия, созданная Органом по сертификации специалистов. В Системе целесообразно проводить сертификацию специалистов по следующим направлениям:

Направление 1 - Сертификация специалистов осуществляющих разработку эргатических систем

Направление 2 - Сертификация специалистов организации ответственных за эргономическое обеспечение создаваемых систем

Направление 3 - Сертификация специалистов оказывающих услуги в области эргономического обеспечения создания и эксплуатации эргатических систем

Направление 4 - Сертификация специалистов ведущих образовательную деятельность в высших учебных заведениях по подготовке специалистов в области психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Критерии и требования к общей профессиональной компетентности можно представить следующим образом :

При сертификации компетентности специалиста эргономиста целесообразно проводить следующие проверки:

- Документальная проверка компетентности;

- Проверка (оценка) технологического вектора компетентности;

- Проверка (оценка) коммуникативно-го вектора компетентности;

- Проверка (оценка) наличия профессиональных рисков, имеющих у специалиста.

Документальная проверка компетентности специалиста

Проверка должна проводиться по содержанию документов, представленных на сертификацию. При проверке содержания документов общих критерий соответствия профессиональной компетентности специалиста может складываться из таких частных критериев, как:

К1- уровень образования, включая ученые степени и звания;

К2 – уровень дополнительного профессионального образования (подготовки) в области эргономического обеспечения и обеспечения жизнедеятельности персонала в эргатических системах;

К3 – профессиональный опыт практической деятельности;

К4 – участие в самообразовании в сфере проблем эргономического обеспечения создания эргатических систем и обеспечения жизнедеятельности персонала.

Проверка профессионального образования и квалификации (критерии К1 и К2)

1) Заявитель может иметь ученую степень и/ или ученое звание, что достаточно для сертификации по данным обоим критериям.

2) Заявитель может иметь диплом с квалификацией «специалист» или «ма-

гистр» по группе специальностей, связанных с эргономикой, инженерной психологией или психологией труда, что достаточно для сертификации по данным обоим критериям.

3) Заявитель может иметь диплом с квалификацией «бакалавр» по группе специальностей, связанных с эргономикой, инженерной психологией или психологией труда, что достаточно для сертификации только по критерию К1 – «уровень образования».

4) Заявитель может иметь высшее образование (специалист, магистр) по техническим, санитарно-гигиеническим, естественно-научным (физика, химия, биология) специальностям, что достаточно для сертификации только по критерию К1 – «уровень образования».

5) Наличие у заявителя, удовлетворяющего требованиям пп. 3) и 4) диплома о профессиональной переподготовке с квалификацией «инженер - эргономист» или диплома о праве ведения профессиональной деятельности в этой области достаточно для сертификации по критерию К2 – уровень дополнительного профессионального образования / подготовки

6) Во всех других случаях Заявитель может претендовать на сертификацию только при условии прохождения им специального модульного курса по проблемам эргономики суммарным объемом не менее 400 часов в соответствии со специальной Программой обучения. Возможно дистанционное обучение со сдачей экзамена в режиме реального времени.

7) При сертификации специалистов – преподавателей обучение должно проводиться по соответствующей типовой программе. При этом количество часов может быть снижено до 250.

Орган по сертификации может учесть учебные часы предыдущих повышений квалификации заявителя в этой области.

Проверка профессионального опыта практической деятельности (критерий К3)

Заявитель должен работать в сфере разработки и эксплуатации эргатических систем в качестве специалиста или эксперта-консультанта (преподавателя) в той или иной организации или в государственном учреждении. В этой должности заявитель должен отработать минимум 3 года. Заявители с частичной занятостью в сфере разработки и эксплуатации эргатических систем должны продемонстрировать, что их опыт эквивалентен опыту за 3 года при полном рабочем дне, но не более чем за последних 4 года или быть членом Межрегиональной эргономической ассоциации в РФ.

Проверка участия в самообразовании в сфере проблем эргономического обеспечения создания эргатических систем и обеспечения жизнедеятельности персонала (критерий К4)

Заявитель должен участвовать в семинарах, совещаниях, конференциях по проблемам эргономики и инженерной психологии не менее 3-х раз за последние 5 лет. Заявитель обязан представить свои публикации (список научных трудов), по указанным выше проблемам. Рекомендуется, чтобы научные труды содержали публикации в виде: статей во всероссийских зарегистрированных рецензируемых журналах, размещенных как в печатном виде, так и Российской электронной библиотеке; статей в трудах и вестниках Российской академии наук, государственных высших учебных заведений, одобренных Высшей аттеста-

ционной комиссией; докладов на Международных конференциях; патентов и полезных моделей РФ.

Оценка технологического и коммуникативного векторов компетентности

Знания, умения, навыки персонала - это исходные основы интеллектуальных ресурсов организации (человеческого капитала). Его содержание и использование при движении вперед в сторону наращивания интеллектуальных ресурсов зависит от компетентности персонала. Поле компетентности приведено на рис. 1.

Компетентность разделяется на два вектора: технологический вектор компетентности и коммуникативный вектор компетентности.

характеризует наращивание интеллектуальных ресурсов за счет эффективного решения первоочередных, неподвижных, стратегических и технических задач. Такое движение может происходить посредством последовательного перехода от профессиональной к интеллектуальной компетентности и затем к сверхкомпетентности специалистов организации.

Под профессиональной компетентностью специалистов понимается совокупность знаний, умений и навыков, обуславливающих способность решать типовые проблемы, исходя из их функциональных обязанностей. Для специали-

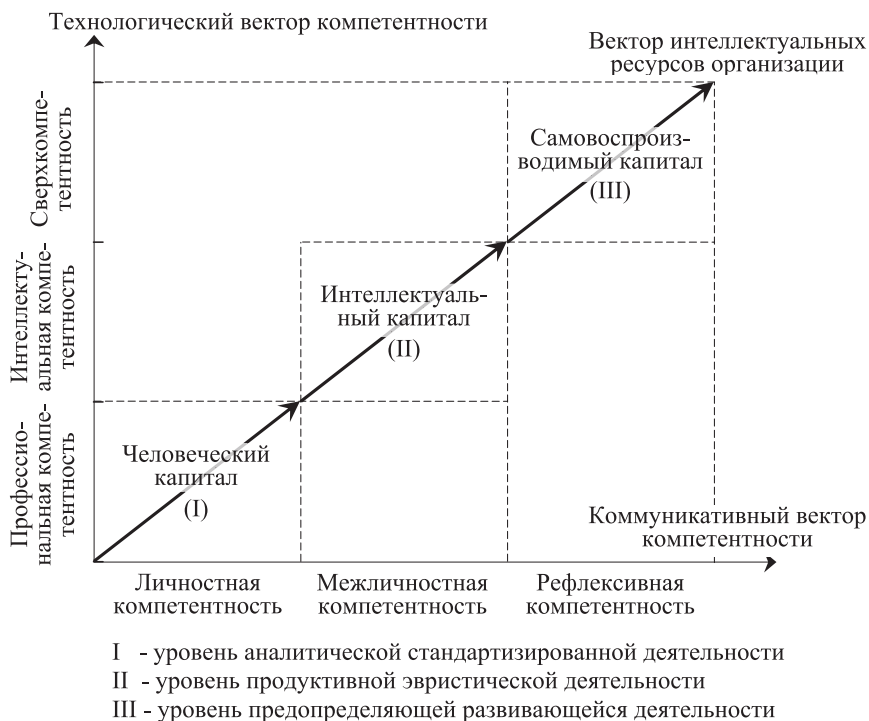

Рис. 1. Поле ресурсов, капитала и компетентности (по [1])

ста это уровень аналитической стандартизированной деятельности.

Под интеллектуальной компетентностью специалистов понимается способность решать типовые и нетиповые проблемы в неопределенных, непредвиденных ситуациях с учетом возможных последствий. Для специалиста это уровень продуктивной эвристической деятельности.

Под сверхкомпетентностью специалистов понимается способность предвосхищать возникновение различных проблем, планировать стратегические и технические задачи своего развития, выбор в каждый момент оптимальной альтернативы с учётом всех условий и неопределённости, а также способность к постоянному мониторингу решаемых проблем. Для специалиста это уровень предопределяющей развивающейся деятельности.

Движение вдоль коммуникативного вектора компетентности характеризует наращивание интеллектуальных ресурсов за счёт создания базы методов и средств обеспечения эффективных коммуникаций, как внутри организации, так и при общении с «внешним миром» (заказчиками, потребителями, клиентами, партнёрами и т.д.) Такое движение может происходить посредством последовательного перехода от личностной компетентности к межличностной и затем к рефлексивной компетентности специалистов.

Под личностной компетентностью специалистов понимается наличие знаний, умений, навыков в распознавании личностных характеристик субъектов, с которыми происходит профессиональное общение, а также наличие необходимых собственных личностных качеств (на-

пример, коммуникативных, организаторских способностей, асертивности и стрессоустойчивости личности и т.д.).

Под межличностной компетентностью специалистов понимаются навыки в реализации эффективных психотехнологий взаимодействия с членами коллектива, с «внешним миром», в прогнозировании и предупреждении рискованных социально-психологических ситуаций в коллективе или в определённых малых группах или при взаимодействии с «внешним миром».

Под рефлексивной компетентностью специалистов понимаются навыки в проведении рефлексивного анализа и рефлексивного управления.

Рефлексивный анализ может иметь три уровня:

1 уровень – способность осознавать свои мотивы, намерения при любом профессиональном и непрофессиональном общении и мысленно оценивать последствия их реализации.

2 уровень – способность формировать и мысленно реализовывать иерархию целей при любом профессиональном и непрофессиональном общении.

3 уровень - способность поставить себя на место субъектов, с которыми происходит профессиональное или непрофессиональное общение, осознать их реакцию (например, в ответ на свои действия, намерения) и мысленно оценить последствия их возможной реализации.

Под рефлексивным управлением понимается способность специалиста осуществлять психологические воздействия на формирование целенаправленного поведения субъектов, с которыми происходит целенаправленное или нецеленаправленное воздействие.

Наиболее эффективным для наращивания интеллектуальных ресурсов является движение одновременно вдоль технологического и коммуникативного векторов компетентности. Тогда овладение профессиональной и личностной компетентностью приведёт к формированию первоначального «человеческого капитала», дополнительное научение интеллектуальной и межличностной компетентности позволит сформировать «интеллектуальный капитал», а овладение последними двумя видами компетентности позволит выйти на высший уровень – формирование самовоспроизводимого капитала. Это и будет уровень непрерывно развивающегося специалиста.

Специалисты-заявители на проведение сертификации по направлениям 1,2,3, как правило, занимают управленческие должности в научно-конструкторской организации. Все управленческие должности в такой организации можно разделить на 4 уровня.

К уровню «Организационный» можно отнести должности руководящего состава научно-исследовательских и конструкторских институтов и научных отделений в них. К уровню «Высший» можно отнести должности заведующих научно-исследовательскими отделами и главных научных сотрудников. К уровню «Средний» можно отнести должности ведущих научных сотрудников, старших научных сотрудников, начальников лабораторий и групп. К уровню «Базовый» можно отнести должности младших и научных сотрудников, инженеров и программистов научно-исследовательских отделов.

Сотрудники последнего уровня, как правило, не попадают под требования сертификации. На остальных уровнях

технологические и коммуникативные функции идентичны.

Технологические функции:

1. Организация сбора и изучения научно-технической информации:

- определение ответственных по сбору и анализу информации по отдельным проблемам, в том числе патентной информации и результатов диссертационных исследований; организация подготовки рефератов, справок по результатам поиска и анализа научно-технической информации;

- организация разработок автоматизированных баз данных.

2. Обоснование направлений новых исследований и разработок, методов и способов их выполнения:

- разработка предложений для включения в планы научно-исследовательских работ;

- составление тематических карточек и пояснительных записок и согласование их с предполагаемыми заказчиками;

- подготовка докладов руководству с обоснованием необходимости постановки новых научных работ.

3. Научное руководство проведения исследований по отдельным проблемам:

- разработка планов, план-графиков и методических программ проведения исследований и разработок;

- обоснование и распределение работ между сотрудниками;

- организация проведения совещаний по обсуждению планов и результатов исследований;

- анализ и теоретическое обобщение научных данных, результатов экспериментов и наблюдений;

- участие в повышении квалификации кадров;

- проведение научных исследований и разработок в качестве исполнителя наиболее сложных и ответственных работ;

- координация деятельности группы научных сотрудников и соисполнителей;

- организация реализации результатов проведенных исследований и разработок;

- обоснование форм стимулирования и поощрения подчиненных и проведение необходимых мероприятий по их реализации.

4. Разработка методов и средств решения научно-исследовательских проблем:

- обоснование замысла, концепции проведения исследований;

- разработка методического аппарата решения научных проблем и постановки задач научным сотрудникам, программистам;

- обоснование необходимости разработки моделирующих стендов, макетов, математических моделей и разработка соответствующих планов их создания.

Коммуникативные функции

1.Создание благоприятного психологического климата для научного творчества и предупреждение возникновения рискованных социально - психологических ситуаций, мешающих эффективно-му решению актуальных научных проблем.

2.Формирование своей научной школы и помощь подчиненным научным сотрудникам в формировании индивидуального научного стиля.

3.Проведение (организация) занятий, тренингов, стимулирующих повышение уровня креативности (творчества) научных сотрудников, в том числе оказание содействия в направлении на такие семинары в другие организации.

4.Осуществление научного руковод-

ства соискателями и аспирантами в части оказания консультативной помощи в составлении краткосрочных и долгосрочных планов подготовки, редактирование статей, докладов, заявок на изобретения и научные модели и т.д.

5.Формирование научных групп по решению возникающих научных проблем с учетом взаимозаменяемости, взаимодополнения и психологической совместности.

6.Сотрудничество с руководителями других научных групп, коллегами в решении совместных научных проблем.

Различие состоит в составе видов необходимой компетентности. Для уровня «Средний» необходимы: профессиональная компетентность;

- интеллектуальная компетентность;

- личностная компетентность;

- межличностная компетентность;

Для уровня «Высший» и «Организационный» добавляются:

- сверхкомпетентность;

- рефлексивная компетентность (рефлексивный анализ и рефлексивное управление).

Требования к профессиональной компетентности :

- требования к представляемым на сертификацию документам;

- знания и навыки организации, планирования и финансирования, проведения и внедрения научных исследований и разработок;

- знания и навыки оформления заявок на открытие НИР, заявок на изобретения и открытия, оформления документации и заявок на приобретение приборов, материалов и другого научного оборудования;

- знания и умения пользоваться доступными системами управления науч-

ными исследованиями и разработками, существующими в отделах моделями по своей отрасли;

- знания отечественных и зарубежных результатов в соответствующей области знаний, науки и техники, а также руководящих и нормативных документов по этим вопросам (в соответствующей области эргономики);

- знание возможных форм мотивации и поощрения научных кадров, подготовка и повышение их квалификации;

- умение создавать полностью законченный и обоснованный научный продукт;

Требования к интеллектуальной компетентности :

- умение выделять и определять важнейшие факторы, оказывающие влияние на процесс решения научных проблем;

- умение анализировать ситуации с учетом не только очевидных, но и скрытых характеристик;

- умение решения научных задач в условиях неопределенности;

- умение детализировать научные проблемы;

- умение устанавливать приоритеты решаемых задач, оценивать и учитывать степень реальности альтернатив;

- умение пользоваться методами изобретательского, научного творчества.

Требования к сверхкомпетентности:

- умение приобретать знания из всех доступных источников и организовать его в интегрированное целое;

- умение координировать свои действия со всеми релевантными сторонами и обеспечивать выработку согласованного решения;

- умение предвидеть будущее развитие соответствующей отрасли эргономи-

ки и соответственно планировать свою деятельность;

- умение предвидеть последствия принимаемых решений;

- умение выбирать лучшее решение научной проблемы с учетом всех ограничений, условий и неопределенности;

- умение планировать свою деятельность на основе синтеза не связанной информации;

- умение принимать стратегические решения по своей научной проблематике в условиях изменяющейся среды;

- умение планировать наращивание интеллектуальных ресурсов в подразделении для решения перспективных проблем.

Требования к личностной компетентности:

- знание о психологии творчества, качествах творческой личности;

- знание о типах индивидуального стиля в деятельности научного сотрудника, их достоинствах и недостатках;

- знание о структуре личности, о методах ее распознавания (характер, темперамент, способности, профессиональные мотивы) и наличие навыков в их использовании;

- умение осуществлять самодиагностику личностных качеств (ассертивности, стрессоустойчивости, коммуникативных, организаторских способностей и т.д.).

Требования к межличностной компетентности:

- знание механизмов и технологий взаимного и группового общения и навыки в использовании закономерностей сотрудничества и совместимости в малых группах, методов предупреждения и разрешения конфликтов, а также навыки

в реализации;

- навыки в развитии у подчиненных уровня креативности, ассертивности, реализации внутренних резервов с учетом их индивидуальности;

- навыки выработки общей системы ценностных ориентаций сотрудников, сплочения их на этой основе.

Рассмотрим перечень соответствующих профессионально-важных качеств (ПВК) для каждого вида компетентности.

ПВК - профессиональная компетентность: инициативность; принципиальность; информированность; рациональность суждений; аналитичность; гибкость; наблюдательность; исследовательские способности; способность к экспресс-оценке предлагаемых идей, научных подходов, результатов деятельности подчиненных научных сотрудников, коллег; постоянная готовность к взаимному творчеству; критичность; исполнительность; расчетливость; прагматичность.

ПВК - интеллектуальная компетентность: способность к воображению, новаторству, творчеству; восприимчивость к инновациям; логическое мышление; убедительность в обосновании решений; способность рационального делегирования полномочий; способность эффективно использовать внутренние средства деятельности (языковые средства, синтезирование различных моделей, текста на различных носителях и т.д.).

ПВК – сверхкомпетентность: умение и навыки в использовании средств кодификации полученных научных знаний (разработки стандартов, разработки баз данных, руководств и т.д.); готовность к оправданному риску; научная интуиция; системное мышление; способность к кон-

структивному преобразованию ситуации; поддержка на высоком уровне готовности к действию; способность к мобилизации «буферных» аварийных резервов организма; способность к увеличению продуктивности мышления при сверхэкстремальной напряженности; быстрая адаптация к резко изменяющейся среде.

ПВК - личностная компетентность: адекватная профессиональная самооценка; демократический стиль управления; низкая тревожность, стрессоустойчивость; высокий уровень ассертивности личности; организаторские способности; готовность к взаимному приспособлению и дифференцированной оценке своей деятельности и подчиненных; внимание к индивидуальности подчиненных; решительность; активность.

ПВК - межличностная компетентность: компромиссность; лидерство; настойчивость; общительность; душевность; профессиональная бесконфликтность; открытость к восприятию профессионального и социального опыта других; способность к сплоченности, совместимости, срабатываемости.

ПВК - рефлексивная компетентность: способность к расширению сознания, выходу за пределы ситуации, анализ ее в более широком контексте, переоценке смыслов; готовность к быстрой смене профессиональных ролей; способность к мобилизации «буферных», аварийных резервов восприятия, памяти, мышления; способность к рефлексии; открытость к расширению самосознания; осознанное самопроектирование; способность к самоэкспериментированию.

Следует выделить общие негативные качества, препятствующие эффективно-му решению коммуникативных задач, т.е.

те качества, которые не желательны для любого руководителя. К ним можно отнести:

- непонимание того, что руководитель (член управленческой команды) должен выполнять обучающие, развивающие, воспитывающие и корректирующие функции по отношению к индивидуальным и профессионально-важным качествам подчиненных;

- преобладание мнения, что наиболее важны внешние, формальные стороны обучения и воспитания (трудовая дисциплина, быстрое усвоение информации, внешнее оформление помещений и т.д.) в ущерб развитию всего комплекса ПВК, необходимых для успешного решения технологических и коммуникативных задач;

- стремление использовать стереотипные технологии обучения и воспитания без опоры на индивидуальные особенности подчиненных;

- непонимание того, что предупреждение социально-рискованных ситуаций в подчиненных коллективах и создание хорошего психологического климата является одной из приоритетных задач руководителя любого уровня;

- преобладание авторитарного стиля общения без учета типа решаемых задач и внешних обстоятельств;

- стереотипность мышления, низкая переключаемость, невысокая асертивность (уверенность в себе), заниженная профессиональная самооценка;

- чрезмерная тенденция к подражанию вышестоящим руководителям;

- отсутствие уважения к индивидуальности подчиненных и коллег.

Оценка наличия профессиональных рисков

Оценка наличия профессиональных рисков включает в себя:

- Оценку психофизиологических параметров специалистов, характеризующих склонность к ненормативным, несанкционированным действиям, которые могут привести к невыполнению функциональных обязанностей;

- Оценку уровня психологической безопасности специалистов на основе выявления противоречий между условиями их работы и их ценностными ориентирами, который определяет эффективную работу специалиста.

По результатам оценок определяются профессиональные риски специалиста в его деятельности, на основе которых составляется квалификационное заключение о влиянии рисков на успешность и эффективность деятельности.

Оценка психофизиологических параметров специалистов, характеризующих склонность к ненормативным, несанкционированным действиям [2]

- При психофизиологическом обследовании по результатам выполнения стандартных тестовых заданий целесообразно определять следующие показатели:

- скорость реагирования на световые сигналы (методика определения сложной зрительно-моторной реакции выбора);

- степень адекватности моральной и социальной ориентированности личности (цветоассоциативный семантический тест «МСО»);

- уровень ситуационной тревожности (цветоассоциативный семантический тест «СТ»);

- оценка степени личностной агрессивности и конфликтности (тест «ЛАК»);

- степень выраженности акцентуаций

характера (тест «Д»);

- степень готовности (склонности) к отклоняющемуся поведению («Опросник склонности к отклоняющемуся поведению»).

- степень нервно-психической неустойчивости (анкета «Прогноз-2-02»);

- актуальный (наличный) уровень работоспособности испытуемого как фактор готовности к выполнению работы в данный момент времени (методика ОРО).

Для оценки данных показателей разработано автоматизированная система.

По результатам обследования выявляется наличие или отсутствие следующих факторов риска:

- низкая скорость протекания нервных процессов, устанавливаемая по времени реакции выбора на предоставляемые зрительные стимулы, как показатель подвижности нервных процессов, обеспечивающих психическую деятельность человека;

- деформация моральной и социальной ориентированности, что в трудных ситуациях; может проявляться в виде различных форм асоциального поведения и нарушений межличностных отношений (полного пренебрежения к социальным нормам, игнорирования правил поведения, проявления реакций протеста, конфликтности в коллективе и др.);

- высокая степень ситуативной тревожности личности как один из индикаторов психической дезадаптации личности, поведенческие проявления которой заключаются в дезорганизации деятельности, нарушающей ее направленность и продуктивность;

- выраженные акцентуации характера, которые в трудных ситуациях могут способствовать углублению социальной

дезадаптации человека;

- высокая степень готовности (склонности) к реализации отдельных форм отклоняющегося поведения, приводящая к дезорганизации деятельности;

- агрессивность и конфликтность как личностные качества, проявляющиеся в виде устойчивого негативного реагирования личности на проблемную ситуацию, что наиболее характерно для лиц с психическими аномалиями;

- высокий уровень нервно-психической неустойчивости как один из основных факторов психической дезадаптации специалистов и их подверженности влиянию психогенных факторов;

- низкий показатель актуального уровня работоспособности, указывающий на нарушения динамичности нервных процессов, характерные для состояния утомления, нервно-психической напряженности и монотонии, алкогольного и токсического воздействия и др.

При отрицательном прогнозе следует проверить, имелись ли психологические, административные свидетельства о наличии в работе и жизни поступков, связанных с несанкционированными, ненормативными действиями, нарушения регламентов и т.д. Отрицательный прогноз и наличие таких обстоятельств необходимо учесть при принятии квалификационного заключения.

Оценка уровня психологической безопасности специалистов

Психологическая безопасность специалистов оценивается посредством тестирования специалистов в три этапа.

Под психологической безопасностью понимается уровень противоречий между ценностными ориентациями специалиста и реальными условиями его деятельно-

сти. Противоречия могут существовать в семи сферах производственной среды: профессиональной, организационной, креативной, коммуникативной, социальной, материальной и этической. Для каждой сферы известен типовой перечень возможных несоответствий профессиональных требований особенностям, возможностям и пожеланиям специалиста.

На первом этапе тестирования специалисты оценивают значимость (опасность) для них каждого из несоответствий предлагаемого перечня без привязки к собственной профессиональной деятельности.

На втором этапе тестирования специалисты определяют наличие каждого несоответствия из приведенных перечней в их реальной профессиональной деятельности.

На третьем этапе тестирования специалисты оценивают уровень проявления только тех несоответствий, которые выявлены на втором этапе.

По результатам тестирования опре-

деляется уровень психологической безопасности специалиста. Оценка производится в соответствии с разработанной автоматизированной системой[3].

Определение профилей компетентности специалиста

По результатам проведенных оценок в соответствии с разделами 4-7 настоящего документа определяются следующие профили компетентности специалиста:

К1 - профиль общей профессиональной компетентности;

К2 - профиль технологического вектора компетентности;

К3 - профиль коммуникативного вектора компетентности;

К4 - профиль профессиональных рисков.

Профиль общей профессиональной компетентности определяется по значениям критериев К1 – К4. Сумма критериев К1+К2 определяется по уровню образования и квалификации и принимает значения от 0 до 100 баллов в соответствии с Таблицей 1.

Таблица 1

№ п/п	Подтверждено документами	Балл
1	Диплом с квалификацией «специалист» или «магистр» по специальностям, связанным с эргономикой, инженерной психологией или психологией труда	80
2	Специалист дополнительно является ученой степенью и/ или ученое звание	90
3	Диплом с квалификацией «бакалавр» по этой же группе специальностей	60
4	Диплом о высшем образовании по техническим, санитарно-гигиеническим, естественнонаучным специальностям	40
5	Дополнительно к п.4 специалист имеет ученой степень и/ или ученое звание	80
6	Дополнительно к п.4 и п.5 специалист прошел модульный курс обучения по проблемам эргономики в соответствии с п. 4.1.1.6	90

Если дополнительно к одному из пунктов 1 – 6 специалист проходил краткосрочные курсы (от 40 до 72 часов) повышения квалификации в области эргономики, то сумма критериев $K1+K2$ увеличивается на 10 баллов. Таким образом, $\min (K1+K2) = 40$ баллов, $\max (K1+K2) = 100$ баллов.

Критерий $K3$ определяется по профессиональному опыту практической деятельности в соответствии со следующей формулой:

$$K3 = \text{ПО} / 15 * 100,$$

где ПО – относительное количество лет, которые специалист занимается профессиональной деятельностью в области эргономического обеспечения эргатических систем и систем обеспечения жизнедеятельности персонала.

$$\text{ПО} = \begin{cases} 15, & \text{если } \text{ПОа} > 15, \\ \text{ПОа}, & \text{если } \text{ПОа} \leq 15 \end{cases}$$

где ПОа – абсолютное количество лет занятий профессиональной деятельностью.

Таким образом, $\min K3 = 20$ баллов, $\max K3 = 100$ баллов.

Критерий $K4$ определяется по участию в сфере самообразования на основе списка научных трудов. Список научных трудов должен не менее чем на 50% удовлетворять требованиям указанным в разделе документальная проверка, и количество трудов должно быть не менее 8. Критерий $K4$ определяется по формуле

$$K4 = \text{НТ} / 80 * 100,$$

где НТ – относительное количество научных трудов.

$$\text{НТ} = \begin{cases} 72, & \text{если } \text{НТа} > 72, \\ \text{НТа}, & \text{если } \text{НТа} \leq 72 \end{cases}$$

где НТа – абсолютное количество научных трудов.

При выполнении требований критерий $K4$ увеличивается на 10 баллов. Таким образом, $\min K4=10$ баллов, $\max K4=100$ баллов.

Общий профиль профессиональной компетентности может быть построен в рамках трехкоординатной системы (рис 2). Допустим, $K1+K2=60$, $K3= 60$. Тогда профиль ограничен равнобедренным треугольником со стороной 60 баллов, а профессиональная компетентность

$$\text{ПК} = [\sum K1+K2+K3+K4] / 300 = 0,6$$

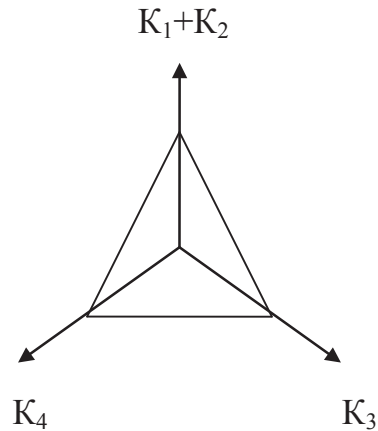

Рис. 2 Профиль профессиональной компетентности

Последовательность действий по построению профиля технологического вектора компетентности

1) Оценка успешности выполнения технологических функций производится в соответствии с таблицей 2.

Таблица 2

№ п/п	Группы функций	Баллы
1	Качество сбора и изучения научно-технической информации	≤ 25 баллов
2	Обоснование направлений новых исследований, методов и способов их выполнения	≤ 25
3	Научное руководство проведением исследований по отдельным проблемам	≤ 25
4	Разработка методов и средств решения научных проблем	≤ 25
	ИТОГО:	

Конкретные оценки выставляются на основе анализа проектов, в которых участвовал специалист, а также его научных трудов.

2) В зависимости от уровня должности специалиста оцениваются различные виды технологического вектора компетентности.

Для уровня «Средний» оцениваются профессиональная компетентность в соответствии с Таблицей 3 и интеллектуальная компетентность в соответствии с Таблицей 4.

Таблица 3.

Профессиональная компетентность: знания и навыки

№ п/п	Знания и навыки	Баллы
1	Планирование, проведение и внедрение научных исследований	≤ 15 баллов
2	Порядок оформления заявок на открытие, изобретение	≤ 15
3	В создании и использовании систем управления исследованиями и моделями и стендами	≤ 20
4	В использовании современных отечественных и зарубежных исследований	≤ 15
5	В мотивировании сотрудников и повышение их квалификации	≤ 15
6	Создавать полностью законченный научный продукт	≤ 20
	ИТОГО :	

Таблица 4.

Интеллектуальная компетентность : умения

№ п/п	Умения	Баллы
1	Решать задачи в условиях неопределенности	≤ 18 баллов
2	Использовать методы изобретательского, научного творчества	≤ 18
3	Детализировать научные проблемы	≤ 18
4	Устанавливать приоритеты решаемых задач, степень реальности альтернатив	≤ 18
5	Анализировать ситуации с учетом скрытых характеристик	≤ 18
6	Выделять важнейшие факторы, влияющие на процесс решения основных проблем	≤ 10
	ИТОГО:	

Для уровней «Организационный» и «Высший» производится дополнительная оценка сверхкомпетентности в соответствии с Таблицей 5.

Таблица 5.

Сверхкомпетентность : умения

№ п/п	Умения	Баллы
1	Предвидеть последствия принимаемых решений	≤ 12
2	Выбирать лучшее решение с учетом всех ограничений и неопределенностей	≤ 12
3	Предвидеть будущее развитие отрасли науки	≤ 12
4	Координировать свои действия со всеми релевантными сторонами	≤ 12
5	Приобретать знания из всех доступных источников и организовывать их в интегрированное целое	≤ 12
6	Планировать свою деятельность на основе синтеза не связанной информации	≤ 12
7	Принимать стратегические решения в условиях изменяющейся среды	≤ 12
8	Планировать наращивание интеллектуальных ресурсов	≤ 16
	ИТОГО:	

Конкретные оценки выставляются на основе анализа экспертных оценок вышестоящего руководства и / или на основе опроса специалиста экспертом с использованием специальных опросников. В последнем случае очень высокие требования предъявляются к экспертам.

3) С учетом полученных оценок строится профиль технологического вектора компетентности, который имеет три критерия для уровня «Средний»:

$TВ_1$ – функции;

$TВ_2$ – профессиональная компетентность

$TВ_3$ – интеллектуальная компетентность

Для других двух уровней добавляется еще один критерий - сверхкомпетентность ($TВ_4$).

Общая технологическая компетентность ТК определяется как среднее критериев. Так, если критериев четыре, то $TК = (TВ_1 + TВ_2 + TВ_3 + TВ_4) / 4 * 100$.

Последовательность действий по построению профиля коммуникативного вектора компетентности

1) Оценка успешности выполнения коммуникативных функций производится в соответствии с таблицей 6.

Таблица 6.

Успешность выполнения коммуникативных функций

№ п/п	Группы функций	Баллы
1	Создание благоприятного психологического климата, предупреждение социально-рискованных ситуаций	≤ 20 баллов
2	Наличие своей научной школы и индивидуального научного стиля	≤ 20

3	Организация занятий (тренингов) для повышения креативности и творческого мышления	≤ 20
4	Наличие соискателей, аспирантов и учеников	≤ 20
5	Опыт в формировании научных групп	≤ 10
6	Опыт сотрудничества с другими научными группами	≤ 10
	ИТОГО:	

2) В зависимости от уровня должности специалиста оцениваются различные виды коммуникативного вектора компетентности.

Для уровня «Средний» оценивается личностная компетентность в соответствии с Таблицей 7 и межличностная компетентность в соответствии с Таблицей 8.

Таблица 7.

Личностная компетентность : знания

№ п/п	Знания	Баллы
1	О типах индивидуального стиля творческих сотрудников, их достоинствах и недостатках	≤ 25 баллов
2	О психологии творчества, качества творческой личности	≤ 25
3	О структуре личности, о характеристиках (темперамент, характер, способности, профессиональные мотивы) и наличии навыков в их исследовании	≤ 25
4	О методах самодиагностики личностных качеств (ассертивности, стрессоустойчивости и др.)	≤ 25
	ИТОГО:	

Таблица 8.

Межличностная компетентность: навыки

№ п/п	Навыки	Баллы
1	В исследовании механизмов и технологий взаимного и группового общения	≤ 25 баллов
2	В реализации закономерностей сотрудничества и совместимости в малых группах, методов предупреждения и разрешения конфликтов	≤ 25
3	В развитии у сотрудников уровня креативности, ассертивности, реализации внутренних резервов с учетом индивидуальности	≤ 25
4	Вырабатывать общую систему ценностных ориентаций сотрудников, сплачивая их на этой основе	≤ 25
	ИТОГО:	

Для уровней «Организационный» и «Высший» производится дополнительно оценка рефлексивной компетентности в соответствии с Таблицей 9.

[0,6- 1] и имеются положительные квалификационные заключения о влиянии профессиональных рисков на успешность профессиональной деятельности.

Таблица 9.

Рефлексивная компетентность: способности

№ п/п	Способности	Баллы
1	Способность осознавать свои мотивы , намерения при общении и оценивать последствия их реализации	≤ 25 баллов
2	Способность формировать и мысленно реализовывать иерархию целей при общении	≤ 25
3	Способность поставить себя на место субъектов при общении, осознать их реакцию и мысленно оценивать последствия их реализации	≤ 25
4	Способность осуществлять психологические воздействия на формирование целенаправленного поведения других субъектов	≤ 25
	ИТОГО:	

Конкретные оценки определяются также, как и в таблице 6.

3)С учетом полученных оценок строится профиль коммуникативного вектора компетентности, который имеет три критерия для уровня «Средний»:

KB_1 – функции;

KB_2 – личностная компетентность;

KB_3 – межличностная компетентность.

Для других двух уровней добавляется ещё один критерий - рефлексивная компетентность (KB_4).

Профили коммуникативного вектора компетентности строятся также, как и для технологического вектора компетентности. Коммуникативная компетентность (КК) определяется по формуле:

$$KK = (KB_1 + KB_2 + KB_3 + KB_4) / 4 * 100.$$

Затем экспертная комиссия анализирует значения показателей ПК, ТК и КК и принимает решение о сертификации специалиста. Положительное решение принимается, как правило, если каждый из этих показателей находится в интервале

Определение профилей профессиональных рисков

Оценка профессионального риска по значениям психофизиологических параметров специалистов, характеризующих их склонность к ненормативным, несанкционированным действиям. Оценка профессионального риска (критерий ПР) производится в соответствии с Таблицей 10 на основании полученных расчетов.

Таблица 10

№ п/п	Категория специалиста, определенная в соответствии с подразделом 6.1	Баллы
1	4-ая категория	25 баллов
2	3-я категория	50 баллов
3	2-я категория	75 баллов
4	1-ая категория	100 баллов
	ИТОГО:	

Оценка профессионального риска по уровню психологической безопасности специалиста

Определяются уровни противоречий между ценностными ориентациями специалиста и реальными условиями деятельности в следующих сферах производственной среды: профессиональной, организационной, креативной, коммуникативной, материальной, социальной, этической.

Для каждой сферы посредством тестирования специалиста определяется уровень проявления несоответствий между ценностными ориентациями и реальными условиями деятельности. Затем производится определение профессионального риска $ПР_{2i}$ для каждой сферы по уровню проявления несоответствий (где i – номер сферы). Уровень проявления противоречий может быть высокий ($ПР_{2i} \leq 0,35$), средний ($0,35 < ПР_{2i} \leq 0,6$), малозначимый ($0,6 < ПР_{2i} \leq 0,8$), незначимый ($ПР_{2i} > 0,8$). Общее среднее значение профессионального риска $ПР_2$ определяется по формуле:

$$ПР_2 = \sum_{i=1}^7 ПР_{2i} / 7.$$

Экспертная комиссия анализирует значения показателей $ПР_1$ и $ПР_2$ и принимает квалификационное заключение о влиянии рисков на успешность и эффек-

тивность деятельности. Положительное заключение должно приниматься, как правило, если каждый из этих показателей находится в интервале $[0,6 - 1]$.

Заключение: Обоснованная концепция сертификации эргономистов легла в основу одного из стандартов систем добровольной сертификации СДСОТ (СТ СДОТ 13-2012). Аттестат аккредитации на сертификацию эргономисты (3№ 000016 зарегистрирован Федеральным агентством по техническому регулированию) есть только у одной организации – научного центра 12.04.2012г. «Институт эргономики и социально – экономических технологий» (г. Тверь).

Литература

1. Львов В.М., Нагиева О.В. Методический подход к оценке организационной культуры российских организаций. Журнал «Человеческий фактор: проблема психологии и эргономики», вып. №3, 2008г.
2. Львов В.М. Сертификация специалистов, разрабатывающих эргатические системы. Сборник докладов «Компетенция и компетентность в охране труда», М., НАЦОТ, 2012г.
3. Львов В.М., Шлыкова Н.Л. Проблема психологической безопасности личности. Журнал практического психолога, №4, М., 2007г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Альтман Ю.И. (Москва, Россия) - аспирант кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова

Аяпбергенова Г.Б. (Шымкент, Казахстан) - кандидат психологических наук, доктор философии по психологии, бизнес-тренер, консультирующий психолог

Бовин Б. Г. (Москва, Россия) - кандидат психологических наук, доцент ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний,

Калматаева Ж.А. (Алматы, Казахстан) - MD, PhD. Ректор. Высшая школа общественного здравоохранения.

Клюева Н.В. (Ярославль, Россия) - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой консультационной психологии ФБ ГОУ ЯрГУ им. П.Г.Демидова, академик МАПН

Козлов В.В. (г. Ярославль, Россия) - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, президент МАПН

Колодин В.В. (Алматы, Казахстан) - PhD, MPH. Старший преподаватель. Кафедра Общественного здоровья и социальных наук Высшей школы общественного здравоохранения. Специалист-психолог отделения профилактики и социально-психологической помощи, ГКП на ПХВ «Городская поликлиника №3».

Котина Н.Н. (Ярославль, Россия) - аспирант ФГБОУ ВПО ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Кривобоков А.С. (Ярославль, Россия) - аспирант кафедры консультационной психологии ФБ ГОУ ЯрГУ им. П.Г.Демидова

Кукина М. В. (Иркутск, Россия) - кандидат психологических наук, доцент кафедры психодиагностики и практической психологии ПИ ИГУ, член-корреспондент МАПН.

Левит Л. З. (Минск, Белоруссия) - кандидат психологических наук, доцент, научный корреспондент Института психологии им. Г.С. Костюка НАПН

Метельская Ю.С. (Ярославль, Россия) - психолог, преподаватель кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Мухамедова Д. Г. (Бухара, Узбекистан) - преподаватель кафедры психологии, Национальный Университет Узбекистана

Николаева Е.Ю. (Екатеринбург, Россия) - психолог, преподаватель кафедры социальной психологии Гуманитарного университета

Нугер Б. (Астана, Казахстан) - кандидат психол. наук, генеральный директор ТОО "AdvancedPartnership"

Ободкова Е. А. (Ярославль, Россия) - кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и психологии ФГБОУ ДПО «Государственная академия промышленного менеджмента им. Н.П. Пастухова», член-корреспондент МАПН.

Петренко В.Ф. (Москва, Россия) - доктор психологических наук, профессор МГУ, член-корреспондент РАН, зав. лабораторией "Психология общения и психосемантика" МГУ и лабораторией "Когнитивные исследования ИСА РАН, академик МАПН

Сандомирский М.Е. (Москва, Россия) - кандидат медицинских наук, преподаватель Института групповой и семейной психологии и психотерапии

Старцева К.Н. (Ярославль, Россия) - аспирант кафедры социальной психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Стёганцев А. В. (Москва, Россия) - кандидат психологических наук, PhD, ректор Академии Игропрактики

Усатаева Г.М. (Алматы, Казахстан) - кандидат медицинских наук, доцент кафедры Общественного здоровья и социальных наук

Высшей школы общественного здравоохранения.

Федорова Е. М. (Москва, Россия) - старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний

Хелде А. (Рига, Латвия) - кандидат психологических наук, доктор философии по психологии, преподаватель, консультирующий

психолог

Чернопятова А.В. (Ярославль, Россия) - аспирант кафедры консультационной психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова

Львов В.М. - генеральный директор Не-государственного научного учреждения «Научный центр «Институт эргономики и социально-экономических технологий».

